

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

**ЯЗЫК
СОЗНАНИЕ
КОММУНИКАЦИЯ**

Выпуск 34

МАКС ПРЕСС
Москва
2007

ББК 81
Я410

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова*

Рецензенты:

д.п.н., проф. *Ю.Е. Прохоров*

д.ф.н., проф. *Ю.А. Сорокин*

Электронные версии (.pdf) всех опубликованных выпусков доступны на
http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_index.html

Представляя рукопись в редколлегию, авторы тем самым выражают согласие с её безгонорарным опубликованием в сборнике "Язык, сознание, коммуникация" в печатном и/или электронном виде, включая размещение в Интернете

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред.
Я410 В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2007. –
Вып. 34. – 108 с.

ISBN 978-5-317-01858-0

Сборник содержит статьи, рассматривающие различные проблемы коммуникации как в свете лингвокогнитивного подхода, так и в сопоставительном аспекте, а также наиболее актуальные проблемы лингводидактики. Особое внимание уделяется национальной специфике общения, проявляющейся в особенностях ассоциативных рядов, коннотативного потенциала и восприятия художественных текстов.

Сборник предназначен для филологов – студентов, преподавателей, научных сотрудников.

Выпуски 1 и 2 опубликованы в 1997 г., выпуски 3, 4, 5, 6 – в 1998 г., выпуски 7, 8, 9, 10 – в 1999 г., выпуски 11, 12, 13, 14, 15 – в 2000 г., выпуски 16, 17, 18, 19, 20 – в 2001 г., выпуски 21, 22 – в 2002 г., выпуски 23, 24, 25 – в 2003 г., выпуски 26, 27, 28 – в 2004 г., выпуски 29, 30, 31 – в 2005 г., выпуски 32, 33 – в 2006 г.

ББК 81
Я410

ISBN 978-5-317-01858-0

© Авторы статей, 2007

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА

- Филиппова М. М.* Обзор некоторых понятий, существующих в английском языке для отражения косвенных смыслов 4
- Потапова Н. М.* Краткий обзор некоторых исследований эвфемизмов 27
- Кузьменкова В. А.* Диминутив как средство выражения имплицитных смыслов высказывания 38
- Зарецкий Е. В. (ФРГ)* Концепт «язык/речь» в немецком паремиологическом фонде 45
- Фрид М. А.* Слоганы как средства вербального воздействия в политическом предвыборном дискурсе 59

ЛИНГВОПОЭТИКА

- Изотова А. А.* Мотив судьбы в романе А. Мердок «Сон Бруно» 75

ЛИНГВОДИДАКТИКА

- Красных В.В.* Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: Программа курса для слушателей Факультета повышения квалификации 81
- Красных В.В.* Язык и культура: Программа курса для специальности «Теория и практика перевода» 91

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Васильева В.Ф.* Фундаментальное исследование чешского императива 101
- Сорокин Ю. А.* Письма Ольги Лазаревны Фишман (к истории ориентального переводоведения) 104

ЛИНГВИСТИКА

Обзор некоторых понятий, существующих в английском языке для отражения косвенных смыслов

© кандидат филологических наук М. М. Филиппова, 2007

Имплицитность, двусмысленный дискурс, непрямая коммуникация, скрытые смыслы – все это вопросы, которые интересуют представителей разнообразных гуманитарных дисциплин: языкознания, психологии и психолингвистики, литературоведения, философии, теории массовой коммуникации и пропаганды и пр. Серьезной проблемой при изучении данных явлений с позиций лингвистики является то, что многие существенные для этой тематики понятия просто не обсуждаются, потому что соответствующие им слова иногда не воспринимаются как термины (ср., например *двусмысленность*, *недоговоривание*, *умолчание*, *сдержанная оценка*), они выглядят как относящиеся к повседневной лексике, обыденному общению, не имеют статуса термина и поэтому отсутствуют в словарях по соответствующим дисциплинам (понятие *неоднозначности*, например, не эквивалентно общеизвестному понятию многозначности, которым пользуются представители языкознания и других гуманитарных наук, тем не менее оно отсутствует в лингвистических словарях, его нет в энциклопедии «Русский язык» и т.п.).

При этом нужно отметить, что мы живем в эпоху активнейшего распространения косвенных средств передачи смысла. Все, похоже, согласилось с тем постулатом психологической науки, что косвенное внушение эффективнее прямого, и в результате растет его использование в рекламном и политическом дискурсе, в торговле, в бизнесе и пр. Широко распространены пособия (большинство из которых написаны по ту сторону океана), в которых детальнейшим образом расписываются приемы косвенного внушения, используя которые можно достичь успеха на работе, в бизнесе и т.п.¹

В английском языке существует довольно широкий круг лексических единиц и соответствующих им понятий, которые, несмотря на их, казалось бы, неотчетливый терминологический статус, присутствуют в многочисленных англоязычных словарях по лингвистике, английскому языку, литературоведению, философии и другим гуманитарным дисциплинам. Одна из трудностей – это культурно-специфический смысл некоторых из этих понятий и то, что они по-разному воспринимаются носителями разных языков, например, английского и русского.

Некоторые понятия, относящиеся к данной теме, имеют статус общепринятых, широко известны, описаны гораздо более детально и зарегистрированы в соответствующих специальных словарях; это, например, полисемия (многозначность), омонимия, синонимия, эвфемизмы, ирония, сарказм. Каждое из этих понятий само по себе также заслуживает отдельного исследования. Нужно отметить, что специфические особенности того языка, на котором все эти вопросы обсуждаются (английского, русского и т.д.), накладывают печать на то, в какого рода терминах, в широком смысле этого слова, происходит обсуждение данной темы. Например, в лингвистических исследованиях, написанных по-русски, в наши дни часто фигурирует понятие **имплицитности**, тогда как соответствующее существительное в английском языке практически не употребляется, зато используются соответствующее однокоренное прилагательное **implicit** и наречие **implicitly**.

Попытаемся перечислить наиболее важные связанные с данной тематикой понятия, существующие в английском языке, и дать их объяснение. У нас возникнет следующий ряд лексических единиц, часть из которых функционирует как термины: **ambiguity** (неясность, двусмысленность, неопределенность; неоднозначность, двойственность; двусмыслица; двусмысленность; двусмысленное выражение; *лингв.* неоднозначность; омонимия (в особенности синтаксическая); *лог.* ложное доказательство из-за двусмысленности языкового выражения или значения); **understatement** (преуменьшение; занижение; сдержанное высказывание (суждение)); **meiosis** (*ритор.* мейосис); **doublespeak** (демагогия; пышные туманные речи); **double talk** (двойной стандарт (*в оценках и т.п.*)); пустые или демагогические высказывания; уклончивые речи (*особенно когда человек думает одно, а говорит другое, противоположное*)); **double meaning = double entendre** (двойной смысл, двусмысленность; двусмысленное слово или выражение); **allusion** (ссылка; упоминание (*устное или письменное*)); намек; (косвенное) указание; *лит.* аллюзия); **implication** ((скрытый) смысл, значение); **implicature** (имплицатура); **metalinguage** (метаязык), **circumlocution** (многословие; разглагольствование; уклончивые речи, околичности; *стил.* иносказание, парафраз(а)); **periphrasis** (перифраз(а)); **evasiveness** (уклончивость). Возможно, сюда же следует отнести такие довольно широкие понятия, как **politically correct language** (политкорректный язык), **parliamentary language** (парламентский язык), так как в данных разновидностях языка запрещены определенные слова и выражения, скажем, ругательства и обидные прозвища, но политикам все равно зачастую удается передать обидный смысл какими-либо косвенными средствами.

Тот факт, что эти вопросы волнуют представителей различных гуманитарных наук, указывает на несомненную актуальность данной про-

блематики. Еще одна серьезная проблема – это частичное пересечение терминологии: один и тот же термин, касающийся таких проблем, можно встретить в словарях по лингвистике, литературоведению, философии и т.д., причем трактовка дается под углом зрения соответствующей дисциплины. Сложность данной тематики такова, что, несмотря на ее очевидную актуальность, несмотря на интерес многих исследователей к данной проблематике, всеохватывающей общепризнанной теории или концепции не существует. Безусловно влиятельной является теория речевых актов (Дж.Остин, Г.П. Грайс и Дж.Р. Серль), однако в ней речевое общение рассматривается скорее с общепhilosophических позиций.

Итак, прежде всего обратимся к понятию **ambiguity**. Один из возможных способов передачи значения этого слова на русский язык – при помощи слова «неоднозначность».

Неоднозначность. Наличие более чем одного значения. Простейший случай – это *лексическая* неоднозначность, при которой одна языковая единица имеет два или более значения. В такой ситуации слово **ambiguity** фактически эквивалентно, или является синонимом, термина «полисемия». Предложение или грамматически сложная конструкция могут также быть неоднозначными из-за *структурной* неоднозначности, несмотря на то, что все слова, входящие в них, являются однозначными: ‘All the nice girls love a sailor’ (Все милые девушки любят моряка) может иметь по крайней мере три разных значения (есть один конкретный моряк, такой, как принц Эндрю, которого любят все; у каждой милой девушки свой собственный моряк, которого она любит; для каждой милой девушки любой моряк достоин любви).

Двусмысленность, неоднозначность. Фактическая или потенциальная неопределенность смысла, особенно если слово, оборот (фразу), предложение можно понимать двояко, например, в написанном виде предложение ‘They can fish’ может означать «Они могут (или способны) рыбачить» и «Они закатывают рыбу в консервные банки». Подчеркнем, что многие утверждения являются неоднозначными, когда взяты сами по себе, но понятны и становятся однозначными в своем контексте. Существуют десятки значений слова ‘run’, но, когда человек говорит о *running the marathon* (бежать марафон), он вряд ли будет использовать это слово в том смысле, в котором оно употребляется в выражении *running a company* (управлять компанией), хотя такой вариант вполне возможен и может в некоторых обстоятельствах быть актуальным. В процессе беседы двусмысленность обычно можно разрешить, задав вопрос: «Что Вы имеете в виду – X или Y?» Но при чтении такой вопрос автору не задашь и, если слово или термин никак не обозначены как означающие конкретный подразумеваемый смысл, отличить один смысл от другого может оказаться невозможным. (В таком предложении, как

'They can fish', разница в значениях передается при помощи ударения и интонации.) Из-за своей компактности газетные заголовки особенно часто проявляют специфические эффекты эллипсиса, как, например, в следующем предложении: MacArthur flies back to front («МакАртур летит обратно на фронт» или «МакАртур летит задом наперед»; фраза относится к американскому генералу МакАртуру во время американо-корейской войны).

Двусмысленность, неоднозначность. Данное понятие употребляется, кроме того, и в литературоведении и обозначает следующее: открытость для разных интерпретаций; или случай языкового употребления, в котором некоторые языковые единицы могут быть поняты различным образом. Иногда обозначаемая названием 'множественность смыслов' (multiple meaning), многозначность стала центральным понятием в истолковании поэтических произведений после того, как Уильям Эмпсон, в своей работе 'Seven Types of Ambiguity (Семь типов множественности смыслов)' (1930), выступил в ее защиту в качестве источника богатства поэтических произведений, а вовсе не недостатка, проистекающего из неточности формулировок. Многозначность поэтического слова, поэтического образа – указание на эту существенную сторону литературы обеспечило широкую и длительную влиятельность этой книге Эмпсона, который написал ее, будучи выпускником Кембриджского университета. Впоследствии Эмпсон долгое время преподавал в США, оказав воздействие на формирование «новой критики» (New Criticism), которая сделала «пристальное чтение» своим основным методологическим приемом, а символическую интерпретацию текста своей основной задачей.

В повседневной речи, как уже было отмечено, многозначность или двусмысленность обычно снимаются контекстом, но отдельные высказывания (*they are hunting dogs* – 'они охотятся на собак' или 'это охотничьи собаки') или очень сжатые фразы, такие, как заглавия книг (*Scouting for Boys* – 'Бой-скаутская наука для мальчиков' или 'Рыскать в поисках мальчиков') и газетные заголовки, могут оставаться двусмысленными. Сжатость фраз и неопределенный контекст во многих поэтических произведениях часто приводят к неоднозначности и вызывают неоднозначное понимание: в первой строке 'Оды греческой вазе' Китса

Thou still unravish'd bride of quietness,

слово *still* может означать «еще» или «неподвижная», или и то, и другое. Известно, что простейший тип неоднозначности достигается употреблением омофонов в каламбурах.

Грамматическая двусмысленность. Двусмысленность, объясняемая вариативными истолкованиями синтаксической структуры одной и той же цепочки слов, функционирующей как предложение. Например,

предложение «Я читал книгу на полу» может означать, что книга была на полу и что говорящий читал именно эту книгу; такое истолкование отражает синтаксическую конструкцию, в которой выражение «на полу» является определением к слову «книга». Альтернативное толкование может состоять в том, что говорящий лежал на полу, читая книгу: оно будет отражать конструкцию, в которой выражение «на полу» является обстоятельством места и относится к сказуемому «читал».

Синонимом данного выражения является **грамматическая омонимия**. Так, даже если мы рассматриваем всего лишь один языковой уровень (например, синтаксис), мы можем столкнуться со значительным количеством интерпретаций «одной и той же» языковой единицы. С приходом компьютерных методов обработки языковых материалов и активизацией разработок в области искусственного интеллекта, машинного перевода и т.п. увеличилась тенденция к «эксплицированию» возможных скрытых смыслов и подтекстов. Строго говоря, для того, чтобы «понять» текст или предложение, компьютер должен иметь подробное, исчерпывающее описание всех его возможных интерпретаций, что, как выяснилось, представляет колоссальную трудность. Среднему носителю языка иногда может показаться, что компьютерщики чересчур тщательно подходят к выявлению всех теоретически возможных синтаксических конструкций, которые могут быть приданы (приписаны) одному и тому же предложению, либо к выявлению всех теоретически возможных значений одной и той же грамматической структуры, причем значений, о которых, как правило, средний носитель языка просто не задумывается.

Так, в компьютерной программе, разработанной в Гарварде в 1960-х годах для синтаксического анализа предложений, есть знаменитый пример: *Time flies like an arrow*. На первый взгляд, это предложение кажется совершенно недвусмысленным (особенно учитывая расхожий характер фразы «время летит...»), если не обращать внимания на разницу между буквальными и метафорическими, т.е. фигуральными значениями слов, что не имеет к синтаксису никакого отношения. Однако, по словам С. Пинкера, автора книги «Язык как инстинкт» [20, с. 199-200], который разбирает данный пример, вездливые программисты, разрабатывающие соответствующие компьютерные программы, обнаружили, что данное предложение может быть манифестацией пяти разнообразных синтаксических конструкций (т. е. может иметь пять различных синтаксических «деревьев»!):

1. «Время летит как стрела» – изначально подразумеваемое значение, при котором слово *время* – подлежащее, выраженное существительным, *летит* – сказуемое, выраженное глаголом, и т.д.;

2. «Отмечайте по времени (т.е. хронометрируйте) скорость мух таким же образом, как вы измеряете скорость стрелы» – предложение в повелительном наклонении, в котором *time* – глагол в императиве, *flies* – прямое дополнение, выраженное существительным *муха* во множественном числе;
3. «Измеряйте скорость мух таким же образом, как стрела измеряет скорость мух» – это опять предложение в повелительном наклонении, но слово *like* относится здесь к подобию между тем, каким образом человек может хронометрировать полет мух, и тем, как это может сделать стрела; в предыдущем же предложении уподобление производилось между объектами хронометрирования – мухами и стрелой;
4. «Измеряйте скорость тех мух, которые похожи на стрелу» – это предложение также в повелительном наклонении, но в нем акцентируется форма мух: предлагается хронометрировать полет только тех мух, форма которых напоминает стрелу, – мух, похожих на стрелу;
5. «Мухам определенного типа, “мухам времени”, нравится стрела» – в данном предложении подлежащее выражено нестойким сложным существительным *time flies*, а слово *like* – глагол в функции сказуемого; среди кибернетиков-компьютерщиков это открытие было обобщено в высказывании *Time flies like an arrow; fruit flies like a banana* – «Мухам времени нравится стрела, а фруктовым мухам нравится банан».

Double meaning = double entendre: Двойное значение представляет из себя намеренную двусмысленность в слове или каком-либо выражении, в котором одно значение непосредственно очевидно и существенно, тогда как другое обычно имеет юмористический, интеллектуальный, циничный или другой подтекст. Например, британские рекламные лозунги *Running water for you* (1. «Водопроводная (проточная) вода для вас» или 2. «Выгоняем вашу жидкость»), использовавшийся Управлением Темзы по делам водного хозяйства, и *London Weekend Television – the best shows* (1. «Лондонское телевидение для выходных дней – самые лучшие шоу» или 2. «Лондонское телевидение для выходных дней – лучшее видно сразу»). Если подтекст является сомнительным, фривольным или скабрёзным, в английском языке часто используется устаревшее французское выражение **double entendre**. Когда дают его объяснение, то обычно подчеркивают, что этот оборот означает «двойной смысл» и принят в английском языке для обозначения каламбура, в котором слово или фраза имеет второе значение, как правило, связанное с сексом.

Например, в качестве предупреждения в рекламном плакате 1990 года, изображавшем шприц рядом с рукой человека, было написано: *It*

only takes one prick to give you Aids «Чтобы передать вам СПИД, требуется всего один укол» (альтернативная трактовка: «... требуется всего один половой контакт»).

Кроме упомянутых выше литературоведческих понятий существуют такие, как амфиболия (amphiboly) и дилогия (dilogy). **Амфиболия** [греч. amphibolos, нестандартная речь, т.е. 'бессмыслица, галиматья'] – это случайная двусмысленность фразы или словосочетания вследствие того, что грамматическая структура предложения допускает различные интерпретации, например: 'She suffered a bad taxpayer's dream' («Ей приснился тяжелый сон налогоплательщика» или «Она пережила сон дурного налогоплательщика» – «паразитарное» прочтение).

В уже упоминавшейся научно-популярной книге С. Пинкера «Язык как инстинкт» [20, с. 107-108] даются примеры газетных заголовков, допускающих такое «паразитарное» прочтение:

Squad Helps Dog Bite Victim

(«Отряд полиции помогает человеку, искусанному собакой» или «Отряд полиции помогает собаке искусать человека»)

New Housing for Elderly Not Yet Dead

(«Проект нового дома для престарелых, который пока еще действует» или «Новый дом для престарелых, которые пока еще живы»)

New Jersey Judge to Rule on Nude Beach

(«Судья штата Нью Джерси наведет порядок на нудистском пляже» или «Судья штата Нью Джерси будет заправилкой на нудистском пляже»)

Hershey Bars Protest

(«Протест в барах компании Херши» или «Шоколадки Херши против!»)

Дилогия [греч. *di* 'дважды, двойной', *logos* 'слово, понятие'; буквально 'двуречие'] – фигура двусмысленной речи, основанная на употреблении полисемичных слов или слов, имеющих омонимы, в таком контексте, который исключает их однозначное толкование.

На дилогии основаны многие каламбуры, например, знаменитая лаконичная предсмертная шутка Меркуцио в «Ромео и Джульетте»: 'Ask for me tomorrow and you shall find me a grave man'. Нарочито двусмысленный характер имеют многие заголовки в современной прессе; например, некоторые заголовки, которые приводит С. Пинкер, производят впечатление преднамеренной двусмысленности:

New Missouri U. Chancellor Expects Little Sex

(«Новый ректор университета Миссури надеется свести к минимуму секс [между студентами]» или «Новый ректор университета Миссури надеется на небольшое сексуальное приключение»)

Reagan Wins on Budget, but More Lies Ahead

(«Рейган выиграл прения по бюджету, но ему еще много предстоит сделать» или «Рейган выиграл прения по бюджету, но ему еще много предстоит лгать»)

С формальной точки зрения оба истолкования абсолютно равноправны, что и составляет суть диалогии.

Circumlocution. Многословие, разглагольствование; уклончивые речи, околичности; стил. иносказание, парафраз(а). Использование большего количества слов, чем это необходимо для выражения смысла. Когда на него обращают внимание, многословие обычно вызывает критику, но в словарях и пособиях британского издания справедливо отмечается, что оно может играть положительную роль, как, например, в таких ситуациях, когда говорящий хочет избежать нескладного, неловкого или засекреченного (табуированного) слова. Представляется, что это особенно существенно для британской культуры с ее установками на уклончивость, иносказание, парафразу, расплывчатый смысл, двусмысленность, неоднозначность, эвфемизацию речи, сдержанные оценки, недосказанность и недоговоренность и их более узкую разновидность мейосис, а также иронию и сарказм.

Многословие также называется перифразом. В риторике под **перифразом** понимается употребление большего, а не меньшего количества слов, особенно для того, чтобы высказаться о чем-либо многословно и косвенно, как, например, когда смерть пациента в больнице называется *negative patient care outcome* (*отрицательный результат ухода за пациентом*). Такое словоупотребление часто производит впечатление невразумительного, навязчивого, помпезного, авторитарного и шантажирующего (угрожающего и запугивающего). Выражение **periphrastic usage** (перифрастическое словоупотребление) отражает стиль данного рода. Близкими к данному понятию и связанными с ним являются **эвфемизм**, **литота** (частные случаи П.), **плеоназм**, **избыточность (redundancy)**, **тавтология**, **жаргон**.

В литературоведении под **перифразом(-ой)** (от *греч.* periphrasis – окольный оборот) понимается троп, описательно выражающий одно понятие с помощью нескольких; от самых простых случаев (*in respect of* и *with regard to* для обозначения *about* «о» и *concerning* «касательно») до самых сложных: *Persons prejudicial to the public peace may be assigned by administrative process to definite places of residence, i.e. breakers of the law may be sent to gaol* («Лицам, наносящим ущерб общественному спокойствию, могут посредством административного процесса быть предписаны определенные места жительства» – т.е. нарушителей закона могут отправить в тюрьму).

В широком смысле слова **перифраз** – это иносказательная, окольная речь или письмо. Здесь мы возвращаемся к понятию *circumlocution*, так как термин **перифраз** понимается также как многословие, разглагольствование, т.е. использование либо большого количества, либо очень странных слов в тех случаях, когда будет достаточно либо нескольких, либо простых и коротких слов. Например: *Her olfactory system was suffering from a temporary inconvenience (i.e. her nose was blocked)* («Ее обонятельная система страдала от временного неудобства», т.е. у нее был заложен нос).

Большая часть перифрастических словоупотреблений проистекает из чрезмерно интеллигентной («джентильной») заботы о «вежливости» в отрицательном смысле этого слова. Такого рода помпезностью, пустыми фразами и многословием часто соблазняются малограмотные или полуграмотные люди. Их также очень любят юристы, политики, официальные лица, бюрократы и пустословы. То, что сэр Эрнест Гауэрс называл *officialese* («канцеляритом» или бюрократическим языком), перегружено иносказательными выражениями.

В своей занимательной книге «Англичане»² Дэвид Фрост и Энтони Джей, обсуждая фигуры власти и тот бюрократический язык, которым они пользуются, приводят примеры устойчивых фраз, используемых бюрократами, и дают их «перевод» на обычный язык, т.е. тот смысл, который не может быть вербализован напрямую, однако все-таки содержится в них и должен быть понят простыми гражданами, имеющими с ними дело.

Так, они цитируют лорда Беркенхеда, который сказал однажды в притихшей Палате Лордов: «Это законопроект, который привел в ужас все совестливые христианские сообщества в Европе»³. Авторы далее комментируют это высказывание, объясняя, что речь шла о мерах, принятых для того, чтобы обеспечить очень легкую, незначительную степень автономии христианскому сообществу в Уэльсе, и затем поясняют, что на самом деле лорд Беркенхед имел в виду, что эта мера может огорчить его и некоторых его друзей. Люди, стоящие у власти, стараются защитить свое положение при помощи языка, которым пользуются, и который, как считают Д. Фрост и Э. Джей, никогда не несет смысл, реально присущий тому, что сказано.

Д. Фрост и Э. Джей дают список некоторых фраз, используемых бюрократами, с шутовым «переводом» их подтекста, т.е. реально содержащегося в них смысла⁴ (а ведь в каждой шутке есть доля истины):

«Вопрос рассматривается» означает «Мы потеряли папку с этим делом».

«Вопрос рассматривается очень активно» – «Соответствующий работник пытается найти папку».

«Это не в интересах общества» – «Это в интересах общества, но не в наших».

«Общественное мнение пока еще не готово к таким мерам» – «Общественное мнение готово к таким мерам, а мы нет».

«Это актуальная проблема, и поэтому мы создаем Королевскую комиссию для ее решения» – «Это ужасно, но мы надеемся, что через три года либо все полностью об этом забудут, либо мы сможем найти еще кого-нибудь, на кого можно будет свалить всю вину».

«Как я сказал на прошлом ежегодном собрании, это остается важной, и на самом деле даже жизненно важной частью политики нашей компании, но, к сожалению, в данный момент не существует непосредственной возможности осуществить это» – «Забудьте об этом».

«Когда пробьет час» – «Никогда».

«В не слишком отдаленном будущем» – «Никогда».

«Никогда» – «Как только мы на это осмелимся».

«У нас произошел полный, откровенный и далеко идущий обмен мнениями, и оба правительства с нетерпением ожидают новой встречи в дальнейшем» – «Мы находимся в состоянии войны».

«У нас происходит перегруппировка сил для окончательного успешного наступления» – «Кабинет министров покидает Лондон».

«Стратегический отвод войск» — это беспорядочное бегство, «поэтапный отвод войск» — это беспорядочное бегство с недостаточным количеством транспортных средств. «Преднамеренный, неспровоцированный акт агрессии» — это когда их сторона начинает войну; «упреждающий удар с воздуха» — это когда войну начинает наша сторона. Учтем, говорят авторы, что первый упреждающий удар с воздуха имел место в Перл Харборе. Хотя это было с их стороны.

Д. Фрост и Э. Джей цитируют некоторые высказывания занимающих важные посты государственных служащих, например сэра Томаса Падмора, который, давая свидетельские показания королевской комиссии о работе госслужащих, сказал буквально следующее: "What I have said has demonstrated that it is very difficult to find an answer to that question; but, if I were pressed for an answer, I would say that, so far as we can see, taking it rather by and large, taking one time with another, and taking the average of Departments, it is probable that there would not be found to be very much in it either way."⁵ (То, что я сказал, показывает, что очень трудно найти ответ на этот вопрос; но, если бы меня настойчиво попросили на него ответить, я бы сказал, что, насколько

мы можем видеть, если воспринимать все в общем и целом, и рассматривать и тот, и иной случай, и брать среднее в правительственных департаментах, то возможно, что ничего особенного там не найдешь ни в ту, ни в другую сторону).

Это настолько яркий пример уклончивости и неопределенности в речи, что комментарии здесь излишни. Можно отметить, однако, что примеры, которые до этого казались юмористическим преувеличением, в свете данного случая приобретают характер вполне правдоподобных. Так, в своей книге «Жизнь и как в ней уцелеть»⁶ Джон Клиз и Робин Скиннер приводят пример того, как различия между британским и американским менталитетом проявляются на уровне речи, когда американцы демонстрируют характерную для них прямооту и простоту поведения, в том числе и словесного, которое часто истолковывается британскими носителями языка как грубость.

В этой книге Д. Клиз рассказывает, что, когда он впервые оказался в Нью-Йорке, его первыми впечатлениями были энергичность и грубость окружающих, но вскоре он понял, что его впечатления имеют культурную подоплеку. Он осознал, что многое из того, что он квалифицировал как грубость, было всего лишь простотой и прямоотой такого рода, к которой он не привык. Например, когда американцу нужна соль, он говорит 'Pass the salt, please' («Соль передайте, пожалуйста»). Несмотря на свою принадлежность к британской культуре Джон Клиз, как бы отстранившись от нее и демонстрируя то, как она его забавляет, но одновременно и любуясь ею, с некоторым изумлением говорит: «Хотите верьте, хотите нет, но для англичанина это может звучать грубо! Несколькo прямолинейно и весьма неизящно». По словам этого автора, британцы больше привыкли к фразам типа: 'I'm so sorry to trouble you, but I wonder if I might be so bold as to ask you if you could see your way clear, if it's not too inconvenient, to consider the possibility of, as it were, not to put too fine a point on it, passing the salt, or not, as the case may be.'⁷ (Я так сожалею, что мне приходится Вас беспокоить, но мне любопытно, нельзя ли мне проявить такую смелость, чтобы спросить Вас, не предоставится ли Вам такая свобода действий, если это не слишком неудобно для Вас, чтобы рассмотреть как бы такую возможность, если не формулировать это не слишком утонченно, передать мне соль, или не передавать – как получится.)

Хотя данное предложение Джона Клиза, безусловно, является риторическим преувеличением, предназначенным, среди прочего, для достижения комического эффекта, однако оно достаточно верно отражает речевые нормы британской культуры с ее установками на уклончивость, расплывчатый смысл, двусмысленность, неоднозначность, эвфемизацию речи, сдержанные оценки, недосказанность и недоговоренность.

Перифрастическое словоупотребление, т.е. многословная и разглагольствующая манера речи часто являются результатом неряшливого и небрежного мышления, но они могут использоваться также и намеренно – обычно для достижения комического эффекта, особенно в речевой характеристике героев. Кроме того, в 18-м веке, в частности, приличия и поэтическая благопристойность требовали перифрастического словоупотребления.

Так, писательница Элиза Фэй, рассказывая про изменения, произошедшие в отношении публики к женскому литературному творчеству между 1792 и 1816 годами, писала: ‘Since then a considerable change has gradually taken place in public sentiment, and its development; we have now not only as in former days a number of women who do honour to their sex as literary characters, but many unpretending females, who fearless of the critical perils that once attended the voyage, venture to launch their little barks on the vast ocean through which amusement or instruction is conveyed to a reading public.’⁸ (С тех пор произошли постепенные изменения в чувствах публики и их развитии; и теперь у нас есть, не только как в былые дни, ряд женщин, которые делают честь своему полу в качестве литературных героинь, но и многие непритязательные дамы, которые, не страшась критических опасностей, которые когда-то сопутствовали этому путешествию, осмеливаются отправиться в своих маленьких суденышках по огромному океану, через который развлечения, поучения и наставления сообщаются читающей публике). Элиза Фэй использует развернутую метафору, сравнивая литературный труд, которым занимаются некоторые дамы, с плаванием по океану литературы; при этом она употребляет ряд перифрастических выражений: «женщины, которые делают честь своему полу в качестве литературных персонажей» вместо «героини литературных произведений»; «огромный океан, через который развлечения, поучения и наставления сообщаются читающей публике» вместо «художественная литература» и пр.

Во второй половине XX века исследователи языка стали обращать все большее внимание на **doublespeak**, т.е. двусмысленный демагогический язык (~ речь), что является важным понятием при обсуждении речи политиков, военных и т.п. Можно сказать, что **doublespeak** – это многословие, разглагольствование и околичности, которые направлены на обслуживание некоторых политических и идеологических целей. **Doublespeak** – это такое употребление языка, которое отвлекает внимание от истинного смысла, или скрывает истинный смысл того, что хочет сказать говорящий или выступающий, или переключает внимание слушающих с тех мыслей, которые неотступно присутствуют у оратора в сознании, на другие, более выгодные для него. Это язык, целью которого является представить плохое как хорошее, а неприятное как привле-

кательное или, по крайней мере, терпимое. Цель такого языка обычно состоит в том, чтобы избежать ответственности за что-либо, или переложить ее на других, или полностью ее отрицать. Результатом воздействия двусмысленного демагогического языка является то, что часто в конечном итоге он лишает людей, которые его воспринимают, способности критически осмысливать происходящее или ограничивает такую их способность. Двусмысленный демагогический язык можно рассматривать с точки зрения эвфемизмов, бюрократического жаргона и напыщенного языка.

В своей статье *The World of Doublespeak*⁹ У. Лутц приводит много примеров такого рода выражений из различных областей. Из сельского хозяйства им взято выражение *grain-consuming animal units* (потребляющие зерно животные единицы) для обозначения домашних животных и птицы: коров, свиней, кур и т.п. Из области бизнеса он приводит пример многомиллиардного падения фондового рынка в 1987 году, которое было названо *a fourth quarter equity retreat* – отступление на четверть стоимости ценных бумаг. Самолеты не падают, они всего лишь имеют неконтролируемый контакт с земной поверхностью (*uncontrolled contact with the ground*); дворников называют «техническими работниками окружающей среды» (*environmental technicians*); смерть пациента в Филадельфийской больнице произошла из-за «диагностической неудачи высокого порядка» (*diagnostic misadventure of a high magnitude*), а не из-за преступной халатности врача.

Примеров демагогического, туманного стиля речи можно найти множество. Так, в 1984 г. представитель Госдепартамента США сообщил, что в ежегодных докладах этого департамента о положении прав человека в странах по всему миру больше не будет использоваться слово *killing* «убийство»; вместо этого будет использоваться эвфемизм *unlawful or arbitrary deprivation of life* «незаконное или произвольное лишение кого-либо жизни». У. Лутц в своей комментарии отмечает, что таким образом Госдепартамент США избегает обсуждения санкционированного правительством убийства людей в странах, которые США поддерживают и которые аттестованы в США как такие, в которых уважают права человека. Еще один пример: адмирал Уэзли И. Макдональд, когда ему задали вопрос о том, почему у вооруженных сил США отсутствовала разведывательная информация по Гренаде перед тем, как они осуществили вторжение на остров в 1983 г., ответил: «Мы не занимались микроменеджментом Гренады в терминах развединформации примерно до тех временных рамок»¹⁰. Если это высказывание «перевести» на общепонятный язык, оно означает: «Да, у нас отсутствовала эта развединформация». Когда компания «вводит в действие программу усиления карьерных альтернатив», на самом деле она производит со-

кращение 5000 работников.¹¹ При том усилении коммуникации во всемирных масштабах, которое мы наблюдаем в настоящее время, язык такого рода очень быстро распространяется как внутри отдельных стран, так и по всему миру. Он приобретает некий статус законности, когда его используют общественные деятели, особенно ведущие политики, и распространяется благодаря подражанию.

У. Лутц определяет *doublespeak* как всеохватывающий термин для обозначения такого языкового употребления, при котором говорящие только притворяются, что сообщают некую информацию, а на самом деле этого не делают. Базовой характеристикой этого языка У. Лутц считает несоответствие между тем, что говорится, или остается невысказанным, и тем, что есть на самом деле: между словом и тем, с чем оно соотносится, между тем, что кажется и что имеет место, между существенно важной, неотъемлемой функцией языка как средства общения и тем, что делает этот двусмысленный демагогический язык: вводит в заблуждение, искажает, обманывает, изображает в раздутом и напыщенном виде, заманивает в языковые ловушки, чтобы провести слушающих, напускает туману и сбивает с толку.

В статье показано, что такого рода язык пронизывает всю нашу жизнь. Когда мы приходим в магазин за покупками, надписи в магазине приглашают нас проверить наши сумки у входа «для нашего удобства», хотя это делается вовсе не для нашего удобства, а ради выполнения магазином «программы по сокращению уменьшения инвентарного списка товаров» (*program to reduce inventory shrinkage*). Мы видим объявления о продаже «ранее находившихся во владении» (*preowned*), «ранее достигших выдающихся результатов» (*previously distinguished*) машин, рекламу «натуральной имитации кожи» (*genuine imitation leather*), «натурального винила» (*virgin vinyl*) или «по-настоящему поддельных бриллиантов» (*real counterfeit diamonds*).

Существует иронически-насмешливый «Приз за двусмысленный демагогический язык» (*Doublespeak Award*), который был установлен в 1974 г. Он ежегодно вручается от имени «Комитета по контролю за публичной двусмысленной демагогической речью» тем людям или организациям в США, которые используют такой публичный язык, если, по мнению комитета, он служит целям обмануть, ввести в заблуждение, уклониться от ответственности, эвфемистически завуалировать нечто неприятное, или противоречит сам себе. Эта «награда» выдается исключительно в тех случаях публичного употребления языка для произнесения заявлений, которые имеют вредные или даже пагубные социальные, политические или экономические последствия. Победители данного приза включают в себя индустрию атомной энергетики за использование таких выражений, как «быстрая оксидация (окисление)» для обо-

значения пожара, «энергетический распад» для обозначения взрыва, и «противоестественное развитие событий» для обозначения несчастного случая; среди победителей также фигурирует Пентагон за употребление выражения «оружие, обладающее повышенной радиацией» для обозначения нейтронной бомбы.

Среди разнообразных средств передачи смысла косвенными средствами можно назвать **косвенные вопросы**, т.е. высказывания, имеющее смысловую нагрузку вопроса, когда форма этого высказывания не вопросительная. Например, повествовательное предложение «Мне бы хотелось знать, как его зовут» может быть использовано как косвенный вопрос, произносимый частично с такими же намерениями, как и вопросительное предложение «Как его зовут?»

Упоминание косвенных вопросов приводит нас к более общему понятию **косвенного речевого акта**, т.е. высказывания, языковая форма которого не отражает напрямую его коммуникативную цель. Во время занятия, например, высказывание “There’s a book on the floor” (На полу книга), обращенное учителем к ребенку, имеющее форму утверждения, обычно следует истолковывать как команду или просьбу поднять книгу. Иначе говоря, это такой речевой акт, смысловая нагрузка которого отличается от общепринятого буквального значения произнесенного предложения. Так, например, фраза «Ты мог бы закрыть окно?» имеет форму вопроса; следовательно, согласно некоторым описаниям, это в буквальном смысле слова вопрос. Акт произнесения этой фразы в качестве просьбы будет, следовательно, косвенным речевым актом.

Упоминание косвенных речевых актов заставляет нас обратиться к теории речевых актов (Дж. Остин, Г.П. Грайс и Дж.Р. Серль) и ее основным понятиям, многие из которых стали общепринятыми. Центральным среди них является понятие **речевого акта**, который понимается как коммуникативная деятельность, определяемая с точки зрения намерений говорящего во время речи и того эффекта, который она оказывает на слушающего. В таком контексте, сам речевой акт называется **локутивный (locutionary) акт**; интенциональный аспект – это его **иллокутивная нагрузка (illocutionary force)**, а воздействие на слушающего – это **перлокутивный эффект** данного акта. Лингвистами предлагались названия для обширного круга речевых актов, таких, как директивы (например, команды), комиссивы (например, обещания) и экспрессивы (например, извинения).

Еще одним важным понятием в данной теории является **импликатура (implicature)** – тот скрытый смысл или намек на смысл (подсказка смысла), которые можно вывести из формы высказывания. Этот термин был введен Грайсом для обозначения того, что подразумевается высказыванием. Однако многие авторы подчеркивают, что импликатура вы-

ходит за пределы того, что подразумевается содержанием высказывания в строгом смысле слова. Так, автор словаря философских терминов приводит следующий пример¹²: если меня спрашивают о моем новом коллеге, а я отвечаю: «Говорят, что у него хорошая орфография», тогда, несмотря на то, что из моих слов фактически нельзя сделать никаких выводов о его философских способностях, тем не менее то, что я так сказал, подразумевает, что я придерживаюсь низкого мнения об этих способностях. Беседа, разговор могут в значительной степени зависеть, строиться и разворачиваться вокруг импликатур, как, например, когда мы осуждаем при помощи притворной похвалы (*damning with feint praise*).

Итак, импликатура – это любое значение предложения, выходящее за рамки объяснения значения этого предложения с точки зрения условий истинности. Сюда включаются как **разговорные импликатуры** проиллюстрированного типа, которые изначально определялись как один из видов импликатуры, так и более утонченная категория **конвенциональных (традиционных) импликатур**. (При нестрогом подходе термин **импликатура** употребляется также для обозначения **разговорной импликатуры**.) В **конвенциональных импликатурах** одна языковая единица может иметь точно такое же содержание, как некоторая другая, но ее употребление может содержать в себе импликатуру вследствие определенных условностей. Так, например, одна из возможных трактовок взаимоотношений между предложениями ‘He is poor and honest’ и ‘He is poor but honest’ заключается в том, что они имеют одно и то же содержание (т.е. являются истинными согласно одним и тем же условиям), но, как следствие значения союза ‘but’, второе содержит импликатуру (то, что такое сочетание качеств удивительно или многозначительно), которых нет у первого.

В свою очередь, **разговорная импликатура** – это импликатура, использующая принципы кооперации (сотрудничества), которые управляют эффективностью разговора; например, если человек говорит: «Смотри, вон поезд!», подходя к железнодорожному вокзалу, скорее всего, он подразумевает «Нам надо поторопиться», а не «В какой прелестный цвет он окрашен».

Разговорную импликатуру можно также понимать как любой смысл, который подразумевается или может быть понят при произнесении высказывания, который выходит за рамки того, что сказано или того, что следует из сказанного (в строгом смысле слова). Например, фраза *It is raining* в конкретных контекстах может подразумевать (альтернативно, в зависимости от того, кто говорит о возможных импликациях) «Мы не сможем поехать на пикник», «Нам лучше закрыть окна» и т.д.

Иногда **разговорные импликатуры** делят на **конкретизированные импликатуры**, которые, как вышеупомянутые, действительны только в конкретном случае, когда произнесено предложение, и **обобщенные импликатуры**, которые в принципе действительны каждый раз, когда предложение произносится. Например, предложение I like quite a lot of professors (мне нравится довольно много профессоров) имеет обобщенную импликацию «Мне нравятся не все профессора».

Если же говорить о **конвенциональных (традиционных) импликациях**, то их можно также определить как импликации, закрепляемые традициями и условностями за определенными выражениями. Например, ‘What’s yours?’ (Ты что будешь?), если это сказано в баре, подразумевает: ‘I’m buying you a drink’ (Я покупаю тебе порцию выпивки). Импликации выделяются как конвенциональные в том смысле, что, в отличие от разговорных импликаций, их нельзя объяснить общими максимами разговора.

Человек, изучающий иностранный язык, довольно часто сталкивается со своеобразным «внутриязыковым» переводом определенных фраз и выражений изучаемого языка, который иногда может поставить его в тупик. Именно в таких случаях мы и наблюдаем действие конвенциональных импликаций. Авторы знают, что перевод именно таков, благодаря своему социальному опыту, опыту жизни в определенном обществе. Так, например, в весьма поучительной книге А. Пиза и А. Гарнера¹³ дается список устойчивых фраз из лексикона агентов по продаже недвижимости, которые используют их, чтобы сделать продаваемый объект наиболее желанным для покупателя. Авторы приводят некоторые из этих фраз и раскрывают их истинный смысл.

Метаязык	Перевод
Unique opportunity to purchase (уникальное предложение)	We are having difficulty selling (у нас серьезные трудности с продажей)
An interesting... (очень интересный)	An ugly... (страшный)
Compact (компактный)	Very small (очень тесный)
Cottage-style (уютный коттедж)	Rocky (выглядит по-деревенски)
Residence with great potential (дом с большим потенциалом)	Fallen-down dump (натуральная развалюха)

Situate (окруженный особой средой)	Situated (расположенный)
In an exclusive, quiet area (исключительно спокойный, тихий район)	A long way from shops and schools (далеко от магазинов и школы)
This unique, sought-after property (уникальный по красоте дом)	This ordinary-looking property (самый заурядный)
Comprises spacious hall, cosy lounge room, 3 bedrooms and modern kitchen (в доме просторный холл, большая гостиная, 3 спальни и современная кухня)	Comprises small hall, tiny lounge room, 3 bedrooms with no wardrobes and kitchen with new paint (крохотный холл, тесная гостиная, 3 спальни без шкафов и свежевывкрашенная кухня)
Transport at door (близость городского транспорта)	Transport stops two metres from front door (стоянка автобуса прямо у дверей)
Bright sunny outlook (окна на солнечную сторону)	Faces west (все окна на запад)
On to low-maintenance yard (двор не требует усилий на поддержание порядка)	Has no yard (двора просто нет)
Many original features (очень оригинальная планировка)	Has outside toilet and laundry (туалет и приспособление для стирки на улице)
Ideal for the handyman (идеальный дом для человека, который любит работать руками)	Will cost a fortune to renovate (на ремонт понадобится целое состояние)

Данному списку предшествует объяснение того, что авторы называют **метаязыком**. Следует сразу же отметить, что их понимание метаязыка отличается от того, которое является наиболее распространенным у лингвистов.¹⁴ Здесь можно провести параллель между терминами «метаязык» и «метатекст». В трактовке авторов, употребляемый ими термин «метаязык» приобретает свое значение от греческой приставки «мета-», означающей «над», и означает следующее: язык, который кодирует (содержит, передает, зашифровывает) идеи (мысли), отличные от идей естественного человеческого языка. Иначе говоря, это язык, скрывающийся внутри языка. Фактически авторы ставят себе задачу понять те мысли, которые скрываются за использованными фразами. Нужно

признать, что, читая их истолкование излюбленных фраз агентов по продаже недвижимости, трудно не согласиться с их интерпретацией – большинству людей понятно, почему риэлторы так любят эти фразы: они ведь не могут позволить себе «называть вещи своими именами», т.е. говорить о недостатках продаваемых объектов. Их задача – представить все в положительном свете, и если проделать достаточно утонченные языковые манипуляции, то клиент может подпасть под гипнотическое влияние хорошо выстроенных фраз, «лакирующих» действительность, и не успеть увидеть за ними неприглядную реальность.

Если после данного отступления, вызванного обсуждением смысла конвенциональных импликатур, возвратиться к дальнейшему обсуждению теории речевых актов, то следует, по-видимому, обратиться к понятию **условия истинности**, которое фигурировало при объяснении термина «импликатура». **Условия истинности** – это те условия, при которых предложение, или пропозиция, выражаемая им, являются истинными. Например, предложение «У меня рыжие волосы» является истинным при условии, если говорящий на самом деле имеет рыжие волосы. Семантика условий истинности – это описание условий истинности предложений, причем часто такое описание, в котором значение предложения уравнивается с этими условиями истинности.

Еще одно центральное понятие теории речевых актов – это **разговорные максимы**, т.е. набор общих принципов, выдвинутых Грайсом как часть его объяснения и описания импликатур. Эти общие принципы, как считает философ, лежат в основе эффективного использования языка и в совокупности тождественны **принципу кооперации (сотрудничества)**. В качестве иллюстрации можно взять ситуацию, когда человек говорит: «У Билла две машины». Строго говоря, это будет истинным, даже если у Билла, скажем, пять машин. Однако, в соответствии с **максимой количества**, от говорящих ожидается, что они не станут сообщать меньше информации, чем это уместно; поэтому это предложение содержит в себе импликатуру (в строгом смысле слова, говорящий подразумевает, или имплицитует), что у Билла не больше двух машин, поскольку максима количества констатирует, что участники разговора должны предоставлять не больше и не меньше информации, чем требуется для того, чтобы сделать свое сообщение понятным адресату.

Лежащее в основе импликатур предположение заключается в том, что общение требует сотрудничества (кооперации) между говорящим и его собеседником. Следовательно, взятые в совокупности, максимы – это особые случаи того, что Грайс в общем назвал **принципом кооперации**. Признаются четыре базовых максимы. Максима количества уже была объяснена; в соответствии с **максимой качества** от говорящих ожидается, что они не станут говорить ничего такого, что они считают

ложным или по поводу чего у них нет достаточных свидетельств. Иначе говоря, вклад, который говорящие делают в разговор, должен быть истинным, а не ложным (например, намеренно вводящим в заблуждение). В соответствии с **максимой релевантности (уместности)** предполагается, что разговаривающие не будут говорить вещи, которые несущественны, т.к. эта максима констатирует, что высказывания участников должны соотноситься с той целью, ради которой производится обмен репликами в ходе разговора. В соответствии с **максимой манеры** ожидается, что они будут высказываться кратко и ясно, избегая туманных выражений и двусмысленностей, т.е. многих из тех явлений, которым посвящена данная статья. Согласно объяснениям Грайса, импликатуры возникают как из-за того, что говорящие соблюдают такие максимы, как в вышеприведенном примере, так и из-за того, что они намеренно пренебрегают ими. Например, говорящему может быть задан вопрос, отвечая на который он может сказать нечто несущественное; и тогда человек, задавший вопрос, может догадаться, что его сочли неприличным и что ответа на него не последует.

Понятие релевантности было переработано в важный принцип, который ставит своей целью объяснить природу когниции, т.е. познания (**теория релевантности**). При таком подходе, все коммуникативные акты рассматриваются как имеющие гарантию оптимальной релевантности и истолковываются в свете этой гарантии.

Таким образом, если дать обобщенное определение **принципа кооперации**, то можно определить его так: принцип, используемый при анализе разговора, который устанавливает, что говорящие во время общения стараются сотрудничать друг с другом; в частности, они стараются, чтобы их речь была содержательна; они стараются говорить правду; стараются говорить существенные вещи; стараются говорить понятно. Считается, что слушатели предполагают, что говорящий выполняет эти условия. Однако в этом можно усомниться, рассматривая двусмысленный демагогический язык, перифрастический стиль речи и пр., примеры которых, как мы видим, встречаются довольно часто.

Еще одним важным понятием, существенным для понимания импликатур, является **акт игнорирования** (пренебрежительного отношения) (**flout**). С технической точки зрения, в прагматике это говорится об осознанном несоблюдении одним из собеседников одной из разговорных максим. Например, собеседник **А** может задать **Б** вопрос «Сколько вы заплатили за свой дом?», на что **Б** может ответить: «Какой на Вас сегодня красивый галстук». Таким образом **Б** пренебрегает максимой, согласно которой тот вклад, который собеседники делают в обмен репликами при разговоре, должен быть существенным для темы разговора.

Несоблюдение этой максимы, однако, указывает говорящему **A** на то, что он не получит ответа на свой вопрос.

Условия удачного осуществления речевого акта (felicity conditions) – это также важный элемент теории речевых актов, так как они являются значимыми для понимания некоторых типов имплицатур. Это критерии, которые должны удовлетворяться, если от речевого акта требуется, чтобы он достиг своей цели. Например, для должного осуществления речевого акта обручения двух людей говорящий должен иметь полномочия осуществлять такую деятельность – отнюдь не все имеют право заявить: «А теперь я провозглашаю вас мужем и женой». Или опять-таки, речевой акт будет неудачен, если он используется как просьба об определенной реакции со стороны человека, про которого говорящий знает, что тот не в состоянии выполнить эту просьбу; как в ситуации, например, когда человека, который не водит машину, просят занять место водителя. Такие высказывания, конечно же, обычно не используются говорящими, если у них нет особых намерений (таких, как сарказм или юмор).

Изучив рассмотренные понятия, с сожалением приходится констатировать, что они отнюдь не охватывают всех моментов, существенных для понимания косвенных смыслов. Дальнейший разбор понятий такого рода – еще одна тема для изучения.

Примечания:

1. Например: разговаривая со своим начальником, время от времени передвигайте свой взгляд ему на лоб, т.е. смотрите ему не в глаза, а на то пространство, которое выше них. Это передает ему тонкий сигнал вашего доминирования по отношению к нему. – *Jack Griffin*. How to Say It at Work. Putting Yourself Across with Power Words, Phrases, Body Language, and Communication Secrets. Prentice Hall Press, New York, 1998, стр. 88. В этом же пособии подробно расписано, какие слова и выражения можно использовать в разговоре со своим начальником, а какие нет. Можно предположить, что это также делается из соображений косвенного внушения, направленного на достижения воздействия на окружающих.
2. *Frost D., A. Jay*. The English. N.Y., 1968.
3. 'This is a Bill which has shocked the conscience of every Christian community in Europe'. *Frost D., A. Jay*. The English. N.Y., 1968. C. 125.
4. *Ibidem* C. 126.
5. *Ibidem* C. 125.
6. *Skyner R., Cleese J.* Life and How to Survive It. London, 1994.
7. *Ibidem* C. 182.
8. Цит. по: *W.S. Maugham*. Ten Novels and Their Authors. London, 1991. C. 66-67.
9. *William Lutz*. The World of Doublespeak. In: The State of the Language. 1990s edition. Edited by C. Ricks and L. Michaels. London, 1991. C. 254.
10. *Ibidem*. C. 256.
11. *McArthur T.* The Concise Oxford Companion to the English Language. Oxford, 1998. C. 186.
12. *Blackburn S.* The Oxford Dictionary of Philosophy. Oxford, 1996. C. 188.

13. Pease A., A. Garner. Talk language. How to Use Conversation for Profit and Pleasure. London, 1991. Русский перевод этой книги: Аллан Пиз, Алан Гарнер. Говорите точно. Как соединить радость общения и пользу убеждения. М., 2004.
14. См, напр., *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М., 2004. С. 232. Или: 'Язык «второго порядка», по отношению к которому естественный человеческий язык выступает как «язык-объект», т.е. как предмет языковедческого исследования'. – Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 297.

Л и т е р а т у р а

1. *Баранов А.Н., Паршин П.Б.* Языковые механизмы вариативной интерпретации действительности как средство воздействия на сознание // Роль языка в средствах массовой коммуникации: Сборник обзоров. М., 1986.
2. *Боллинджер Д.* Истина – проблема лингвистическая // Язык и моделирование социального взаимодействия: Переводы. / Сост. В.М. Сергеева и П.Б. Паршина; общ. ред. В.В. Петрова. – М., 1987.
3. *Ветошкин А.А.* Подтекст как выразительное средство языка (на материале английского языка): Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. М., 2001.
4. *Гак В.Г.* Повторная номинация и ее стилистическое использование // Вопросы французской филологии. М., 1972.
5. *Герасимова О.И.* О типах значений косвенных высказываний // Прагматические и семантические аспекты синтаксиса. Калинин, 1985.
6. *Дементьев В.В.* Непрямая коммуникация и ее жанры. Саратов, 2000.
7. *Долинин К.А.* ИмPLICITное содержание высказывания // ВЯ, 1983, № 6.
8. ИмPLICITность в языке и речи / Под ред. Е.Г. Борисовой и Ю.С. Мартмянова. М., 1999.
9. *Иссерс О.С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М., 2003.
10. *Кобозева И.М., Лауфер Н.И.* Об одном способе косвенного информирования. Известия РАН. Серия литературы и языка. Т. 47. № 5, 1988.
11. *Конрад Р.* Вопросительные предложения как косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. Общая редакция Е.В. Падучевой. М., 1985.
12. *Ларина Т.В.* Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах. М., 2003.
13. *Лекомцева Н.В., Н.С. Иванова.* Лингвистические аспекты имPLICITности текста // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста: Материалы международного симпозиума. Ч.1. Научные статьи. Волгоград, 2003.
14. *Лисоченко Л.В.* Высказывания с имPLICITной семантикой (логический, языковой и прагматический аспекты). Ростов-на-Дону, 1992.
15. *Масленникова А.А.* Лингвистическая интерпретация скрытых смыслов. СПб, 1999.
16. *Москвин В.П.* Двусмысленность как стилистическая категория // Языковая личность: проблемы когнитивной и коммуникации. Волгоград, 2001.
17. *Мыркин В.Я.* Текст, подтекст и контекст // ВЯ, 1976, № 2.
18. *Падучева Е.В.* Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
19. *Пинкер С.* Язык как инстинкт. М., 2004.
20. *Федосюк М.Ю.* Неявные способы передачи информации в тексте. М., 1988.
21. *Филатова Е.А.* Побудительные высказывания как речевые акты в современном русском языке: Дисс. ... канд. филол. наук. М, 1997.
22. *Ambiguous Discourse.* Chapel Hill, 1996.
23. *Baldick C.* The Concise Oxford Dictionary of Literary Terms. Oxford, 2001.
24. *Blum-Kulka S.* Playing It Safe: the Role of Conventionality in Indirectness // Cross-cultural Pragmatics: Requests and Apologies. Ed. by S. Blum-Kulka, J. House and G.

- Kasper. Vol. XXI in the series *Advances in Discourse Processes*. R.O. Freedle, ed. Norwood, N.J., 1989.
25. *Bolinger D.* Truth is a Linguistic Question. *Language. Journal of the Linguistic Society of America*. V. 49, number 3, September 1973.
 26. *Crystal D.* *The Penguin Dictionary of Language*. 2nd ed. London, 1999.
 27. *Cuddon J.A.* *The Penguin Dictionary of Literary Terms and Literary Theory*. 4th ed. London, 1999.
 28. *Hayakawa S.I. and A.R. Hayakawa.* *Language in Thought and Action*. N.Y., 1990.
 29. *Hudson K.* *The Jargon of the Professions*. London, 1979.
 30. *Lutz W.* The World of Doublespeak. In: *The State of the Language*. 1990s edition. Edited by C. Ricks and L. Michaels. London, 1991.
 31. *Matthews P.H.* *The Concise Oxford Dictionary of Linguistics*. Oxford, 1997.
 32. *McArthur T.* *The Concise Oxford Companion to the English Language*. Oxford, 1998.
 33. *Pinker S.* *The Language Instinct*. Penguin Books, 1995.
 34. *Richards C.* Inferential Pragmatics and the Literary Text. *Journal of Pragmatics* 9 (1985) 261–285.
 35. *Searle J.R.* *Mind, Language and Society. Philosophy in the Real World*. N.Y., 1999.
 36. *Wierzbicka A.* *Cross-cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1991.

Краткий обзор некоторых исследований эвфемизмов

© Н. М. Потапова, 2007

Значимость явления эвфемии подтверждается интересом к ней с античных времён. В «Античной теории языкознания и стиля» под редакцией О.М. Фрейденберга говорится об упоминании термина «эвфемизм» Гиппием, Демокритом, Платоном, Аристотелем. Можно утверждать, что люди знали об этом языковом явлении и пользовались им в древности и продолжают пользоваться до сих пор. Истоки этого явления нужно искать в особом складе мышления людей. Эвфемизм – это не просто языковой феномен (слово, словосочетание, или фраза, использованные вместо неудобных, с точки зрения говорящего, лексических единиц), но и отражение склонности человека структурировать действительность особым образом. Употребляя более приемлемое слово, человек снижает остроту конфликта с реальностью, который возникает вследствие запрета – табу на произнесение некоторых слов. Эвфемизм призван решать эту проблему. Он связан с феноменом табу.

Запреты существовали всегда. В жизни древнего общества имя было тесно связано с обозначаемым. Люди верили в магическую силу слов и считали, что внутри слова происходит, выражаясь образно, борьба мрака и света. Следствием этих взглядов явилось возникновение феномена табу, то есть запрета на определённые действия и на ряд слов в языке. Люди представляли себя активными участниками жизни-борьбы и путём употребления верных слов стремились влиять на исход этой борьбы¹.

М.М. Маковский считает, что феномен табу оказал глубокое влияние на всё последующее развитие человеческой культуры и на само возникновение этой культуры. В феномене табу отразилась диалектика человеческого мышления, взаимопроникновения «да» и «нет» и свобода выбора между ними [Маковский 2006]. Именно явление табу дало человеку возможность осознать природу на фоне контраста. А контраст, как известно, ведёт к познанию, даёт возможность различить единство и множество, скрытое и явленное, внешнее и внутреннее. По мнению М. М. Маковского, именно табу лежало в основе создания человеческой морали. В основе табу и эвфемизма лежит один и тот же феномен – запрет. Запрет в языке – это недопустимость употребления слова. Сле-

¹ Табу – это заимствование из одного из полинезийских языков: ta – «отмечать», «выделять» и ru (bu) – «всецело», вместе – «всецело выделенный», «особо отмеченный».

довательно, значение эвфемизма, не только как средства языка и речи, но и как особого способа структурирования реальности, велико.

Изучением табу и связанных с ним эвфемизмов занимались этнографы [Зеленин 1929] и лингвисты [Маковский 2006]; [Ларин 1961]; [Кацев 1977]; [Роусон 1995]; [Холдер 1995]. Краткое рассмотрение эвфемизмов в диахроническом плане покажет эволюцию этого явления.

Аксиомой считается положение о связи языка и культуры, об отражении в языке изменений, происходящих в обществе. Культура регулирует поведение людей, подавляя опасные и вредные для общества склонности человека, формирует нормы поведения – нравственные, правовые, этикетные. Эти нормы закрепляются в языке. Поэтому исследователи эвфемизмов вынуждены «привлекать к анализу не только сами эвфемистические выражения, но и тот социально-культурный и языковой фон, на котором возникает нужда в эвфемизмах» [Крысин 1994].

Считается, что первые эвфемизмы появились в английском языке в среднеанглийский период (XII – XV века). В XIV веке вошла в моду французская культура, призывающая к большей утонченности, в результате чего появилась тенденция к облагораживанию языка. Исследователь истории языка Р. Бёчфилд приводит примеры эвфемизмов в поэзии Чосера, служившего при королевском дворе. Стиль и содержание своих произведений Чосер заимствовал у модных французских писателей. “Chaucer, the releaser of so much informal vocabulary that before him was restricted to the spoken language, boldly introduces euphemisms into his works. In the Merchant’s tale the young bride May declares that she must go “Ther as ye woot that every wight moot neede” (where as you know, every one must go) [Burchfield 1991]. – «Чосер, являясь новатором в использовании неформальной лексики, которая до него была принадлежностью разговорного языка, смело вводит эвфемизмы в свои произведения. В Рассказе Купца юная невеста Мэй объявляет, что она должна пойти “туда, куда, как вы знаете, каждый ходит”» (перевод наш. – *Н.П.*). Считается, что Чосер стал первым использовать эвфемизмы для замены прямых наименований из области секса (“Wife of Bath”, “The Canterbury Tales”). Шекспир развил эту тенденцию. Очевидно, к эвфемизмам он прибегал как к стилистическому средству, создавая свои волнующие образы:

Fondling, she saith, since I have hemm’d thee here
Within the circuit of this ivory pale,
I’ll be a park, and thou shalt be my deer;
Feed where thou wilt, on mountain or in dale:
Graze on my lips; and if those hills be dry,
Stray lower, where the pleasant fountains lie.

Несомненно, Дж. Лоуренс высказал верную мысль, полагая, что поэзия является не только искусством создания подходящих образов, но и

искусством эвфемии: “when the bold statement of fact might be banal or ludicrous or even obscene” – «когда прямое название факта может быть банальным, нелепым, или даже неприличным» [Лоуренс 1973] (перевод наш. – *Н.П.*).

Во второй половине XVI века пуритане, активные борцы за нравственность, предприняли попытки насильно внести изменения в язык. Они выступали за запрет называть имя Бога всеу. Это считалось оскорбительным. Это табу привело к возникновению целой группы эвфемизмов. Например, шекспировское “Well, God give thee the spirit of persuasion...” стало звучать как “Well, maist thou have the spirit of persuasion”. Английская драма подверглась преследованиям, закрыли театры, поскольку то, что звучало с театральных подмостков, казалось пуританам недостойным. Была введена цензура, появились новые интерпретации произведений Шекспира, и соответственно, новые эвфемизмы. Традиции пуритан оказались настолько сильны, что ощущались и в XVIII веке. Примером произведения того времени, изобилующего эвфемизмами, является роман С. Ричардсона «Памела». Для описания щекотливых ситуаций автор использует популярные в то время эвфемизмы: “...he intends my ruin” – «Он хочет погубить меня» (перевод наш. – *Н.П.*). “Preserve me Heaven from being his” – «Не позволяйте мне, о небеса, принадлежать ему» (перевод наш. – *Н.П.*).

В XIX веке началась индустриальная революция, повлекшая за собой урбанизацию. Началась миграция населения из деревень в города. Мужская часть населения была занята в промышленности, а женщины должны были посвящать своё время дому и семье. В моде была чистота, непорочность и деликатность. Изменение условий жизни привело к изменению общественных вкусов и морали. Новая мораль находила отражение в языке и литературе. Ужесточилась цензура. Произведения великих авторов снова переписывались, чтобы оградить читателей от «непристойностей». Среди тех, кто занимался редактированием классиков, наиболее известен Томас Бодлер. Он является автором десятичного издания произведений Шекспира, знаменитого тем, что из него были исключены “those words and expressions which cannot with propriety be read aloud in a family” – «те слова и выражения, которые не могут вслух читаться в благопристойных семьях» (перевод наш. – *Н.П.*). Эвфемизмы служили целям цензуры, заменяя собой недопустимые слова. Например, “He that hath kill’d my king and seduc’d my mother” – «Тот, кто убил моего отца и соблазнил мою мать» (перевод наш. – *Н.П.*) заменила собой оригинальную фразу “He that hath kill’d my king and whor’d my mother” – «Тот, кто убил моего отца и развратил мою мать» (перевод наш. – *Н.П.*).

На Викторианскую эпоху, эпоху пристойности, пришёл расцвет эвфемизмов. Скромность и целомудрие были возведены в культ. Появились эвфемизмы обозначающие части тела не только человека, но и животных и даже частей мебели. Так, слово legs заменялось косвенным limbs, belly – abdomen или даже breadbasket .

Однако за внешней утончённостью часто скрывалась неприглядная картина. Нравы лондонцев того времени описаны в книге Дж. Гринвуда “The seven curses of London” [Greenwood 1869]. Автор пишет о высокой детской смертности, большом количестве публичных домов, специфическом бизнесе Baby Farming. Это название само является эвфемизмом, маскирующим жуткое явление – заработок путём покупки незаконно-рожденных детей, которые затем часто умирали. Книга Дж. Гринвуда содержит множество эвфемизмов того времени: baby farming, dress lodgers (бедные проститутки), wrens (разновидность падших женщин). Таким образом, большая часть эвфемизмов той эпохи относилась к интимной сфере жизни.

XIX и XX век – время быстрого научно-технического прогресса, переоценки Викторианских ценностей. По свидетельству Г. Л. Менкена, первая мировая война принесла “defiant looseness of speech” – «вызывающую свободу слова» (перевод наш. – *Н.П.*). В литературе поворотным моментом было творчество Д. Г. Лоуренса. Он потратил многие годы на борьбу с существовавшими запретами, призывал к снятию табу на упоминание сексуальных отношений (“Порнография и непристойности” 1921). Лоуренс считал, что «непринуждённая чистая открытость в отношении секса принесёт пользу, а припадки пуританства – как раз средство, которое может дать обратный эффект». С этим трудно не согласиться, ведь всё запретное вызывает у человека повышенный интерес (вспомним пословицу – «запретный плод сладок»).

Мировые войны, научно-технический прогресс, постепенная глобализация меняют общество. Исчезли многие табу и появились новые – сексизм, расизм, эйджизм (ageism), религиозизм и др. Эвфемизмы как языковое отражение феномена табу присутствуют во всех сферах деятельности человека.

Рассмотрим табу и эвфемизмы с языковой точки зрения. Обратимся к классикам русского языкознания.

А.А. Реформатский считает табу этнографическим понятием, касающимся и языка. Для замены табу-слов нужны эвфемизмы, «то есть разрешённые слова, которые употребляют вместо запрещённых слов». [Реформатский 2005, 105]. По мнению А.А. Реформатского, источником табуирования служат суеверия и предрассудки, а также цензурный запрет и этикет.

Обратимся к мнению Р.А. Будагова об эвфемизмах. Учёный считает, что явление табу обусловлено верованиями и отражает определённую ступень в развитии мышления. Оно не прошло бесследно для языка и интересно исследователям, так как даёт возможность разобраться в развитии отдельных слов, в заменах одних слов другими [Будагов 2003]. Однако учёный отрицает генетическую связь современных эвфемизмов с табу, считая, что своеобразные запреты на слова, которые встречаются среди культурных народов, определяются другими причинами [Будагов 2003]. К этим причинам автор относит этические нормы словесного поведения, заставляющие говорящего «смягчать» неудобное слово. Например, не желая оскорблять неумного человека, о нём говорят, что он «не изобретёт пороха».

Эвфемия вызывала и вызывает интерес многих исследователей. Б.А. Лариным (1961), А.М. Кацевым (1977), Н.Ц. Босчаевой (1989), Л.В. Артюшкиной (2002), Г.Г. Кужим (2003) и др. были исследованы и описаны разные аспекты эвфемии. Так, например, семантические способы эвфемистической субституции и типы семантических отношений были изучены Е.Е. Тюриной и Л.В. Артюшкиной. Прагматический аспект эвфемии был подробно рассмотрен Н.Ц. Босчаевой. Эвфемизмы в ряду мелиоративной лексики изучались Г.Г. Кужим. Социально-психологический аспект эвфемизмов рассмотрел А.М. Кацев, эвфемизмы в свете теории вторичной номинации описаны Н.М. Бердовой.

Проведённые исследования демонстрируют многоплановость явления и позволяют выделить четыре взаимосвязанных аспекта эвфемии:

- языковой
- психологический,
- социальный,
- прагматический.

Подходы к изучению этого явления варьируются в зависимости от того, какой аспект исследователь считает наиболее важным.

Обратимся к термину «эвфемизм» (euphemism). Он образован от греческих *eu* и *pheme*, которые в древнегреческо-русском словаре И.Х. Дворецкого переводятся как «произносить слова благоприятного значения, то есть воздерживаться от неподобающих слов, не кощунствовать или хранить благоговейное молчание».

Большинство авторов, исследовавших явление эвфемии, находятся в рамках субституционного подхода, считая эвфемизм субститутом неудобного слова. «Эвфемизмы – это заменные разрешённые слова, которые употребляют вместо запрещённых (табуированных)» [Реформатский 2003, 105].

Созвучное данному подходу определение даёт Лингвистический Энциклопедический Словарь: «Эвфемизмы – это эмоционально нейтраль-

ные слова или выражения, употребляемые вместо синонимичных им слов и выражений, представляющих говорящему неприличными, грубыми или нетактичными».

Субституционному подходу соответствует узкое понимание природы эвфемии, в основе которого лежит понятие субституции, то есть замены грубого слова нейтральным. Узкий подход к изучению эвфемизмов можно объяснить тем, что они часто образуются путём переноса значения и часто являются метафорами. Например, слово *academy* используется в значении *brothel* (бордель).

В целом, в отечественной лексикологии распространено узкое толкование эвфемии. А все случаи субституции рассматриваются либо в рамках перифраз, мелиоративной лексики, либо средств манипулятивного воздействия. (Л.В. Грехнева., Г.А. Макарова, А.А. Нефёдова.) По мнению многих отечественных исследователей, мелиорация включает и понятие эвфемистической субституции.

Можно, однако, предположить, что субституционный подход к явлению эвфемии не универсален, несмотря на то, что некоторая часть эвфемистических наименований является субститутами: *Irish fever* (*typhus*), *falling evil* (*epilepsy*). (Например, в словаре эвфемизмов Холдера другие варианты обозначений этих заболеваний не зафиксированы.) Но у субституционного подхода есть ряд недостатков. Так, не всегда можно определить, какое слово (называемое антецедентом, или заменяемым словом) было замещено эвфемизмом, т. е. антецедент неизвестен. Кроме того, часто у эвфемизма нет слова-эквивалента (напр., *underachiever*), и оно объясняется описательным оборотом. В этом случае любое слово или выражение является субститутом, так как может быть описано при помощи дефиниции.

Некоторые авторы (И.В. Арнольд, А.М. Кацев) рассматривают эвфемизмы как частный случай косвенной номинации, что характерно для широкого подхода к рассмотрению данного явления. «Косвенное наименование менее тесно и привычно связано с предметом высказывания, в нём предполагаются побочные ассоциативные связи с иным содержанием» [Кацев, 1988].

«Словарь лингвистических терминов» О.С. Ахмановой толкует эвфемизм так: «Троп, состоящий в непрямом, прикрытом, вежливом, смягчающем обозначении какого-либо предмета или явления» [Ахманова, 1969].

В работах западных учёных (D. Cristal, R. Holder, H. Rawson, etc.) эвфемистическая замена также трактуется широко, и разделение на мелиоративы и «собственно» эвфемизмы не проводится. В словаре “*The Oxford Companion to the English Language*” зафиксировано: “*Euphemism* – mild comforting or evasive expression that takes place of one that is taboo,

negative or too direct". Холдер, автор словаря эвфемизмов, главным критерием отбора лексических единиц считает их положительную оценочную направленность.

Многие отечественные учёные сходятся во мнении, что не существует общепринятых критериев в определении изучаемого явления (напр., [Сеничкина 2006]). Тем не менее, на основе выработанных учёными представлений и критериев принадлежности языковой единицы к эвфемизму можно утверждать, что эвфемизм обладает следующими чертами:

- стигматичность денотата (негативная коннотация). Понятие «стигма» расшифровывается в работе Н. М. Бердовой: «Под стигмой понимается не только отрицательное качество «предмета», нашедшее своё отражение в его антецеденте, но и его способность вызывать негативные эмоции»;
- создание положительной коннотации;
- сохранение истинности высказывания.

Е.П. Сеничкина указывает на несколько дополнительных признаков:

- семантическая неопределённость эвфемизма, позволяющая смягчать негативную оценку денотата;
- формальный характер улучшения денотата, что позволяет адресату понять, о каком предмете или явлении идёт речь [Сеничкина 2006].

Если употребляемому для сглаживания негативной эмоции эвфемизму не удаётся сохранить связь с денотатом, то это уже не эвфемизм, а намеренное искажение правды. С этим положением согласны все исследователи этого явления. У эвфемизма должны присутствовать все перечисленные признаки.

Автор данной статьи является сторонником широкого подхода к явлению эвфемии, относя к этому языковому феномену как устойчивые общелитературные эвфемизмы, нашедшие отражения в нескольких словарях эвфемизмов (например, [Holder Oxford Dictionary of Euphemisms 1995]), так и контекстуальные эвфемизмы, требующие рассмотрения в контексте ситуации и обладающие всеми основными признаками эвфемизма, перечисленными выше.

А теперь рассмотрим существующие классификации эвфемизмов.

Многие авторы, исследовавшие явление эвфемии, предпринимали попытки классифицировать эти единицы. Типы классификаций варьируются в зависимости от аспекта, положенного в основу классификации.

Р.А. Будагов предложил наиболее общую классификацию этих единиц, разделив их на эвфемизмы общелитературного языка и эвфемизмы различных жаргонов. К первым относятся «смягчения» для стремления не называть слишком «грубые» слова («почтенный возраст» вместо

«старости»). Эти эвфемизмы, по мнению автора, проникают в литературный язык и способствуют развитию его словарного состава: расширяют полисемию, увеличивают количество омонимов. Например, в XVII веке в Италии арестованным перевязывали руки «особыми приспособлениями», которые вследствие эвфемизации называли «рукавчиками» (по-итальянски ручные кандалы – *manichini* – рукавчики, манжеты). Иной характер, считает Р.А. Будагов, имеют эвфемизмы жаргонов. Они отличаются от общелитературного языка тем, что употребляются не только по отношению к таким предметам и понятиям, точные названия которых произнести иногда действительно неудобно. К эвфемизмам жаргонов прибегают тогда, когда, казалось бы, в них нет никакой необходимости. Например, эвфемизмы своеобразного жаргона среднепоместного русского дворянства XIX века. «Нехорошо ведущий себя стакан (стакан воняет), облегчила себе нос, обошлась посредством платка». Известно, что на основе различного рода жаргонов развивались даже отдельные недолговечные литературные направления: Эвфуизм в XVI веке в Англии (от имени Эвфуса, героя романа Лили), претенциозная литература XVII века во Франции (Мольер «Смешные жеманницы»).

Отдельную группу, по мнению Р.А. Будагова, представляют контекстуальные эвфемизмы. Они более сложны и определяются «условиями особого контекста или характером того лица, которое выражает свои мысли. Так, различные эвфемистические замены определяются сложной ситуацией, характером тех или иных действующих лиц, общим замыслом» [Будагов 2003]. Контекстуальные эвфемизмы Е.П. Сеничкина называют окказиональными [Сеничкина 2006]. Они возникают в речи постоянно и обладают всеми свойствами эвфемизмов, но не имеют готовой воспроизводимости. Часто такие эвфемизмы образны и метафоричны. Обращает внимание на этот тип эвфемизмов и А.М. Кацев. Он считает, что окказиональные эвфемизмы обладают большим эвфемистическим эффектом. Они свежи, не стёрты. [Кацев 1988]. Например, часть тела, которая служит более для сидения, чем для катания (В. Каверин. Исполнение желаний); или пример, взятый из отчёта “National Union of Public General Employees of US – a class action suit by shareholders of Sunbeam over wildly misstated corporate financial statements in 1990” – «Из отчёта профсоюза госслужащих США – иск акционеров компании Санбим в отношении значительных искажений в корпоративной финансовой отчётности в 1990» (перевод наш. – *Н.П.*). Окказиональные (контекстные) эвфемизмы могут со временем переходить в разряд языковых, при этом значительно теряя свой эвфемистический потенциал. Например, слово «голубой» в значении ‘гомосексуалист’ стало эвфемизмом. (Пример из: [Сеничкина 2006]). Данный автор наряду с окказиональными выделяет следующие разряды эвфемизмов: языковые эвфемизмы,

которые закреплены в языке и осознаются его носителями («кончина» вместо «смерть»); эвфемизмы по происхождению, потенциал которых не осознаётся носителями языка («Лада» вместо «Жигули»; «народный комиссар» вместо «министр»); а также исторические и деэвфемизмы (дисфемизмы).

Продолжим рассмотрение существующих классификаций эвфемизмов. Наиболее многочисленны тематические классификации, самая объёмная из них сделана Р. Холдером. Он выделил шестьдесят лексико-семантических подклассов эвфемизмов. Например, Abortion and miscarriage, Age, Bankruptcy and Indebtedness, Cheating, Commerce Banking and Industry, etc. Эта классификация демонстрирует разнообразие и масштаб групп стигматичных денотатов, для обозначения которых употребляются эвфемизмы.

В тематической классификации А. М. Кацева выделено десять лексических разрядов по понятийным сферам:

- наименования сверхъестественных сил;
- наименования понятий смерти и болезней;
- наименования, относящиеся к сфере пороков;
- наименования, относящиеся к половой сфере;
- наименования, обозначающие понятия бедности;
- наименования, обозначающие некоторые профессии;
- наименования умственных и физических недостатков;
- наименования, относящиеся к сфере физиологии;
- наименования предметов одежды [Кацев 1988].

Ещё один тип классификации – это социальные классификации, где критерием отбора служит принадлежность слова к определённому социальному коллективу. Примером может служить классификация, предложенная Б.А. Лариным, который выделил три группы эвфемизмов:

- общеупотребительные эвфемизмы национального литературного языка;
- классовые и профессиональные эвфемизмы;
- семейно-бытовые [Ларин 1961].

Далее, можно классифицировать эвфемизмы по характеру эвфемистического потенциала [Кацев 1988]:

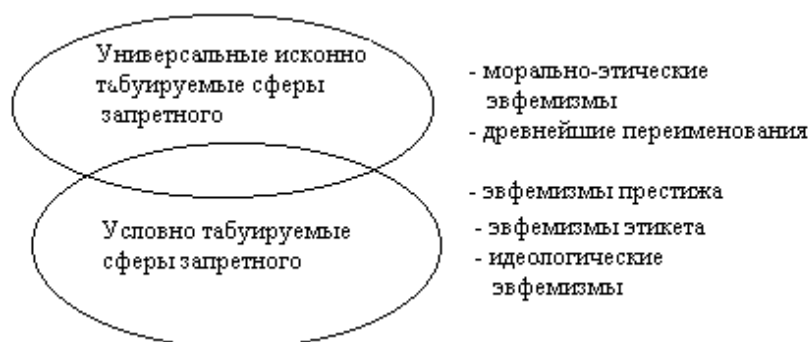
- стертые эвфемизмы (напр. liquidity crisis – inability to pay our debts);
- истинные эвфемизмы;
- истинные эвфемизмы с дополнительным стилистическим эффектом, например, с юмором или иронией.

И, наконец, выделяют лингвистические классификации, например:

- по структуре (слово, словосочетание, предложение);

- по стилистической принадлежности (возвышенные, нейтральные, сниженные);
- по способу словообразования: 1) семантические сдвиги (метафора, метонимия, сужение значения и др.), 2) способы изменения формы (фонетические искажения, конверсия, аффиксация, аббревиация и др.), 3) заимствования [Торопцева 2001].

Л. В. Артюшкина в своём исследовании семантического аспекта эвфемистической лексики разработала следующую классификацию эвфемизмов:

Попытки классифицировать изучаемое явление отражают стремление исследователя глубже проникнуть в его суть, рассмотреть его с разных точек зрения, подробнее описать структуру. Многочисленные предложенные классификации эвфемизмов демонстрируют сложность и многогранность явления эвфемии и помогают увидеть его во всей полноте.

С течением времени некоторые явления и обозначающие их слова устаревают и выходят из употребления, но феномен эвфемизма постоянно присутствует в языке. Значение эвфемизмов, несомненно, велико. Это не только выразительное средство языка и речи, но и способ структурирования реальности, дающий возможность различать скрытое и явное, раскрывающий природу явлений.

Л и т е р а т у р а

1. Античная теория языкознания и стиля / Под ред. О.М. Фрейденберга. СПб, 1996.
2. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка. М., 1996.
3. Артюшкина Л.В. Семантический аспект эвфемистической лексики в современном английском языке: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2002.
4. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1969.

5. *Бердова Н.М.* Эвфемизмы в свете теории вторичной номинации: Дисс. ... канд. филол. наук. М.1998.
6. *Босчаева Н.Ц.* Контекстуальная эвфемия в современном английском языке. Л., 1989.
7. *Будагов Р.А.* Введение в науку о языке. М., 2003.
8. *Дворецкий И.Х.* Древнегреческо-русский словарь / Под ред. Соболевского. М., 1958.
9. *Кацев А.М.* Эвфемизмы в современном английском языке. Л., 1977.
10. *Крысин Л.П.* Эвфемизмы в современной русской речи. Русский язык конца столетия. М., 1996.
11. *Кужим Г.Г.* Универсальный лингвистический закон триады: Дисс. ... канд. филол. наук. Армавир, 2003.
12. *Ларин Б.А.* Об эвфемизмах. Учёные записки ЛГУ, 1961.
13. Лингвистический Энциклопедический Словарь / Под ред. В.М. Ярцевой. М., 1990.
14. *Лоуренс Д.* Порнография и непристойности. М., 2003.
15. *Маковский М.М.* Феномен табу в традициях и языке индоевропейцев. М., 2006.
16. *Нефёдова Л.А.* К вопросу о манипулятивном использовании в повседневном общении косвенных высказываний. Тамбов, 1998.
17. *Реформатский А.А.* Введение в языковедение. М., 2005.
18. *Сеничкина Е.П.* Эвфемизмы русского языка. М., 2006.
19. *Burchfield R.* History of English Language. London, 1991.
20. *Greenwood J.* The seven curses of English. London, 1896.
21. *Holder R.W.* Dictionary of Euphemisms. Oxford, 1995.

Диминутив как средство выражения имплицитных смыслов высказывания

© кандидат филологических наук В. А. Кузьменкова, 2007

Для осуществления успешной коммуникации на неродном языке необходимо не только знание системы языка, глубокое проникновение в его структуру, но и распознавание тех имплицитных значений грамматических форм, которые возникают в реальной речи. Между значениями грамматических категорий в системе языка и их значениями в конкретном речевом произведении нередко обнаруживаются несоответствия. Значения грамматических форм, приобретенные в процессе реальной коммуникации и не совпадающие с их категориальными значениями, зафиксированными в традиционной грамматике, мы называем вторичными. Так, например, при помощи грамматической формы «диминутив» может быть передан целый спектр модальных значений, но это явление пока ещё не находит своего отражения в традиционной грамматике. Отсутствие указаний на возможность проявления подобных имплицитных значений приводит к коммуникативным неудачам.

Эта важная проблема не осталась незамеченной в научных публикациях. Грамматика говорящего обсуждается, например, в известной книге Б.Ю. Нормана (книга так и называется – «Грамматика говорящего»). На описание языковых средств, выражающих имплицитные смыслы, проявляющиеся в реальной речи, ориентировано учебное пособие Г.И. Володиной «Особенности выражения некоторых смыслов в разговорной речи», её статьи «Некоторые из средств выражения в высказывании субъективных смыслов» (I, II), посвящённые частицам русского языка. Эта проблема обсуждалась в докладе И.Г. Милославского «Активная речевая деятельность – дырчатость языка – языковая картина мира» на X Конгрессе МАПРЯЛ в Санкт-Петербурге. Однако существующие описания подобных явлений по-прежнему носят фрагментарный характер, к сожалению, до сих пор не представлены (за редким исключением) в виде системы и не снабжены необходимым для преподавателей и иностранных учащихся комментарием.

С позиций функциональной грамматики представляется актуальным рассмотреть вторичные значения диминутива как одного из способов передачи субъективно-оценочных значений в русском языке. Ниже представим некоторые результаты наших исследований.

Согласно традиционной грамматике, к основным значениям диминутива относятся «уменьшительное», «ласкательное», «уменьшительно-ласкательное» или «уменьшительно-уничижительное». Между тем, как

было сказано выше, в реальной коммуникации выявляется еще целый спектр модальных значений, которые передаются при помощи диминутива, сопряженного с другими языковыми средствами. Довольно часто подобные значения остаются «за кадром», попадают в неясную зону, вызывают непонимание и даже недоумение у тех, для кого русский язык не является родным. Многочисленные примеры доказывают, что эта форма часто бывает социально значима и должна быть обязательно понята для осуществления адекватной коммуникации.

Условно разделим анализируемые вторичные значения на две группы: I группа объединена по принципу «позитивные значения» (значения со знаком «+»); II группа – по принципу «негативные значения» (со знаком «-»).

Рассмотрим значения диминутивов из первой группы.

- Использование форм диминутива служит для создания атмосферы повышенной доброжелательности, придаёт высказыванию окраску подчеркнутой вежливости: *«Присядьте на **стульчик!** Подождите одну **минуточку!**» (РР)*. Приведём также пример не только подчеркнуто вежливого, но в определённой степени подобострастного отношения к адресату: *«Ах, **подковочку**, – заговорила она, – сию минуту! Так это ваша **подковочка?** А я смотрю, лежит в **салфеточке**.... Я нарочно прибрала, чтоб никто не поднял, а то потом поминай как звали!» (М. Булгаков)*.

- Форма диминутива употребляется в высказываниях, предназначенных для выражения вежливого извинения: *«А у вас **документики**...я извиняюсь.... **Документик** предъявите! И ваш **документик** также, – продолжал Коровьев (М. Булгаков)*. Диминутив является широко распространённой формой вежливости в административно-правовой сфере, что метко подмечено М. Булгаковым. Именно в этой сфере диминутив часто вытесняет все другие формы выражения вежливости: *«Пройдите в **коридорчик!**»* – обращается таможенник к пассажирам международного поезда в Бресте.

- Диминутив употребляется, чтобы выразить позитивное отношение к чему-либо. Например, название магазина *«**Пятёрочка**»* показывает, что он пользуется популярностью у населения, вероятно, благодаря сравнительно низким ценам.

- Диминутив широко распространён при обращении к детям, когда позитивное отношение распространяется и на все предметы, их окружающие: *«Надень **курточку!** Нет, другую, **голубенькую**. Иди **остороженько!**»*

С другой стороны, функциональное предназначение форм диминутива состоит в передаче значений со знаком «минус». Рассмотрим данную группу значений.

• С помощью диминутива передаётся негативная оценка профессиональных или каких-либо других качеств личности: «*Адвокатишка* был дрянной» (Л. Толстой); «*Типичный кулачок* по своей психологии» (М. Булгаков). Очень убедительно показана вторичная роль диминутива в романе И.Т. Тургенева «Отцы и дети». Герои романа обсуждают одного из помещиков.

– Дрянь, *аристократишко*, – равнодушно заметил Базаров, который встречался с ним в Петербурге.

– Позвольте вас спросить, – начал Павел Петрович и губы его задрожали, – по вашим понятиям, слово «дрянь» и «аристократ» одно и то же означают?

– Я сказал «*аристократишко*», – проговорил Базаров, отхлёбывая глоток чаю.

– Точно так-с, но я полагаю, что Вы такого же мнения об аристократах, как и об *аристократишках*;

• С помощью диминутива передаётся негативная оценка какого-либо объекта, явления или события: «*Рефератик* у вас слабенький!» (РР).

• Диминутив используется для выражения неодобрения чьей-либо позиции, чьих-либо действий: «*Правительство*, принимая любую программу, как правило, мыслит категориями макроэкономическими. Оно не понимает, что если сегодня педиатру дали *надбавочку*, а хирургу, который сидит рядом с ним в соседнем кабинете, не дали, то этим его страшно оскорбили» (В. Соловьев, Ток-шоу «К барьеру»).

Третья группа высказываний с диминутивами не содержит прямо позитивной или негативной оценки, но окрашена самыми различными чувствами и может передавать:

а) удивление, изумление. Для говорящего неожиданным является то, что он видит или слышит: «*Да ведь дамочка-то голая!*»; «*Ай-да квартирка!*» (М. Булгаков). *Вот это шубка!* (РР).

б) смущение, неуверенность, растерянность:

– *Что вам ещё?* – спросила его проклятая Гелла.

– *Я шляпочку* забыл, – шепнул буфетчик, тыча себя в лысину (М. Булгаков).

в) раздражение: «Гм... – промышчал раздражённый *шуточкой* неизвестного Берлиоз, – ну, это, извините, маловероятно»;

г) чувство боязни или испуга: «*Бухгалтер* почувствовал, что ноги его задрожали, и сел на *краешек* стула, но не забыл поднять портфель» (М. Булгаков);

Интересно отметить, что в некоторых высказываниях с диминутивом содержится лексика, которая как бы «дублирует» выражаемое димину-

тивом значение, эксплицирует его лексически (*раздражённый* шуточной).

При помощи диминутива передаётся также сочетание нескольких значений: снисходительно-тёплое, участливо-понимающее и т.п. Приведём несколько примеров. Одна из эстрадных певиц рассказывает, как, будучи ещё мало известной, она пришла на приём к знаменитому певцу, чтобы продемонстрировать ему свои способности. Прослушав её, он спросил: *«И чего же ты хочешь, деточка?»* Один из ветеранов Великой Отечественной войны рассказывал о своих ровесниках, которые стремились на фронт, несмотря ни на какие ограничения по состоянию здоровья. Говоря об одном из них, рассказчик сказал: *«Когда в военкомате до него дошла очередь, он быстро снял «очёчки» и спрятал их в карман пиджака»*. Это высказывание с использованием диминутива показывает не только доброжелательное, но и очень тёплое отношение рассказчика к своему ровеснику.

Иногда диминутивы подчёркивают противоположную оценку персонажей и предметов, их окружающих. Так, в романе М. Булгакова вежливо-уважительное отношение Воланда к Мастеру и отрицательная оценка его места жительства как недостойного для Мастера передаётся в следующей реплике: *«...И там тоже, – Воланд указал в тыл, – что делать вам в подвальчике?»* В некоторых случаях употребление диминутива на первый взгляд кажется несколько избыточным, но эта избыточность по сути дела является намеренным стилистическим приёмом, призванным усилить экспрессивность текста. Так, один из героев в романе М. Булгакова выясняет у участника своеобразного сеанса магии, где спрятаны его деньги:

- Где же спрятаны?
- У тётки моей, Гороховниковой, на Пречистенке.
- А! Это...постойте...это у Клавдии Ильиничны, что ли?
- Да.
- Ах, да, да, да, да! **Маленький особнячок? Напротив ещё палисадничек? Как же, знаю, знаю!** (М. Булгаков).

Как понятно из текста романа, говорящий прекрасно понимает суть ситуации. Сочетание *«маленький особнячок»* использовано автором не для того, чтобы показать размер особняка, но чтобы передать иронию и даже некоторую издёвку по отношению к одному из героев. Диминутив употребляется также при описании портретов героев в художественных произведениях, их одежды, выполняя при этом самые различные функции. Так, М. Булгаков использует диминутив, чтобы подчеркнуть странность и необычность одного из своих героев: *«И тут знойный воздух сгустился перед ним, и сооткался из этого воздуха прозрачный гражданин престранного вида. На маленькой головке жокейский кар-*

тузик, клетчатый кургузый воздушный же пиджачок.... Гражданин ростом в сажень, но в плечах узок, худ неимоверно, и физиономия, прошу заметить, глумливая». При помощи контраста – гражданин «ростом в сажень», но «картузик», «пиджачок» – создаётся необычный портрет «гражданина престранного вида» (М. Булгаков).

Как отмечают некоторые исследователи, диминутив широко распространён при употреблении существительных и прилагательных, объединённых фреймом «еда»: «Чем буду потчевать? **Балычок** имею особенный.... У архитекторского съезда оторвал»; «Позвольте! – смело заговорил автор популярных скетчей Загринов. – Я и сам бы сейчас с удовольствием на **балкончике чайку попил**» (М. Булгаков). Можно привести многочисленные примеры из разговорной речи: «Сколько стоят эти **помидорчики?**»; «Возьмите кусочек **тортика!**». И даже так называемое «неизменяемое» существительное кофе легко принимает форму «диминутив»: «**Давай кофейку выпьем!**» (РР)

Диминутив может употребляться также при выражении конкретных речевых интенций:

а) при выражении просьбы, сопрягаясь при этом с определённой интонацией (ИК-3): «**Билетик передайте!**» (РР); «Рюхин попросил: Арчибальд Арчибальдович, **водочки бы мне!**» (М. Булгаков). В последнем примере мы наблюдаем сопряжение значений форм диминутива и категории оптативности (желательности), которая выражена здесь в виде сослагательной частицы «бы» и формы родительного падежа «водочек». Желательно представить неодушевлённый предмет как одушевлённый, например, «**кленёночек**» в стихотворении С. Есенина.

Сделаем важное замечание. До сих пор речь шла об использовании диминутивов в области разговорной речи, в художественной литературе, в публицистике. Роль диминутива в естественнонаучной и профессиональной речи в подавляющем большинстве совершенно иная: эта грамматическая форма используется в качестве терминов: *шляпка* (гвоздя), «*кулачок*» (деталь механизма), «*спинка*» (стула) и т.п. Будучи характерной особенностью научной и профессиональной речи, диминутивы используются в данных специфических значениях и в обыденной разговорной речи, и в речи персонажей художественной литературы: «**Не притворяйтесь!** – грозно сказал Иван и почувствовал холод под **ложечкой**, – вы только что прекрасно говорили по-русски!» (М. Булгаков).

Как свидетельствует грамматика, уменьшительно-ласкательные суффиксы склонны присоединяться к именам конкретным: *стол* – *столлик*, *дом* – *домик*, *книга* – *книжечка*. Однако существует также диминутивы, образованные от абстрактных существительных: шум – *шумок*, смех – *смешок*, говор – *говорок*: «**Здесь незнакомец рассмеялся стран-**

ным **смешком**» (М. Булгаков). Диминутивы с вторичным значением представлены: а) существительными (ед. и мн. число): «*Давайте не будем рыдать, **гражданочка!***»; «*И тут закопошились в мозгу у Стёпы какие-то неприятнейшие **мыслишки** о статье, которую, как нарочно, недавно он всучил Михаилу Александровичу для напечатания в журнале*» (М. Булгаков); б) прилагательными (ед. и мн. число): «*Этот, казалось, **простенький** вопрос почему-то расстроил сидящего, так что он даже изменился в лице*»; в) наречными формами: «*Двое молодых людей снялись с мест и **прямохонько** направились в буфет*» (М. Булгаков). Пример из пункта а) демонстрирует также явление «гиперболического» множественного числа, когда говорящий как бы включается в сферу адресата, стремясь показать своё участие, часто оказывающееся мнимым. Данные явления также нуждаются в специальном комментарии в грамматике для иностранцев.

Ещё раз напомним, что грамматика говорящего существенно отличается от грамматики формальной, описывающей систему языка. При образовании диминутивов иностранным учащимся необходимы сведения об ограничениях или запретах на образование той или иной формы. Так, например, от прилагательных *слабый, маленький, плохой, бледный* можно образовать диминутив со значением «некое качество, проявляющееся в малой степени»: *слабоватый, маловатый, плоховатый, бледноватый*. Однако от прилагательных *сильный, хороший, красивый* образование формы с данным суффиксом невозможно. При наличии широко распространённого диминутива *солнышко* существует запрет на образование диминутива от слова *луна*, хотя эти существительные находятся в одной лексико-семантической группе («небесные тела»). Существительные, предназначенные для выражения различных отрезков времени (одна и та же лексико-семантическая группа), тоже ведут себя по-разному в отношении образования диминутивов. Так, например, образуется и употребляется форма *минутка*, но не употребляется *секундка*. (Заметим, что иностранцы образуют и употребляют данную форму: «*Я вернусь к вам через **секундку!***»). Другая форма диминутива образуется от обеих лексем – *минуточка* и *секундочка*: «***Секундочку!** Никто не сомневается в том, что закон о коммерческих организациях был нужен»* (Ток-шоу «К барьеру»). От слова «неделя» образуется диминутив *неделька*: «*На **недельку** до второго я уеду в Комарово*»; от слова *месяц* – *месячишко*, *год* – *годик* или разговорное – *годок*:

– *Вам сколько сейчас?*

– ***Годков-то? Восемьдесят!***» (В. Шукшин).

Однако от слова *век*, входящего в данную семантическую группу, диминутив не образуется.

В заключение приведём ещё два примера, показывающих, что данная форма весьма частотна в современном русском языке.

Пример 1. Недавно в одном из ателье на вопрос, готов ли заказ, был получен «вежливый» ответ: «*Зайдите в понедельник!*» Эту реплику, содержащую форму диминутив от названия дня недели, следовало понимать как выражение извинения в связи с невыполненным заказом. (Можно предположить, что иностранец, услышав данную модель, возьмёт её в качестве образца для образования форм диминутива от названий других дней недели, что вряд ли сослужит ему верную службу).

Пример 2. Как известно, электронная почта (E-mail) пользуется сегодня большой популярностью в России. Она быстро прижилась на русской почве и получила несколько своеобразных «имён», в том числе представляющих собой форму диминутив: «*Емеля*» и «*Емелька*», а также «*мыло*» и (что самое интересное!) «*мыльце*».

В свете исследований, связанных с «гендерной» тематикой, заметим, что употребление диминутивов в разговорной речи в большей степени характеризуют женскую речь, нежели мужскую. Однако в художественных текстах и публицистике в мужской речи также широко представлены диминутивы, о чём свидетельствуют, в частности, многочисленные примеры, отмеченные нами в романе М. Булгакова «*Мастер и Маргарита*». Как правило, высказывания с диминутивами используются с целью создания иронии, насмешки и даже издёвки. В женской речи данные формы чаще передают уменьшительно-ласкательные значения, что соответствует общепринятому представлению о назначении данных грамматических форм.

Всё сказанное выше даёт основание утверждать, что обсуждаемая форма широко востребована в современном русском языке, а подобные вторичные значения данной формы, проявляющиеся в реальной коммуникации, должны найти отражение в грамматике для иностранных учащихся.

Л и т е р а т у р а

1. *Всеволодова М.В.* Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. М., 2000.
2. *Володина Г.И.* Особенности выражения некоторых смыслов в разговорной речи. М., МАКС Пресс, 2001.
3. *Кузьменкова В.А.* Какую грамматику не понимают иностранцы? (Прагматический подход к языковым явлениям) // *Mitteilungen für Lehrer slawischer Fremdsprachen.* Wien, 1999, №77.
4. *Милославский И.Г.* Активная речевая деятельность – дырчатость языка – языковая картина мира // *Материалы X Конгресса МАПРЯЛ.* Санкт-Петербург, 2003.
5. *Норман Б.Ю.* Грамматика говорящего. СПб, 1994.
6. *Русская грамматика* / Под ред. *Н.Ю Шведовой* и *В.В. Лопатина.* М., 1990

Концепт «язык/речь» в немецком паремиологическом фонде

© кандидат филологических наук Е. В. Зарецкий (ФРГ), 2007

Целью данной статьи является краткое изложение основных результатов исследования единиц немецкого паремиологического фонда (в основном, пословиц и поговорок), тематизирующих сам язык и языковую деятельность в различных её проявлениях. Материалом послужили 485 паремий (устойчивых в языке и воспроизведении в речи анонимных изречений, пригодных для употребления в дидактических целях) из пятитомного *Немецкого лексикона пословиц* В. Вандера [Wander 1987]. Более полного собрания немецких пословиц и поговорок не существует. Приведённые в том же источнике цитаты, шутки, устойчивые выражения (*Der kann reden wie ein Buch. Er denkt, redt euch satt*), устаревшие паремии (*De Êne spreckt dervan, un de anner deit daran*), регионализмы из субстандартов некоренного населения (например, идиша в Варшаве) и паремии, вошедшие в немецкий из других языков, в данной работе не учитываются. Орфография оригинала во всех случаях сохранена. Все паремии содержат одну из следующих лексем: *Sprache, sprechen, reden* и *Zunge*. Различные варианты одной паремии (напр., *Das Meiste rede mit dir selbst/Rede das Meiste mit dir selbst*) при подсчёте отдельно не учитывались. Квантитативный анализ паремиологического фонда должен проиллюстрировать социокультурное значение концепта "язык/речь" для немецкого этноса (под концептом мы понимаем единицу коллективного знания/сознания, отправляющую к высшим духовным ценностям, имеющую языковое выражение и отмеченную этнокультурной спецификой [Полиниченко 2004: 83]); в дальнейшем результаты данной работы могут быть использованы для сравнительных кросс-культурных исследований на материале других языков; например, английского [Полиниченко 2004: 83-91] и русского [Макеева 2000: 63-155].

Проведённый нами дополнительный анализ паремий, собранных в *Немецких пословицах* Карла Зимрока [Simrock 2000], позволяет сделать вывод, что послуживший основой данной работе сборник В. Вандера охватывает практически все существующие в немецком языке пословицы и поговорки о языке/речи. Лишь в единичных случаях нам удалось найти фразеологические единицы, не учтённые Вандером, но зарегистрированные у Зимрока: *Lieber mit den Füßen gestrauchelt als mit der Zunge. Vor Schande war nie bessre List, als wer der Zunge Meister ist* [Simrock 2000: 619]. Работа Зимрока является второй по величине после пятитомника Вандера, оба сборника были впервые изданы ещё в 19 веке.

Перед тем, как перейти непосредственно к анализу паремиологического фонда, необходимо ознакомиться с понятием логемы (термин П. В. Чеснокова). Логема представляет собой логико-семантическую единицу обобщённого характера, под которую могут быть подведены отдельные группы паремий, объединённых типичными для данного этноса культурами. На материале немецкой паремиологии можно выделить следующие логемы:

1. Каждый говорит сообразно своему видению вещей и на интересующие его темы (17 единиц, 3,5%): *Es redt ein jeder von dem Seinen. Es redet jeder nach seinem Kopfe. Jeder spricht für seine Sache. Jeder redet wie er's versteht. Die Zunge des Huhns ist stets beim Hirse. An der Zunge des Bewerber hüpft der Name des Geliebten.* При этом подчёркивается, что человек не в силах полностью контролировать свою речевую деятельность (*Die Zunge lässt sich nicht meistern*), что может стать причиной различных неприятностей (*Wer da redet, das jhm geliebt, der muss oft hören, das jhn betrübt. Wer do redet, wass yhn gelüsted, der muss oft horen, dass er nicht gern horet. Wer redet, was ihn gelüsted, muss hören, was ihn entrüsted*).

2. Существует ряд тем, которые представляют собой особую опасность для говорящего (17 единиц, 3,5%): *Rede wenig von Gott und gar nichts vom Staate. Wer zu viel von andern redet, verbrennt sich die Zunge. Man soll nicht von jemand sprechen, den man nicht kennt. Sprich gut von deinen Freunden und schweig von deinen Feinden.* Не меньшую опасность представляют и люди, затрагивающие эти темы: *Wer dir von andern schlecht (übel) spricht, spricht (bei andern) auch schlecht (übel) von dir.*

3. Умение хорошо говорить является даром, способствующим самообогащению и решению различных жизненных проблем (напр., карьерному росту, установлению дружеских и любовных отношений) (45 единиц, 9,3%): *Wer nicht übel redet, den können alle hören. Wenig sprechen und gut steckt nicht unter jedem Hut. Wer angenehm redet, dem hört man überall gern zu. Einer kann reden und sieben können singen. Wer sprechen kann, ist überall zu Hause. Wer wohl spricht, hat gut Leben. Wer wohl redet, hat ein Schild wider alle Streiche. Wohl reden macht auch die Feinde zu Vettern. Wol reden ist Kunst. Wer wohl kann sprechen, kann Mauern brechen. Wer eine Zunge hat und Geld, der kommt durch die Welt. Eine feine Zunge ist besser als gepudert Haar. Eine gute Zunge ist besser als ein glattes Gesicht. Wenig gesprochen und wohl bedacht hat manchem Nutzen und Ehre gebracht. Wer weiss zu sprechen gute Wort', dessen Sach' geht fort. Wer wenig spricht und gut, geht aus in feinem Hut. Wie einer spricht, so viel gilt sein Gesicht. Reden kurz und gut, den Handel wohl befördern thut. Viel sprechen ohne Sinn bringt wenig Gewinn. Wer einem nicht redet nach Sinn, der verliert den Gewinn. Wer redet gut Latein, der trinke Edelwein. Wer redt das*

best zu allen Sachen, der kan jhm gunst vnnd Freunde machen. Mit dem Reden kommen die Leute zusammen. Wer mit seiner Zunge kein Weib erringen kann, kann sein ein guter Junge, doch sicher kein Mann. Wer versteht das Zungenwaschen, der kann manches Geld erhaschen. Власть языка, однако, не безгранична: *Mit der Zunge wird sich niemand zudecken.* Умение убедительно и красиво изъясняться может быть следствием ума (*Wer will wohl reden, muss erst wohl denken. Wer wohl reden will, soll sich zuvor bedenken viel*), искренности и откровенности в выражении своих чувств (*Wer wohl reden will, muss zuvor das Herz um Rath fragen*), а также крайней необходимости (*Die Zunge läuft am meisten, wenn Händ' und Füsse gebunden sind*). В единичных случаях преувеличенно дружеский, слащавый и т.п. стиль речи рассматривается в качестве сигнала потенциальной опасности (*Wer wol vnd freundlich redt, der will böses thun. Zu süß reden ist verdecktig*).

4. Достаточно широко в немецком представлено негативное отношение ко лжи и позитивное к правде (29 единиц, 5,9%): *Rede, was wahr ist, trinke, was klar ist, liebe, was rar ist. Rede wenig, rede wahr, zehre wenig, zahle baar, fürchte Gott und sei verschwiegen, was nicht dein ist, das lass liegen. Was geredt haben die Alten, das wurde gehalten, aber jetzt bei den Jungen lügen gar oft die Zungen. Die Zunge eines Stummen ist besser als die eines Lügners. Eine falsche Zung ist ein starckes Gifft. Eins verleumbders Zunge ist schärffer denn ein Schermesser. Lügenhafte Zunge schneidet schärfer als ein Schwert.* Особенно часто ложь ассоциируется с болтливостью: *Viele Reden führt zum Lügen. Vil rieden, vil lijen. Wer reden will und die Wahrheit nicht sagt, der muss lügen. Wer viel redet, muss entweder viel wesen oder viel lügen. Wer viel redt und nid viel weiss, dä lügt ellimol eis. Wer vil redet, der leugt gern. Viel Sprechen und Lügen sind Geschwisterkinder. Wenn viel gesprochen wird, hört man wenig Wahrheit.* Одновременно подчёркивается, что говорить правду может быть опасно: *Offen reden und wahr bringt die meiste Gefahr.*

5. Негативно оценивается несоответствие слов поступкам и мыслям (28 единиц, 5,8%): *Es redet mancher wie ein Engel und handelt wie ein Teuffel. Der anders redt vnnd anders meint, der redt des Teuffels sprach. Anders reden vnd anders meinen ist das schendlichst auff Erden. Anders reden dann im hertzen han, ist gemein bey yederman. Mancher red das best vnd thut das bösest. Sprechen und Denken ist nicht immer eins. Reden und Halten sind zweierlei Gestalten. Reden und Thun ist zweierlei. Reden vnd thun sollen eines schlags seyn. Wer anders redet als er denkt, der handelt auch anders als er redet. Wer wohl redet und übel handelt, schüttelt das Mehl aus dem Sacke und rafft Kleien hinein. Wer wohl redet und übel thut, der hat einen bösen Muth. Wer wohl redet und wohl thut, der kommt bald zu grossem Gut.* С другой стороны, нетрудно найти и пословицы, подчёр-

квивающие практическую пользу заискивания, лжи, лести и т.п.: *Wer jedem redt, was jhme gefällt, der kompt damit durch die Welt. Wer nicht reden kann, was die Leute gern hören, der ist nicht lange ihr Freund. Wer redet, was einem jeden gefällt, der kommt glücklich durch die Welt.* Никакого осуждения подобного поведения в данных паремиях не просматривается.

6. Стиль речи и выбор темы должны соответствовать аудитории/собеседнику, в отдельных случаях от коммуникации следует отказаться (13 единиц, 2,6%): *Wer spricht mit dem Zotti (Pöbel), begeht eine Sünde gegen sich selbst. Rede nicht, wo kein Ohr ist. Sprich nicht, wenn man dich nicht hören will. Bei dem hilft kein Reden, der sich nicht will lassen überreden. Zum reden gehören günstige Ohren. Es ist böss reden mit denen, die einen mögen zu Todt reden. Wo zwei miteinander sprechen, da soll man nicht zutreten.* Что касается разговоров с самим собой, в этом отношении немецкие паремии противоречат друг другу: *Sprich wenig mit andern und viel mit dir selbst. Sprich nicht mit dir selber, dass man nicht sage: ein Narr sei dein Zuhörer. Man sol wenig mit andern, aber viel mit jhm selber reden.*

7. Очень большой паремиологический ряд (52 единицы, 10,7%) посвящён негативной оценке злоязычия: *Böse Zungen schneiden schärpffer, dann ein Schwert. Böse Zunge bricht den Hals. Böse zungen haben oft fromme Leute verdrungen. Eine böse Zunge ist ein böses Gewehr. Böse Zungen schonen niemand. Böse Zungen soll man mit dem Tode stillen. Böse Zungen vnd böse Ohren ist eines so gut (schlimm), als das ander. Die Zunge macht schlimmere Ritze, als eines Schwertes Spitze. Eine böss Zung ist ein böss gericht. Eine böse Zunge ist das schärfste Schwert, sie lässt weder Mann noch Frau unversehrt. Eine böse Zunge ist der Freundschaft Gift. Eine böse Zunge spricht von niemand gut. Eine bösse zunge richtet oft vil vnglücks an. Böse Zung' und böses Ohr sind beide des Teufels.* Несколько паремий посвящены возможным способам борьбы против злых языков: *Für böse Zungen hilft kein Harnisch. Für böse Zungen ist kein artzney. Gegen böse Zungen sind derbe Hände gut. Gegen böse Zungen taube Ohren. Vor bösen Zungen kann man sich nicht hüten. Gegen Zungenhiebe sind Ohrenschilder gut.* Злоязычие ассоциируется с физической слабостью и другими проявлениями недостаточной мужественности: *Kühne Zunge, freches Maul und – verzagte Lanze. Je schärfer die Zunge, je stumpfer der Degen. Je länger Zunge, je kürzer Hand. Je schlimmer die Zunge, je sanftmüthiger die Faust. Je stärker die Zunge, je schwächer die Arme. Lange Zung' und kurze Hand, ist die Weise in manchem Land. Lange Zunge und kurze Hände sind gern beisammen.* Злоязычие и агрессивное вербальное поведение вообще иногда оправдываются в оборонительных целях (*Man muss die Zunge mehr als Schild brauchen, denn als Spiess*) и во избежание

большого зла (*Mit der Zunge magst du zuschlagen, aber den Händen lass ihren Willen nicht. Wenn die Zunge hinreicht, bewege nicht die Beine*).

8. Приписываемая женщинам болтливость и склонность к ссорам оцениваются негативно (12 единиц, 2,5%): *Der hat sich die Zunge nicht am Brei verbrannt, der sich mit einem Weibe zanken kann. Dazu hab' ich die Zunge bekommen, dass ich reden soll, sagte jenes Weib. Die Zunge der Frauen und der Arm der Könige ist lang. Die Zunge der Wärterin hat das Vorrecht zu schwatzen. Die Zunge des Weibes ist ein Schwert, das nimmer rostet. Meine Zunge kann alles, sagte die Frau, aber schweigen nicht. Meine Zunge wird mir nicht gestohlen werden, sagte das Weib, als ihr der Richter sagte, sie solle sich darauf acht geben. Wenn die Zunge den Weibern einst stille hält, so träum' ich vom Untergange der Welt. Freundlich reden vnd wenig wort zieren die weiber an allem ort. Wenig reden altert die Frauen. Wenig sprechen ziert die Frauen. Wenig reden vnd nicht kläffig sein ist ein tugend den frauwen fein.*

9. В трёх паремиях подчёркивается необходимость говорить так, как окружающие, но при этом оставаться самим собой (0,6%): *Man muss reden wie das Volk und denken wie die Weisen. Rede wie andere Leute und iss, was dir schmeckt. Sprich wie andere Leut' und bleib' in deiner Häut'.*

10. Речь рассматривается в качестве зеркала души, хотя в отдельных случаях это зеркало признаётся фальшивым (27 единиц, 5,6%): *Hab acht heymlich, was ieder red, drinn sihst den menschen conterfeth. Reden ist ein Character oder Zeichen dess Gemüths. An der Zunge erkennt man den Kopf. Wie ein jeder redt, also ist er, vnd wie ein jeder ist, also redt er. Beherzte Zunge, blödes Herz. Böse Zunge, böses Herz. Die zung ist des hertzens Dolmetsch. Die Zunge ist der Büttel (oder Verräther) des Herzens. Die Zunge ist der falscheste Zeuge des Herzens. Die Zunge ist der Widerschall (Dolmetscher) der Seelen. Die Zunge ist die Arbeiterin des Herzens. Die Zunge ist eine Abbildung des Gemüths. Die Zunge ist eine Dolmetscherin des Verstandes und ein Spiegel der Gedanken. Die Zunge ist nicht gesund, wenn das Herz fiebert. Die Zunge ist nicht immer das Echo des Herzens. Die Zunge verräth das Herz. Ein falsch Zung verreth ein falsch Hertz. Freche Zunge, feiges Herz. Süsse Zunge, giftiges Herz. Wer seine Zunge nicht bewahrt, ist bald erkannt in seiner Art. Wessen Zunge im Galop geht, dessen Kopf ist ein langsamer Reiter. Wie die Zunge, so der Mensch. Zunge und Herz sind nur eine Spanne weit, auseinander. Anders spricht der Herr, anders der Knecht. Am Reden erkennt man den Menschen, am Geschmack den Wein, am geruch die blumen.*

11. 51 паремия посвящена болтливости (10,5%): *Die am meisten sprechen, thun am wenigsten. Viel reden zeigt des Menschen Armuth. Dem, der mit vielen spricht, traue nicht. Wer nicht wol reden kan, wil mehr reden denn eyn ander man. Wer viel spricht, gewinnt nicht. Sprich wenig und höre viel.*

Viel Spreaken mäcket Koppterbreaken. Viel sprechen bringt Gefahr, drum rede wenig aber wahr. Viel sprechen erregt Zorn. Viel sprechen ist keine Kunst, wer es gut kann. Viel vnd wol reden steht nit bey einander. Viel und gut sprechen sind selten beisammen. Von vielem Sprechen verliert man viel Athem. Wer mit vielen (vieles) spricht, dem traue nicht. Zu viel reden und zu viel kratzen macht Schmerzen zum Platzen. Wer redet ohne Zügel, bekommt schlechten Brei in den eigenen Tiegel. Viel reden vnd wol reden ist zweyerlei. Wer immer redet, redet übel. Wer redet ohne Zügel, verdient die erhaltenen Prügel. Viel und gut reden will nicht wol keden. Wer viel spricht, dem glaubt man nichts. Wer viel spricht, irrt viel. Wo ein schwätzig zunge regieren thut, schafft's im haus kein fried noch gut. Wenn die Zunge drischt, gibt es keine Frucht in der Mühle. Reden und Dreschen sind zwei verschiedene Dinge. Wer zu viel spricht, der gefällt nicht. Viel reden ist niemand gut. Wer immer reden will, dem glaubt man selten viel. Wenig reden ist Gold, zu viel reden Koth. Der vil redt, der leugt vil. Viel reden bringt (macht) Kopfweh. Einem, der ohn massen redet viel, ich schwerlich möchte glauben viel. Болтливость ассоциируется с глупостью (Zu viel reden und zu viel lachen kann die Leute zu Narren machen. Wer viel spricht und wenig hört, wird auf dem Markt als Esel verkauft. In dem wer viel spricht und wenig versteht, ein jeder den Narren erräth. An viel reden kennt man einen Narren. An viel reden ohne Verstand wird der Narr erkannt) и действием алкоголя (Trockene Zunge erzählt nicht gern. Eine schnelle Zunge und eine durstige Kehle schaden dem Leib und der Seele. Die Zunge wird vom Wein gelöst). Следует подчеркнуть, что паремии о болтливости чаще остальных пересекаются с другими тематическими группами.

12. Конкретные действия более предпочтительны, чем пустые слова (25 паремий, 5,2%): *Schön sprechen ist gut, schön handeln besser. Sprechen geht schon an, aber das Thun zeigt den Mann. Sprechen ist nichts, Handeln ist alles. Sprechen ist wohlfeil, aber Thun ist die Sache. Was nützt schön sprechen, wenn man nicht schön thut! Wenig gesprochen und viel gethan, das ehret den Mann. Wer viel spricht und nichts thut, ist ein Boden, der ruht. Es mag einer reden, was er will, er hat drumb nicht, was er will. Geredt ist nicht gemacht. Wenig geredt vnd vil gehalten, ists best. Wohl reden ist gut, wohl thun ist besser. Wol reden wirckt viel, wol thun noch viel mehr. Red wenig vnd machs war, was du borgst, bezahle bar. Reden ist leichter als thun, versprechen leichter als halten. Reden ist reden, aber Land kauft man mit Gelde. Viel geredt und wenig gethan, da ist wenig Fett daran. Viel reden bringt nichts zu Stande. Was du redest, das mach wahr, was du kauffest, das zahl bar. Was man redt vnd helt, das gilt.*

13. 25 паремий предупреждают о возможных последствиях необдуманных слов (5,2%): *Reden ohne Bedacht hat oft Schaden gebracht. Sprechen ohne denken ist schiessen ohne zielen. Sprechen unbedacht hat man-*

chem viel Verdruss gebracht. Sprechen unbedacht hat manchen in Noth gebracht. Wenig reden doch wolbedacht, hat manchem Nutz vnd Ehr gebracht. Wer voreilig redet, wird auch ohne Ueberlegung handeln. Eine tōrichte Zung richt vnglück an. Man soll seine Zunge siebenmal im Munde drehen, ehe man spricht. Man soll seiner Zunge Zaum (Gebiss) anlegen. Was die vnbesonnene zung redet, das ist die Hand zu halten nit schuldig. Was die Zunge verwirkt, muss oft der Rücken büssen. Was die Zunge redet, muss oft der Kopf bezahlen. Wegen einer langen Zunge fallen manchem die Zähne aus. Wer redet, was er nicht sollte, muss hören, was er nicht wollte. Kann der eine dumm reden, so kann der andere so klug sein und nicht darauf hören. Die Zunge soll schweigen, wenn der Kopf warm ist. Rede wenig, aber wohl bedacht. Es lest sich wol alles reden vnd thun, aber nicht alles verantworten. Ein nārrische Zung kan viel böses anrichten. Ein schnelle Zung bringt vil Vnrath. Людей, умеющих говорить обдуманно, немного (Eine gezähmte Zunge ist ein seltener Vogel. Es reden viele, aber nicht alle mit Verstand), у большинства язык работает быстрее головы (Die Zunge ist schneller, als der Kopf).

14. Очень высоко оцениваются лаконичность и умение в нужный момент промолчать (35 единиц, 7,2%): *Reden schadet oft, Schweigen nie. Reden ist offi nicht gut, Schweigen selten schaden thut. Sprich und schweig, wenn es Zeit ist. Durch Reden ist schon mancher umgekommen, durch Schweigen hat niemand noch Schaden genommen. Einem, der nicht reden kann, steht Stillschweigen sehr wohl an. Rede dann, wenn schweigen schaden kann. Reden steht einem Jungen wohl an, Schweigen aber noch besser. Reden und Schweigen zu rechter Zeit ist wahre Weisheit. Wenn das Reden Schaden bringt, dann ist gut Schweigen. Wer nicht weislich reden kann und schweigt, der ist ein weiser Mann. Wer nicht wol (verständlich) reden kan, dem stehet schweigen sehr wol (besser) an. Wer reden vnd schweigen kan, zu Rechte, der ist ain weyser man. Wer redet, thut gut, wer schweigt, thut besser. Reden kompt von natur, schweigen vom verstandt. Reden bringt öfter Schaden als Schweigen. Reden hat seine Zeit und Schweigen hat seine Zeit. Reden ist gut, Schweigen besser. Wer wol reden wil, der muss vor lernen wol schweigen. Wer zu reden weiss, der weiss viel, doch der weiss mehr, der schweigen kann. Willst du vernünfftig reden, so schneide die Zunge ab. Nimm allezeit wahr, wo du bist, wans gut reden oder schweigen ist. Wer spricht, säet; wer schweigt, erntet. Wo man redet wie Narren und Thoren, da ist gut Schweigen auch verloren. Reden ist leichter als schweigen. Reden bringen Schad, Schweigen Nutzen. Ist das Reden einen Sela (Münze) werth, so das Schweigen zwei. Sprechen ist Silber, Schweigen ist Gold.*

15. Целый ряд паремий (22 единицы, 4,5%) оправдывает многословие и осуждает молчание. Аргументация может быть различной: без постоянных тренировок нельзя научиться говорить убедительно и красиво (*Rede, so lernst reden. Mit (viel) reden lernt man reden. Wer reden*

lernen will, muss nicht den Mund verschliessen), общение естественно для человека и не может пойти ему во вред (Reden bringt kein Geschwür in den Hals noch auf die Zunge. Wer eine Zunge hat und nicht spricht, ein Schwert und nicht ficht, ist der nicht ein Wicht? Man darf ja doch reden, die Gäns' können's nicht), только путём общения можно решать свои проблемы с окружающими, вести дела, устраивать свою жизнь в обществе (Wer nicht spricht, den hört man nicht. Wer nicht spricht, ist schwer zu widerlegen. Vom Sprechen kommt Sprechen. Sprechen führt zu Händelei'n, und Schweigen macht mir Pein. Mit'n Red'n macht ma d' Hand'l aus. Indem man eine Sache bespricht, nicht indem man darüber schweigt, bringt man eine Angelegenheit zum Austrag. Wer nicht reden kan, der ist ein stummer Mann. Wer nicht mehr reden kann, nimmt einen Strick und hängt sich dran. Wer nicht redet, den kann man nicht hören), молчаливость может быть признаком не только ума, но и глупости (Wer wenig redet, hat nur ein halbes Gehirn vonnöthen. Zu viel reden und zu viel schweigen ist allen Narren eigen. Wer wenig spricht, braucht nicht viel Verstand. Wer wenig spricht, braucht nur halbwegs klug zu sein).

16. Нельзя проявлять излишней доверчивости, выдавать свои секреты; необходимо держать язык за зубами и больше слушать, что говорят другие (41 единица, 8,5%): *Wer seine Zunge nicht kann bezwingen, der taugt nicht zu grossen Dingen. Wer die Zung zuweit heraus lässt hangen, dem wird sie an den eigenen Hals gelangen. Wer seine Zung hat in Gewalt, der wird mit Ehren alt. Wer seine Zunge beherrschen kann, ist ein ganzer (starker) Mann. Wer seine Zunge bewahrt, bewahrt seine Seele. Wer seine Zunge bewahrt (fesselt), der rettet (schützt) seinen Kopf. Wer seine Zunge bewahrt, viel Aerger (sich) erspart. Eine ungezügelmte Zunge thut mehr Schaden als ein Pferd ohne Zaum. Die Zunge hinter den Zähnen zu halten, ist eine Tugend über alle Tugenden. Halte die Zunge im Munde wie einen Gefangenen. Halt an die Zunge, junges Blut, ein jeder Witz geräth nicht gut. Wer seine Zunge nicht zähmt, der stört den Frieden. Wer seine Zunge weiss zu zähmen, darf anderer Leute Mäuler nicht fürchten. Wer seiner Zunge Meister ist, hat wol auf Erden die beste List. Wer seiner Zunge Meister ist, dem fehlt das Brot nicht, das er isst. Wer seiner Zunge kann Meister sein, der ist fürwahr der klügsten ein. Zunge, Bauch und Scham halte stets in Zâm. Wer sprechen will, soll erst hinter die Wand sehen. Zunge und Feuer muss man bewahren. Wer seine Zunge zügelt, schützt seinen Kopf. Zungenverbrechen pflegen am Kopf sich zu rächen. Hütet eure Zungen, ist Alten gut und Jungen. Red nicht alles, was du weisst. Red', richt' und trau nit bald. Wer reden sol, bedenck sich wol. Reden ist nicht allweg gut, darum halt dein Maul in Hut. Wer wenig spricht, hat wenig zu verantworten. Wer wenig spricht, kann desto mehr hören. Der seine zung nicht zwingen kan, der ist ein Narr vnd vnweis mann. Besser die Zunge zu kurz, als zu lang ausgestreckt. Reden ist süß, aber nicht stets ge-*

sund. Wenig reden, wenig essen und trinken hat niemand gereut. Wenig vnd bedächtlich reden ist ein Herren tugent. Red wenig, hör vil. Wer kurtz redt, ob es schon vnwitzig ist, so ists doch nur ein kurtz vnwitz. Wer wenig redet, wird geachtet. Ehe man redet, soll man das Wort dreimal im Munde wenden, und ehe man schreibt, neunmal im Kopfe. Man kann nicht alles reden, man muss vieles pfeifen, und manches bleibt am bessten auch ungepfiffen. Sprich nicht über alles, denn die Erde hat Ohren.

17. Передаваемая в процессе коммуникации информация и различные речевые акты (утешение, оскорбление, убеждение, лесть и т.д.) играют критически важную роль в жизни каждого члена общества (16 единиц, 3,3%): *Eine schmeichelnde Zunge vergiftet die Ohren. Die Zunge ist tödtlicher als das Schwert. Wär' die Zung ein Spiess, der Sieg wär ihm über Zehen gewiss. Wen man gern hört reden, von dem lest man sich gern vberreden. Beherzt geredet ist halb gefochten. Die Zunge verdirbt viel Freundschaft. Die Zunge, ein klein Stücklein Fleisch blos, hängt den Menschen und lässt ihn los. Die Zunge führt ihren Herrn zum Glück, aber auch zum Unglück. Die Zunge gefährdet den Kopf. Die Zunge hat keine Knochen, aber sie hat schon manchen zerbrochen. Die Zunge ist des Leibes Henker und Arzt. Die Zunge ist des Nackens Feindin. Die Zunge ist ein klein Glied und kann grosse Dinge thun. Die Zunge ist eine gute (schlimme, gefährliche u.s.w.) Waffe. Die Zunge vereinigt die Völker. So lange die Zunge das Wort gefangen hält, vermag es kein Stäubchen von der Mauer wegzublasen; wenn sie es frei lässt, kann es Städte zerbrechen.*

18. Остальные паремии отражают относительно малозначимые культурыемы немецкого этноса (27 единиц, 5,6%): сказанного не воротишь (*Geredt ist geredt, mann kans mit keinem schwamm mehr abwischen. Was geredt ist, das ist geredt*), лучше сказать поздно, чем никогда (*Besser zu spät reden als zuletzt misfallen*), неумеющий хорошо говорить должен компенсировать этот недостаток другими средствами (*Einer hilft sich mit der Zunge, der andere mit den Zähnen. Einer hilft sich mit Reden, der andere mit Beissen. Wer keine gute Zunge hat, muss gute Hände haben*), говорящий лучше остальных знает, что он имеет в виду (*Wer spricht, weiss am besten, was er sagen will*), непонятливых или нежелающих следовать устным указаниям могут принудить к их выполнению силой (*Wer der Zunge nicht folgt, den leitet der Stock*), противоречивость высказываний является предметом осуждения (*Zwei Zungen in Einem Mund sind nicht gesund. Zweier Zungen Mund ist ärger denn ein böser Hund. Zwo Zungen stehen übel in einem Munde*), сказать можно всё что угодно (*Es läst sich all ding reden, Brod vnd Keess läst sich essen*), следует обращать особое внимание не на говорящего, а на содержание его слов (*Achte nicht, wer zu dir spricht, nur was man zu dir spricht. Es kommt nicht darauf an, wer redet, sondern was man redet*), лучше один раз увидеть, чем

сто раз услышать (*Reden ist gut, aber sehen ist besser*), без свободы слова не может быть справедливого суда (*Wo man frei spricht, da ist auch recht Gericht*), язык есть лучший и худший орган одновременно (*Die zung ist das best vnd das bösst glid*), не говори, пока не спросят (*Rede nicht ehe, man frage dich denn*), нельзя давать чрезмерную волю эмоциям (*Die Zunge soll nicht reden, ohne Urlaub vom Herzen zu haben*), говорящий должен быть готов к тому, что ему ответят (*Wer redet, muss sich bereden lassen. So viel man redet, so viel wird geantwortet. Wie man von andern spricht, so bekommt man wieder zu hören*), нельзя обсуждать тему, не зная всех обстоятельств (*Wer spricht und die Umstände nicht weiss, redet komisch*), нельзя предугадать действие своих слов (*Wer zuerst spricht, weiss nicht, was man antworten wird. Wer spricht, der säet und weiss nicht, was; wer höret, der erntet und hat die Wahl*) и т.д. Как и в предыдущих пунктах, многие паремии можно отнести сразу к нескольким группам.

Лингвокультурное значение концепта "язык/речь" не исчерпывается совокупностью отражённых в паремиологическом фонде немецкого языка культурем и директивных высказываний. В данном контексте можно было бы, например, также вспомнить знаменитую цитату из "Фауста" Гёте, согласно которой немец, говорящий вежливо, врёт; или высказывание немецкого писателя Иогана Пауля Фридриха Рихтера (Жан Поля) о склонности немцев переделывать свой язык на английский и французский лад ради повышения его популярности во всём мире и ожидаемой от этого личной выгоды ("*Vorschule der Ästhetik*"). Обзор высказываний выдающихся немцев о немецком, однако, не входит в задачи данной работы.

Следует отметить, что приведённые выше паремии запечатлели в себе во многом устаревший взгляд на соотношение языка и общества, отражающий картину даже не двадцатого, а самое позднее девятнадцатого века, когда и вышло в свет первое издание данного лексикона. Уже тогда в предисловии к первому тому автор отмечал, что сборники пословиц и поговорок всё чаще черпают материал не из источников в народе, а из предыдущих изданий, поскольку формирование паремиологического фонда, очевидно, подходит к концу. Подобные мысли высказывал и К. Зимрок (автор второго по величине сборника пословиц), сетуя на засилие чрезмерно абстрактного, бледного и размытого стиля современной немецкой литературы, в котором пословицам всё чаще нет места [Simrock 2000: 10]. Уже по грамматическим формам и лексике приведённых выше пословиц можно определить, что большинство из них либо употребляется исключительно на диалектальном уровне, либо не употребляется вообще, т.е. безнадежно устарело ещё к моменту публикации в 1867 году. В двадцатом веке закат эпохи пословиц и погово-

рок стал совершенно очевиден: П. Браун, отмечает, например, в своей работе о тенденциях развития современного немецкого языка, что "выражения коллективной речи" практически не изучаются больше в школах, не цитируются в средствах массовой информации и не употребляются в качестве аргументов [Braun 1998: 214]. Причина этого кроется, на наш взгляд, в эволюции немецкой системы ценностей, радикально ускорившейся после окончания Второй мировой войны под давлением американской культуры. Одним из аспектов реструктуризации аксиологической системы координат является деактуализация авторитарных ценностей в пользу свободного саморазвития и самовыражения. Например, в *Handbuch zur Gesellschaft Deutschlands* отмечается, что после 1945 г. ускорилась "эмансипация человека от внутренних и внешних авторитетов", сопряжённая с потерей традиций и распространением ценностей "самостоятельность", "самореализация" и "свобода воли" [Schäfers 2001: 729-730, 212]. Для "освободившихся" от авторитетов индивидуумов воля и жизненный опыт народа, нашедшие своё отражение в поговорках, не являются больше ни веским аргументом для спора, ни директивой к определённому действию, а сами поговорки редуцированы в своей функции до декоративного средства для украшения речи (например, как и в России, особенно популярной стала замена отдельных слов в поговорках для создания юмористического эффекта). По той же причине практически полностью исчезли из употребления и цитаты выдающихся учёных, представителей церкви, политиков и писателей, уступив место плодам самовыражения "свободной" и "креативной" личности – индивидуализмам (оказионализмам), метафорам собственного сочинения и т.п.

Об истинном отношении современного немецкого общества к затронутым выше темам можно узнать скорее по результатам социологических опросов, чем по количественным и качественным исследованиям паремиологического фонда. Например, в пункте два одна из поговорок категорически запрещает говорить о государстве (*Rede wenig von Gott und gar nichts vom Staate*). Следует полагать, что речь в данном случае идёт об опасности выражения своего мнения по ряду политических вопросов, особенно если это мнение не соответствует официальной идеологии. Опросы, проведённые в ФРГ с 1953 по 2003 гг. показывают, однако, что такая осторожность при выражении своего мнения немцам больше несвойственна: на вопрос "Как Вы полагаете, можно ли сегодня в Германии открыто выражать своё мнение о политике или лучше проявлять осторожность?" 58-83% в прошедшие десятилетия отвечали "Можно говорить свободно" и 12-25%, т.е. явное меньшинство, отвечали "Лучше быть осторожным" (опросы проведены Демоскопическим Институтом Алленсбах) [Noelle-Neumann 1997: 47]. С другой стороны,

данные социологических опросов выявляют некоторые табу, не отражённые в паремиологическом фонде: например, 42% опрошенных в 2001 году считали абсолютно недопустимыми шутки о религии, а 35% – шутки об иностранцах [Moral 2001 – Werte und Normen im Wandel]. Довольно много приведённых выше паремий посвящено проблеме доверия окружающим, причём все без исключения паремии призывают к осторожности (напр., *Red', richt' und trau nit bald*). Действительно, ещё в 1953 году на вопрос "Верите ли Вы, что можно доверять большинству людей?" 83% ответили отрицательно и лишь 13% положительно, но постепенно эти показатели сблизились, так что в 2003 г. на тот же вопрос 41% ответил отрицательно и 38% – положительно (а в 1996 г. оба показателя равнялись 41%) [Noelle-Neumann 1997: 134]. Крайне отрицательное отношение ко лжи в немецких пословицах также не отражает истинное положение вещей в современном немецком обществе: если в 1981 г. ложь ради личной выгоды однозначно осуждали 33% опрошенных, то в 2001 году этот показатель составил всего 21% в "старых землях" и 19% в "новых" (т.е. в бывшей ГДР) [Moral 2001 – Werte und Normen im Wandel]. В мае 1997 года был проведен опрос, в котором респонденты выражали своё отношение к некоторым немецким пословицам. Из них только одна относилась к языку/речи – *Reden ist Silber, Schweigen ist Gold*. С нею были согласны 56% опрошенных, из них 54% в "старых землях" и 63% в "новых". В 1964 году с этой пословицей были согласны 61% жителей ФРГ [Noelle-Neumann 1997: 250]. Приписываемая женщинам склонность к ссорам (см. пункт 8) по сей день является достаточно распространённым стереотипом: в 2002 г. его разделяли 49% опрошенных мужчин [Deutschland in demoskopischen Daten].

Практически все логемы, выделенные нами при анализе паремиологического фонда немецкого языка, были найдены Д. Ю. Полиниченко и на материале английского: "Язык является инструментом достижения жизненных целей", "Без владения языком невозможно добиться чего-либо", "Хорошее владение языком способствует достижению жизненных целей", "Язык является источником опасности для окружающих и говорящего", "Языковая деятельность является эффективным инструментом эмоционального воздействия", "Язык отражает мысли человека", "При коммуникации язык должен быть понятен всем её участникам" (ср. пункт 9), "Язык помогает скрыть истинные намерения", "Язык трудно сдерживать", "Языковая деятельность малоэффективна по сравнению с практической", "При помощи только языковой деятельности невозможно добиться практического результата", "Языковая деятельность легче практической", "Языковая деятельность несовместима с практической" [Полиниченко 2004: 87]. Не имеет аналогов в немецком языке только логема "Хорошее владение языком означает умение хоро-

шо сражаться" (в английском выражена единственной пословицей *He that speaks well, fights well*). Однако, как нам кажется, в данном случае речь идёт скорее о мисинтерпретации данной (чрезвычайно редкой) паремии, чем об её уникальности. По всей вероятности, истинное её значение следует искать в категории "Язык является источником опасности для окружающих и говорящего", т.е. в аллегории "язык подобен оружию". Если это предположение верно, то в немецком можно найти множество схожих по смыслу высказываний, напр. *Die Zunge macht schlimmere Ritze, als eines Schwertes Spitze*. В обоих языках явно преобладают паремии, тематизирующие не практическую пользу языка, а потенциальную опасность, сопряжённую с повседневным использованием вербальной коммуникации, особенно в случае необдуманного, эмоционального, неумелого и чрезмерного задействования языковых средств. Обращает на себя внимание слабая представленность темы злоязычия в английской паремиологии. Общее количество английских пословиц и поговорок, тематизирующих концепт "язык/речь", по сравнению с немецким незначительно: если корпус Д. Ю. Полинченко состоит всего из 63 паремий (по материалам трёх словарей: *The Concise Oxford Dictionary of Proverbs*, *The Penguin Dictionary of Proverbs* и *The Wordsworth Dictionary of Proverbs*), то использованный в данной работе корпус немецких паремий (по материалам всего одного словаря) – почти из полутысячи. Более того, этот список можно было бы легко продолжить ещё несколькими десятками паремий, содержащими другие ключевые лексемы: *Wer A sagt, muss auch B sagen*. *Spott und Schaden stehen übel beisammen*. *Wüste Rede, wüste Ohren* и т.д. Очевидно, данный концепт играет в немецком национальном сознании значительно бо́льшую роль, чем в английском.

Суммируя сказанное, можно сделать следующие выводы. Концепт "язык/речь" представлен в немецком паремиологическом фонде чрезвычайно широко, причём логемы, под которые можно подвести соответствующий языковой материал, практически полностью совпадают с логемами английского языка. В первую очередь тематизируется негативная сторона вербальной коммуникации, второе место занимает описание возможных выгод от искусного владения языком, затем следует ряд относительно небольших групп паремий, охватывающих практически любую тему, ассоциируемую с языком и речью. Как показали данные социологических исследований, в двадцатом веке паремиологический фонд частично потерял свою актуальность и во многих аспектах больше не отражает реального отношения к языку и речи в различных их проявлениях.

Л и т е р а т у р а

1. *Braun Peter*. Tendenzen in der deutschen Gegenwartssprache: Sprachvarietäten. 4-е изд., испр. и доп. Stuttgart: Kohlhammer, 1998.
2. "Der Wert der Freiheit. Ergebnisse einer Grundlagenstudie zum Freiheitsverständnis der Deutschen. Oktober/November 2003". Интернет-страница Демоскопического Института Алленсбах, 2006, http://www.ifd-allensbach.de/pdf/akt_0406.pdf.
3. "Deutschland in demoskopischen Daten" // Allensbacher Bericht. 2002. – № 14. http://www.ifd-allensbach.de/pdf/prd_0214.pdf.
4. "Moral 2001 – Werte und Normen im Wandel" // Allensbacher Bericht. 2001. – № 10. http://www.ifd-allensbach.de/pdf/prd_0110.pdf.
5. *Noelle-Neumann Elisabeth, Köcher Renate*. Allensbacher Jahrbuch der Demoskopie. 1993-1997. Allensbach: Verlag für Demoskopie, 1997.
6. *Schäfers Bernard, Zapf Wolfgang*. Handbuch zur Gesellschaft Deutschlands. 2-е изд., испр. и доп. Opladen: Leske & Budrich, 2001.
7. *Simrock, Karl*. Die deutschen Sprichwörter. 2-е изд., испр. и доп. Stuttgart: Philipp Reclam jun., 2000.
8. *Wander Karl Friedrich Wilhelm*. Deutsches Sprichwörter-Lexikon. Ein Hausschatz für das deutsche Volk. Augsburg: Weltbild Verlag, 1987. Электронная версия: Digitale Bibliothek, т. 42. Berlin: Directmedia, 2001.
9. *Макеева И. И.* Языковые концепты в истории русского языка // Язык о языке: Сб. статей. М.: Языки рус. культуры, 2000. С. 63-155.
10. *Полнинченко Д. Ю.* Концепт «язык» в английской паремиологии // Язык, сознание, коммуникация / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2004. Вып. 26. С. 83-91.

Слоганы как средства вербального воздействия в политическом предвыборном дискурсе

© М. А. Фрид, 2007

Вступление

Речевое воздействие и социальная власть языка со времен древних философов и ораторов чрезвычайно интересовала людей. Изучение этого вопроса традиционно находится в ведении психологии и социологии. Но, принимая во внимание, что побуждение к действию происходит при помощи языковых средств, лингвистическое исследование этого социального по сути явления представляется не менее актуальным.

Объект исследования – жанровая разновидность политического предвыборного дискурса – политические слоганы. Слоган как жанровая разновидность политического дискурса представляет собой короткое емкое высказывание в письменной форме, передающее основную идею предвыборной кампании той или иной партии или объединения и призванное убедить адресата проголосовать за данную партию. Предметом исследования является воздействующая функция текстов данного типа и специфика реализации функции побуждения в различных условиях коммуникации в русской и польской языковой среде. Чтобы установить лингвистические закономерности, способствующие достижению перлокутивного эффекта воздействия слоганов, и выявить, какими вербальными средствами и речевыми стратегиями пользуется отправитель сообщения. Исследование слоганов проводим в рамках дискурсивного анализа и рассматриваем модель коммуникативной ситуации, возникающей при функционировании слоганов, где наряду с такими компонентами, как говорящий, слушающий, высказывание, вводятся обстоятельства коммуникации, без которых не обходится ни одна модель общения.

Вопрос вербального воздействия текстов политической слоганистики является актуальным и остается до конца неразработанным как в польской, так и в русской лингвистике.

Источником материала послужили архивы российских и польских интернет-изданий, использовались листовки и агитационные материалы избирательных кампаний разных лет (выборы в государственную думу РФ 2003 г, Выборы президента РФ 2004, Wybory parlamentarne RP 1991-1993, Kampania prezydenckia 1995, Wybory prezydenckie RP 2005) Корпус исследованных текстов составил 600 единиц.

Характеристика коммуникативной ситуации, возникающей при функционировании слоганов в рамках политического дискурса

1. Опосредованный коммуникативный акт как условие протекания коммуникации слоганов:

В силу специфической цели – захвата и удержания власти – политический дискурс ориентирован скорее на одностороннее воздействие, а не на полноценный контакт между коммуникантами, т.е. манипулятивен по своей природе. Использование манипулятивных приемов сказывается на организации текста и выборе вербальных средств воздействия.

Чаще всего коммуникация осуществляется при отсутствии непосредственного контакта между коммуникантами в связи с письменной формой текста слогана.

2. Анонимный автор текста слоганов:

Многие лингвисты, исследующие жанр предвыборного лозунга, считают, что «для него характерна анонимность автора» [Шейгал 2000: 77]. Этим обусловлена безличность конструкций, использующихся в большинстве слоганов. Оливер Ребуль в статье «Когда слово становится оружием пишет: «если бы слоган являлся словами какого-то конкретного человека, желающего нас склонить сделать выбор, то он потерял бы свою достоверность и провоцировал бы в читающем негативную реакцию «Так утверждает X». Настоящий слоган выражается формулой «так говорится» и часто данная анонимность становится гарантией объективности [Reboul 1975]

Кроме того, отправитель слогана зависит от действий адресата (социально-статусная роль автора текста)

Несмотря на то, что отправитель слогана в большинстве случаев уже является представителем определенного политического института, в ситуации выборов он оказывается в неприоритетной позиции по отношению к получателю языкового сообщения, т.к. именно от действий последнего зависит, изберут или нет данного кандидата. Поэтому отправитель слогана использует манипулятивные приемы, чтобы склонит адресата к необходимому выбору,

3. Наличие образа контрагента в тексте слогана

Контрагент не участвует в коммуникативном акте. Тем не менее, образ контрагента играет важную роль в процессе коммуникации. Контрагент это тот, кого «стараяются не допустить к власти» (Амиров, с. 19).

Образ контрагента редко присутствует в тексте слогана эксплицитно, это связано с морально-этическими принципами проведения предвыборной агитации. Чаще всего собирательный образ противника восстанавливается из подтекста. Образ контрагента выражается в стратегии противопоставления (см. ниже).

4. Открытый, массовый адресат (выделение целевого адресата в политической коммуникации)

Непосредственный получатель предвыборного слогана – электорат. Таким образом, при исследовании агитационных лозунгов мы имеем дело с массовым адресатом. [В.Б. Кашкин]. В лаконичном тексте слогана бывает трудно передать идеи и призывы, которые были бы близки всем и каждому. Поэтому автор слогана, адресуя его массовому адресату, часто ориентируется на определенную целевую группу, на которую данный текст должен оказать наиболее сильное воздействие. Интересен тот факт, что в тексте слоганов нет обращений, адресат прямо не назван (в русском материале не зафиксировано ни одного примера на конструкции с обращением, в польском материале обнаружено три политических лозунга с обращением: *Szanowny Wyborco! Głosuj na kandydata AWS! (AWS) Wyborco, głosuj na mnie!*

Обращенность лозунга к определенной группе присутствует на имплицитном уровне. Определение целевого адресата (разделение электората на группы) является скорее вопросом не лингвистическим, а психологическим и социологическим. Тем не менее, целесообразно, в общем виде, дать самые распространенные целевые группы (см. ниже). Условия протекания коммуникации при функционировании слоганов, учитывается для реализации основной цели адресанта текста слоганов.

5. Цель коммуникативного акта: скаузировать действия адресат необходимым для отправителя слогана образом.

По слова Шейгал, жанрообразующим признаком предвыборного лозунга является его директивность. С таким определением функции слоганов соглашаются многие исследователи (Амиров В.М., J.Bralczyk, K.Mosiółek-Kłosińska).

Исследуя слоганы, мы исходим из широкого понимания директивности: все высказывания можно по этому критерию разделить на директивные и недирективные [Еремеев 2000]. Директивная интенция может быть выражена эксплицитно, открыто (прямой речевой акт) при помощи категориальных императивных средств (повелительное наклонение, инфинитивные конструкции и пр.) и имплицитно (в подтексте) при помощи косвенных высказываний, декларативных предложений. «Способность слогана побуждать к действию преобладает над его непосредственным значением». (Reboul 1975: 330), поэтому фраза «Хочешь жить лучше?» на плакате кандидата во время предвыборной агитации будет означать – «если хочешь жить лучше, то голосуй за X». Амиров пишет, что темпоральное и локальное ограничение предвыборного текста задано экстралингвистически предвыборной кампанией, протекающей в определенные сроки и на определенной территории» [Амиров 2002: 31].

Таким образом, именно темпоральная обусловленность текста трансформирует декларативное высказывание в косвенный призыв.

Типичный для предвыборного лозунга РА призыва наиболее сводится к формуле «Голосуй за N, (потому, что...)». Но часто первая часть этой клишированной формулы с прямым императивом опускается и остается только мотивировка, подсказывающей избирателю правильный выбор: *Чтобы жить лучше!*

Оказавшись в неприоритетной позиции, автор слогана старается избегать прямого побуждения (повелительного наклонения, императивных конструкций и пр.), использует следующие манипулятивные приемы:

→ Непрямое выражение интенции понуждения к выбору наблюдается при трансформация императива в перформатив:

Конструкции с глаголом 1 л. ед. и мн. числа изъявительного наклонения, которые выражают как бы уже сделанный выбор:

Wybieram Prawo i Sprawiedliwość (2001, PiS)

Выбираю Яблоко! (Яблоко, 1993)

Слоган создает впечатление у адресата, что в данном случае к нему обращается не анонимный субъект, а человек или группа лиц (указание на них присутствует в личной форме глагола), которые являются сторонниками данного кандидата или партии. В русском материале этот тип слоганов более продуктивен, чем в польском.

Подобная формула обладает сильным суггестивным потенциалом, и не вызывает такого сопротивления внешнему давлению, как в случае прямого императива.

→ Использование утвердительных предложений, которые невозможно перестроить с отрицанием

Использование аффирмаций, исключая отрицания, как считает Н.Н. Панченко, является манипулятивным приемом, настраивающим адресата на восприятие положительных ценностей. Политические лозунги построены таким образом, что их нельзя в большинстве случаев перестроить с использованием отрицания (благодаря использованию лозунговых слов-символов с положительной семантикой).

Например, мысль, содержащаяся в слогане *Wybierzmy przyszłość!*, не удастся опровергнуть при помощи отрицания, т.к. это приведет к появлению абсурдного высказывания **Nie wybierajmy przyszłości!* С постулатами, содержащимися в политических слоганах, часто не удается полемизировать, что говорит о персуазивной силе слоганов данного типа. В современной политической рекламе мы имеем дело с определенным механизмом, который в частности использовался в польской и

советской пропаганде до 1989 года. Этот механизм основан на предоставлении адресату иллюзорной свободы выбора

→ техника нейролингвистического программирования (НЛП – учение о структуре процесса общения, наука близкая к психологии, исследующая коммуникативное пространство и модели поведения человека в нем)

- Автор слогана иногда включает в его состав несколько предложений (от 2 до 4), чтобы использовать психологический прием – нейролингвистическое программирование. Прием основан на выработке автоматизма, закономерности в ответах на вопросы, строится как цепочка утверждений, с которыми адресат согласен. Психологи утверждают, что если человек при общении несколько раз сказал: «Да», то в дальнейшем, когда приводится нужный адресанту довод, ему трудно произнести: «Нет».

Silna klasa średnia, Silna Polska, Unia Wolności w Senacie (Wyb. Senat 2001, Unia Wolności)

Głosuj na Polskę czystych rąk, Na koalicję czystych rąk! (Samoobrona 1993)

Голосуйте за единство и согласие в России. За Сергея Шахрая! (Выб. 1991)

Нейро-лингвистическое программирование является одним из важнейших приемов манипулирования поведением адресата в политическом предвыборном дискурсе.

Кроме того, используются вопросительных конструкций, которые, должны вызвать положительный ответ.

Хотите, чтобы Ваш голос был услышан? Голосуйте за Борового! (К.Боровой 1991)

Хочешь восстановить сбережения? Голосуй за Глазьева! (Выб. Президента РФ 2004)

- Трехчленная организация

Слоган может состоять и из одного слова, и из двадцати. Самыми распространенными как в русском, так и в польском материале оказались слоганы, состоящие из 3 слов. О.В.Богомолова отмечает, что «троичная организация помогает использовать уже готовые схемы, заложенные в сознании. Такое высказывание легче запоминается, кажется гармоничным» [цит. по Киселев 2003].

Bogate gminy, Bogate Wojewódstwa, Zdrowi Obywatele. (AWS, Kowalewski)

Mądrze Zdrowo Bezpiecznie (SLD, Derbiszewski)

Разум Воля Результат! (Г.Явлинский. Президента РФ 2000)

Свобода Справедливость Уважение («Яблоко» 2003)

- Параллельные повторяющиеся конструкции:

Часто автор слогана выходит из ситуации «сложное предложение — длинное предложение — сложная для восприятия синтаксическая конструкция» используя сложные бессоюзные предложения с повторами:

Гайда за промышленность, рабочие за Анатолия Гайду! (Выб. Мэра Владимира 2001)

Голованов работает для людей, люди выбирают Голованова (Выб. 2001)

Balicki rozwiązuje problemy mieszkańców, mieszkańcy głosują na Balickiego! (SLD, 2001)

В русском материале такие зеркально отображенные конструкции очень частотны, в то время как в польской политической слоганистике используются значительно реже. Для реализации основной цели — осуществления влияния на поведение электората — автор слоганов использует не только отдельные манипулятивные приемы, но и комплекс манипулятивных уловок, строя свою предвыборную кампанию с учетом определенной речевой стратегии.

Речевые стратегии

Автор слогана использует речевые стратегии, которые заменяют в тексте аргументацию и создают желательный для отправителя слогана образ действительности и имидж кандидата, чтобы повлиять на поведение адресата.

Основной принцип стратегического подхода, по Т.А. ван Дейку, «заключается в отборе наиболее значимой в данном контексте для данных коммуникантов информации. В широком смысле под стратегией понимается план оптимальной реализации языковых намерений, который обуславливает использование определенных языковых средств [Терпугова, Язык как средство идеологического воздействия 1983: 69]. Понятие стратегии используется на текстуальном и контекстуальном уровнях, для учета связей внутренней и внешней информации.

Для реализации определенной стратегии применяется комплекс языковых средств: лингвистических (лексика, синтаксические конструкции, стилистические и экспрессивные средства) и экстралингвистических (визуальный ряд и графические средства). Можно вывести ряд речевых стратегий, которыми пользуется отправитель слогана.

2.1. Стратегия лесты

Стратегия лесты призвана объяснить избирателю, в силу каких причин он является «своим», принадлежит к узкому кругу людей, обладающих определенными качествами. Для этого используется обращение к патриотическим, гражданственным чувствам избирателя («настоящий

россиянин сделает достойный выбор», «выберем ради светлого будущего страны»), апеллирование к корпоративному единству («интеллигентному человеку понятно...»), и т.д.

Стратегия лесты реализуется с помощью лексических и семантических средств и приписывает адресату положительные качества, как бы возвышающие адресата в его собственных глазах.

Константин Боровой – выбор свободного человека! (Боровой 1999)

Разумные люди голосуют за разумных политиков (Предвыборные лозунги; Выборы 2003)

Normani ludzie, normalna Polska! (Wyb. 2001, Platforma Obywatelska)

Unia Demokratyczna liczy na Ciebie, na Twoją mądrość, serce, zaangażowanie (UD, 1991)

Стратегия лесты используется как в польском, так и в русском политическом дискурсе.

2.2. Стратегия самовосхваления

Стратегия самовосхваления предназначена для того, чтобы показать избирателю, что именно данная партия является лучшей и единственно приемлемой для его выбора. Возможны две реализации стратегии самовосхваления: на первый план могут выдвигаться либо личностные качества кандидата, либо те изменения, которые произойдут в случае его избрания. Для реализации стратегии самовосхваления используются: оценочная лексика, ключевые слова-символы, эллиптические синтаксические конструкции, клише.

В случае если слоган выявляет преимущества партии или кандидата для этого проводится сравнение с «другими», в результате которого «своя» партия выглядит заведомо предпочтительнее. В этом отношении стратеги самовосхваления пересекается со стратегией противопоставления (СМ НИЖЕ).

Примеры на стратегию самовосхваления, показывающую преимущества партии или кандидата:

Silny człowiek na trudne czasy! (Wyb prezyd. 2000, Tadeusz Wilecki)

Wybierz sprawdzonych kandydatów (KLD 1991)

Роман Попкович – человек слова и дела! Голосуй за него, вы голосуете за себя и свое будущее! (Выб в орг. Исполнит. Власти 1993, РДДР)

Валерий Кубарев – представитель нового поколения Деловой России! (Выб в орг. Исполнит. Власти 1993)

В русской части материала одной из наиболее частотных лексем, реализующих стратегию самовосхваления, в тексте слоганов оказалась лексема «достойный».

К власти должны прийти честные и достойные люди! (К.Севенард, Выб.Губ, Спб 1999)

В польском материале обнаружен один пример с использованием лексемы «godny»:

Godny zaufania (Wyb. na radnego, SLD, D. Wiczorek)

При реализации стратегии самовосхваления в текст слогана включается название партии или имя кандидата:

Oddaj głos za Bolesława Piotrowskiego

Nie powstydzisz się za niego! (Wyb. Sejmik, Ruch patryotyczny "Ojczyzna")

Chcesz mieć Reagana – wybierz Jana! (Wyb. 2000, Jan Olszewski)

*Хочешь жить наверняка – Выбирай Гребенника! (Выб. Орг. Самоупр.) *Гринберг*

Отдельную группу составляют слоганы, которые содержат название партии или фамилию кандидата и ее дешифровку в тексте, когда название партии как бы «вклеено» в текст. Название или фамилия могут полностью восстанавливаться по буквам слов:

РОССЕЛЬ: Россия, область, созидание, стабильность, Урал, промышленность (Россель 1999)

Nie jesteś sam! Razem Odbudujemy Polskę (Ruch Odbudowy Polsk, 2001i)

Нередко стратегия самовосхваления бывает основана на конструировании образа будущего, условием воплощения которого является избрание данного кандидата.

«Ннадо увести толпу от реальной действительности, чтобы представить ей действительность лучшую, более красивую, соответствующую ее надеждам» [цит. по: Амиров 2002]. Таким образом, и при реализации стратегии самовосхваления конструируется картина будущего. Это будущее, которое берется обеспечить кандидат:

Milion nowych miejsc pracy (Wyb. 2001, Unia Wolności)

Zbudujemy nowe sprawne państwo! (Samoobrona 1993)

Забота о людях и безопасность жизни (И. Смирнов, Выб. Деп 2004)

РЕФОРМЫ БЕЗ ШОКА, ПОЛИТИКА БЕЗ БАРРИКАД. (Выб в орг. Исполнит. Власти 1993, Яблоко)

2.3. Стратегия консолидации

Используя данную стратегию, автор слогана стремится тематически охватить интересы максимального количества избирателей. Стратегия консолидации позволяет сократить дистанцию между адресатом и отправителем языкового сообщения, показывает общность целей кандидата и избирателя, тем самым позволяет прескриптору манипулировать действиями адресата.

С точки зрения языковых средств в слоганах присутствуют специализированные знаки интеграции (список Е. И. Шейгал) таких как: местоимение «мы»; лексемы совместности (вместе, razem); лексические единицы с компонентом совместности с коннотацией «я свой, я один из вас» (Русские, народ, Polacy, naród); грамматические формы непрямого императива со значением включения в сферу действия говорящего (Восстановим..., сохраним) [Шейгал 2000].

Лексемы консолидации характеризуются семантикой единения, целостности, единства:

Razem/Вместе

Razem mamy szansę! (SLD, E. Deptalski)

Łączy nas Polska! (Wyb. parlamentarne 1997, Polskie Stronnictwo Ludowe)

Возродим дух нации! («Русь» объединенная российская партия, 2003)

Вместе к возрождению России! (Выб в орг. Исполнит. Власти 1993)

«один из Вас»

Jestem jednym z Was. (Wyb prezyd. 1990, Roman Bartoszcze)

Он один из нас. Он знает, что делать. Он добьется порядка и справедливости. (Выб мэра Твери, А.А. Азарьев, КППФ)

Ojczyzna – Родина:

Ojczyzna to jest wielki zbiorowy obowiązek (Wyb. 2001, Zjednoczenie Chsześcien Narodowe)

Mamy różne zdania, ale jedną ojczyznę. (Wyb. do Zgromadzenia Narodowego 1989, PZPR-ZSL-SD)

В приведенных слоганах ключевое слово *Ojczyzna/Родина* выполняет объединяющую функцию.

Используя местоимения и конструкции с формой совместности (1 л. мн.ч.) автор представляет адресата не оппонентом, а сторонником, единомышленником. Конструкция с названной формой сокращает дистанцию между кандидатом и электоратом, показывая общность их целей:

Zaopiekujemy się Polską! (Wyb. Prezyd. 1995, Hanna Gronkiewicz-Waltz)

Выручим Отечество! (Движ. в поддержку армии, Выб. в Гос. Думу. 1999)

С этой точки зрения конструкция формы 1-го — «совместного» — лица множественного числа является самой распространенной, как в польском предвыборном политическом дискурсе, так и в русском.

Невербальные знаки тоже являются активными компонентами дискурса и реализуют стратегию консолидации.

Графическая трансформация текста

М **эр**

ы

осква (Выб. Мэра Москвы, Лужков, 2003)

В плакатной технике визуальный ряд может воплощать стратегию консолидации, которая использована и в тексте слогана:

Мы пришли надолго и всерьез! (Выб в Гос. Думу 1999, А.М.Петраченко) – визуальный ряд: фотография Петраченко с рабочими

O wspólnych sprawach decydujemy wspólnie!(Koniewski, AWS) – визуальный ряд: фотография кандидата с горожанами.

Стратегия сотрудничества или консолидации – одна из самых распространенных стратегий, как в польском, так и в русском предвыборном дискурсе. Данная конструкция создает значение общности интересов прескриптора и адресата, мотивирует адресата голосовать за кандидата во имя достижения общей цели.

2.4. Стратегии устрашения

Суть стратегии устрашения состоит в том, чтобы запугать избирателя различного рода катаклизмами, которые могут иметь место в случае победы «чужих». Для этого могут быть использованы как ассоциации с уже произошедшими в истории событиями, так и рассказы о гипотетических катастрофах. Стержень стратегии страха состоит в формуле «если победят «чужие», будет беда».

Таким образом, при использовании стратегии устрашения делается ставка на протестное голосование, т.е. предвыборная кампания строится по принципу не столько «за», сколько «против». Для реализации стратегии устрашения автор слогана часто использует прямые императивные конструкции.

Предупреждение:

Głosuj na lewicę – nie obronisz się sam(SLD 1991)

Мой дед просидел 72.358 часов в Гулаге. Я – не хочу!

Моя бабушка простояла 64.245 часов в очередях. Я – не хочу.

ЕСЛИ ТЫ НЕ ХОЧЕШЬ, ЧТОБЫ ИХ ПРОШЛОЕ СТАЛО ТВОИМ БУДУЩИМ...(СПС)

Забыли? Вам напомнят! (Ельцин, 1996) В данном примере важно сочетание с невербальным компонентом: на плакате изображен окровавленный топор и даны все названия карательных органов от ЧК до КГБ.

Со стратегией устрашения непосредственно связан вопрос о речевой агрессии в политическом предвыборном дискурсе (речевая агрессия в слоганах чаще всего бывает направлена на контрагента, противника).

Речевая агрессия это специфическая форма речевого поведения, которая мотивирована агрессивным состоянием говорящего. В тексте слогана может содержаться прямой призыв адресата к агрессивным действиям. Либо слоган может быть направлен на поддержание у адресата агрессивного состояния. Для этих целей автор слогана использует экспрессивную лексику с негативными коннотациями. Отрицание, которое противопоставлено большинству предвыборных политических текстов, часто используется автором слогана для реализации речевой агрессии, т.к. в данном случае кампания строится на негативных эмоциях электората.

*Zabrali Ci pracę i dom – **zabierz im władzę!** (Wyb. Senat 2001, Polska Partia Socjalistyczna)*

***Nie** daj się **manipulować**– **Wybieraj!** (Wyb. do Zgromadzenia Narodowego 1989, PZPR-ZSL-SD)) *Galasiński*

***Nie** dajmy się więcej **oszukiwać**. (Wyb. Senat 2001, Konfederacja Antyliberalna Platforma – KPN – obóz Patryotyczny)*

*Idź do wyborów, bo cię **okradną** (Wyb. Prezyd. 1995, Jan Olszewski)*

*Dość **eksperymentów** na narodzie (PL 1991)*

***Заставим** власть **слушать** народ! (С.Глазьев, Выб. Президента РФ 2004)*

***НЕТ антинародному** курсу! (КПРФ, 1990)*

***НЕТ грабительской** реформе ЖКХ! (Харитонов, Выб. Президента РФ 2004)*

*Остановим **агрессию** против человека труда! (А.Тулиев, Президента РФ 2000).*

*Не дадим **растакать** Родину! (Народная партия, 2003), б.*

Слова-символы со значением антицели (коррупция, страх, нищета и пр.)

*Zgoda buduje, **Korupcja** rujnuje! (ZW 1990)*

***МЫ ПРОГОНИМ СТРАХ И ВЕРНЕМ НАДЕЖДУ** (КПРФ, 1999)*

***Мы не боремся с коммунизмом, мы боремся с нищетой** (Яблоко 1991)*

Речевая агрессия и стратегия устрашения используются в польской и русской слоганистике.

2.5. Стратегия противопоставления

Многие предвыборные слоганы построены по принципу оппозиции. Это манипулятивная стратегия, которая призвана повлиять на действия адресата, показав ему не только положительные стороны позиционируемой партии или кандидата, но и негативные черты противника. Здесь в силу вступает принцип «мы лучше, потому что другие хуже». В тексте слоганов рисуется негативный образ контрагента, кандидат и контр-

агент противопоставляются как «свой – чужой», соответственно на контрасте с негативным образом противника вырисовывается положительный образ субъекта, продвигаемого к власти. Рисуя образ контрагента, автор слогана использует **слова-символы с отрицательной семантикой – со значением контрагента-врага** (ценностно-значимые понятия, для которых характерна эмоциональная заряженность и высокая частотность употребления). Благодаря использованию лозунговых слов автор слогана может конкретизировать образ врага.

Nie ufaj elitom! (Wyb. prezydent. 1990, Roman Bartoszcze)

*Prowokatorzy głosują kamieniami. (Wyb. do Zgromadzenia Narodowego 1989, PZPR-ZSL-SD) *Galasiński*

В данной стратегии отражаются стратегия самовосхваления и стратегия устрашения. Т.к. в проанализированном материале (в польской и русской части) обнаружено большое количество примеров с использованием конструкций, построенных по принципу противопоставления, то мы выделили стратегии противопоставления в отдельный тип. Для реализации стратегии противопоставления в тексте слогана автор часто использует сложные бессоюзные предложения и оценочную лексику.

В исследованном материале можно выделить несколько основных линий, по которым осуществляется стратегия противопоставления.

(негативный полюс) «слово \leftrightarrow дело» (положит. оценка), которая изменяется в

«слово = лозунг = обещание \leftrightarrow дело = работа = факт» и т.д.

Inni mówią, my zmieniamy kraj! (AWS)

Prawda zamiast hasel. (Wyb. prezydent. 1995, Waldemar Pawlak)

Mniej słów – więcej czynów. (Wyb. Senat 2001, Forum Obywatelski)

Конкретные дела лучше общих слов (П.Медведев, Выб. Ден в Гор Думу 2003)

Голосуйте не за лозунги и обещания, а за известных Вам людей! (Исполнит. 1993, РДЦР)

Все сказано, пора заниматься делом! (НДР)

Положительная черта приписывается кандидату или партии, которой принадлежит слоган, а негативная черта относится к контрагенту, к противнику.

Образ противника либо непосредственно присутствует в тексте слогана (*Inni mówią..., ...другие только говорят...*), либо опосредованно, восстанавливается из имплицитной информации, содержащейся в лозунге.

Противопоставление может быть основано на понятиях

(положительно окрашено) «народ \leftrightarrow власть» (отрицательно)

Шейгал пишет о том, что «концептуальная оппозиция «народ \leftrightarrow власть» является одним из важнейших элементов, образующих жанро-

вую структуру политического дискурса» [Е.И. Шейгал 2000: 69]. С полюсом *народ* связаны такие понятия, как общество, простой человек, житель, жертва; с полюсом *власть* – партия, политик, преступник.

Prezydent z narodu, nie z partii. (Wyb prezyd. 2000, Bogdan Pawlewski)

Interes Mieszkańców, a nie polityka. (Liga Szczecińska)

МЫ СЛУЖИМ ОБЩЕСТВУ, А НЕ ВЛАСТИ (ЛДПР)

Противопоставление

«**другие ←→ конкретный кандидат**».

Kandydatów jest wielu. Wałęsa jeden. (Wyb. Prezyd. 1995, Lech Wałęsa)

Много политиков участвуют в выборах. Ирина Хакамада – только одна. (Хакамада, 1996)

Часто на таком противопоставлении строится предвыборная кампания известных политиков.

«**прошлое ←→ будущее**».

Было – руководи и Властвуй, Будет – соединяй и Здравствуй! (КПРФ, 2003)

В русском материале были обнаружены примеры на стратегию противопоставления по схеме «**если не проголосуешь, то...**». В одной из частей слогана даны негативные последствия невыполненного действия:

ГОЛОСУЙ ИЛИ ПРОИГРАЕШЬ! (Выб. През РФ, Ельцин 1995)

Nie spij, bo Cie przegłosujq! (Wyb 1989, Solidarność)

Некоторые вопросы построены по принципу противопоставления:

Prawo dla ofiar, czy przestępców? Możesz decydować! (PiS)

Будущее в твоих руках? Голосуй в воскресенье или в понедельник они будут связаны! (СПС, 2003)

Ответ на поставленный вопрос для адресата ясен, т.к. в нем постулируются общие ценности. Кроме того, имплицитно данные слоганы указывают следующую схему «чтобы выбрать права для жертв, а не для преступников, выбирай партию X».

Здесь также содержится противопоставление и косвенный призыв голосовать за конкретную партию: «Голосуй за X, если хочешь, чтобы будущее было в твоих руках».

По принципу противопоставления в польской слоганистике часто строятся конструкции «**Tak – Nie**» с графической трансформацией текста:

Europa – TAK, UE – NIE! (Wyb. Prezyd. 2000, Jan Łopuszański)

2.5. Стратегия выделения целевого адресата

Чтобы слоган был понятнее и лучше воспринимался адресатом, его текст нередко бывает сориентирован на определенную целевую группу. С учетом строящейся предвыборной агитации партии нередко опреде-

ляют свою целевую аудиторию среди всей массы электората. Слоганы, ориентированные на разную целевую аудиторию, различаются в лексическом, семантическом, стилистическом оформлении и большинство предвыборных кампаний строятся с учетом этого фактора.

По социальной принадлежности

- ***Рабочий класс, крестьяне***

По словам аналитиков, автор слогана ориентируясь на данную целевую группу часто использует такие прецедентные тексты, как пословицы и поговорки (в трансформированном виде):

Журавлев в Думе – не хуже синицы в руках! (Журавлев 1999)

Trzeba wypić to piwo! (PPPP, 1991)

Автор слогана, используя поговорку *Nawarzyłeś piwa, to je pij*, своеобразным образом дает ответ противникам: мы обещаем разобраться с проблемами, которые спровоцировали и не смогли решить наши предшественники. Кроме того, воздействие слогана на адресата усилено тем, что он содержит часть названия партии, как элемент автопрезентации (Polska Partia Przyjaciół Piwa).

Отправитель слогана стилизует текст под частушки, использует рифму, разговорную лексику, синтаксические конструкции близкие разговорной речи для преодоления «символической пропасти» между адресатом и отправителем языкового сообщения:

Не голоси, а голосуй! (выборы 2004 Центр Избирком)

Лексема «голосить» встречается в диалектной речи, в словаре обозначена как «разг.-сниж. Громко петь или кричать; громко, с причитаниями плакать [Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. Автор Т.Ф. Ефремова].

Не становитесь стенка на стенку – Лучшие отдайте свой голос Лысенко!

«Становиться стенка на стенку» – разговорный фразеологизм со значением: противоборствовать, драться.

НЕ ВАЛЯЙ ДУРАКА, ГОЛОСУЙ ЗА ЗЕМЛЯКА! (А.Лебедь)

В слогане используется нарочито сниженное, почти бранное выражения. «Валять дурака – делать глупости, поступать безрассудно» (ФСРЛЯ, 50)

Kazdy kiepski – tylko nie Olszewski! (Wyb. 2000, Jan Olszewski)

Автор слогана использует лексему «**kiepski** – разг. плохой, скверный, дрянной». Кроме того, слоганы, адресованные этой целевой группе, ограничены тематически:

Pracy i cheba (Wyb prezyd. 2000, Piotr Ikonowicz)

Chłopi na Wiejską! (PSL 1991)

За власть трудового народа! (КПРФ)

Поможем селу! (Аграрная партия России)

- Интеллигенция

Использование аргументации в тексте слоганов, соответствующая тематическая сфокусированность текста

Nauka Oświata Kultura (Wyb. Senat 2001, Konfederacja Polski Niepodległej)

По возрастным характеристикам

- Молодежь

использование сленга, разговорной и экспрессивной лексики:

Чтобы не было нам крышки,

Президентом стань, Малышкин! (Малышкин, Wyb През 2004)

Лексема «крышка» маркирована в словаре как просторечная, экспрессивная, со значением – «все, конечно, делу конец, об окончательной неблагоприятной развязке, завершении чего-либо» (ФСРЛЯ, 268 т.1). Имплицитный смысл восстанавливается следующим образом «если мы не изберем X, то будет плохо».

Привык жить on line? Голосуй в воскресенье или с понедельника будешь жить off line (СПС 2003)

с соответствующей семантической направленностью:

Młodzież nadzieją Polski! (Ojczyzna 1993)

Чтобы дать дорогу молодым! (СПС, 2003)

- Пожилые люди

Он поддержит стариков. Выбирайте: Дмитраков!

Опыт и мудрость старших – Отчизне (Выб в Гос. Думу 1999, А.М.Петраченко)

- Слоганы нейтральные с точки зрения возрастных характеристик реципиента.

К данному блоку относятся слоганы, выражающие общие ценности (лозунговые слова с положительно семантикой – свобода, равенство и пр.), следовательно, ориентированные на все возрастные категории.

Стратегии речевого воздействия активно используются в польском и русском политическом дискурсе. Самой распространенной, как в польском, так и в русском материале является стратегия консолидации. Часто встречаются примеры на стратегию лести. Реже используется стратегия устрашения с применением речевой агрессии. В польском материале зафиксировано больше примеров на непопулярную стратегию устрашения, чем в русском материале.

При рассмотрении речевых стратегий можно вывести два аспекта воздействующей силы лозунга, противоположных друг другу по механизму действия: разрушение стереотипов (за счет новизны формы, языковой игры, эксплуатации графических средств) и активизация стереотипов при помощи клише и штампов, являющихся языковой формой

существования стереотипов, которые позволяют избежать сознательно-го размышления и провоцируют механическую реакцию.

Таким образом, в содержательном плане лозунгу присуща тематическая однофокусность (постулируется одна идея) и эмоциональность (нет рациональной аргументации). В структурном плане лозунгу свойственны краткость, преобладание простых нераспространенных утвердительно-восклицательных предложений, наличие повторяющихся клишированных структур, ритма, рифмы, аллитерации. Большинство из перечисленных содержательных и структурных признаков характеризуют лозунги как разновидность суггестивного текста, что соответствует их агитационно-пропагандистской функции в рамках политического предвыборного дискурса.

Л и т е р а т у р а

1. *Алтунян А.* Лозунг в политическом дискурсе // Век XX и мир, 1994, №5-6.
2. *Амиров В.М.* Агитационный предвыборный свертхтекст: организация содержания и стратегии реализации: Дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002.
3. *Еремеев Я.Н.* Директивные высказывания как компонент коммуникативного процесса: Дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2001.
4. *Карасик В.И.* О категориях дискурса // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты. Волгоград, 1998.
5. *Карасик В.И.* О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Волгоград, 2000.
6. *Кашкин В.Б.* Кого класть на рельсы? <http://kachkine.narod.ru/Articles2001/Authority/AdPolit.htm>
7. *Киуру К.В.* Политический текст: средства речевого воздействия на электоральное поведение // Текст и дискурс. Тезисы научной конференции в МГУ. Секция XVI. М., 2004.
8. *Панченко Н.Н.* Манипулятивность политической рекламы // Языковая личность: проблемы когниции и коммуникации. Волгоград, 2001.
9. *Терпугова Е.А.* Рекламный текст как особый тип императивного дискурса: Дисс. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2000.
10. *Шейгал Е.И.* Семиотика политического дискурса. Волгоград, 2000.
11. *Bralczyk J.* Język na sprzedaż. Warszawa, 1995.
12. *Gajewski D.* Plakat w Kampanii Wyborczej // <http://www.21wiek.net/serwis/index.php?strona=plakat>
13. Hasła wyborcze w kampanii prezydenckiej '95, Komunikat z badań, CBOS, grudzień 1995.
14. *Kochan M.* Slogan w reklamie i polityce. Warszawa, 2002.
15. *Reboul O.* Kiedy słowo jest bronią // Język i społeczeństwo. Warszawa, 1975.

ЛИНГВОПОЭТИКА

Мотив судьбы в романе А. Мердок «Сон Бруно»

© кандидат филологических наук А. А. Изотова, 2007

На последующих страницах на материале романа А. Мердок «Сон Бруно» будут рассмотрены некоторые случаи содержательного характера, связанные с понятием судьбы, а также языковые средства выражения этого понятия. Обратимся к примерам.

She explained afterwards to Miles how she had seen him several times in the shop looking self-absorbed and melancholy and had had a fantasy that everything would happen even as it did happen: that he would turn out to live alone, that he had had a great sorrow, that he shunned society, that he had no dealings with women. For Diana it was, in some extraordinary way, the perfect working out of a dream. She had been searching for Miles. She recognized him. at once. It was her sense of destiny which carried them both along.

Речь идет о начале романа, где описывается предыстория знакомства Майлза Гринслива и его жены Дианы. Майлз пережил трагедию, потеряв свою первую любимую жену Парвати в авиакатастрофе и был опустошенным человеком. Диана же искала такого человека, как Майлз, потерявшего слишком многое, стремящегося к уединению, и сразу же узнала его. Мотив судьбы присутствует в данном примере и выражается наличием словосочетания *her sense of destiny* ('ее ощущение судьбы / неизбежности'). С точки зрения Дианы, ее встреча с Майлом была предопределена. Заключает данный отрывок метафорическое сравнение *She was a moth that wanted to be burnt by a cold cold flame* ('Она была мотыльком, который хотел обжечься об очень холодный огонь').

В языковом плане существительное *flame* усиливается повторением прилагательного *cold*, выступающего как определение к нему. А дальнейший текст романа раскрывает это сравнение и показывает читателю тепло души Дианы, способность отдавать мужу всю свою любовь, в то время как он внутренне остается холодным по отношению к ней, будучи не в силах забыть свою первую жену.

'Why did you come here to be so unkind to an old man? You never loved me, you always sided with your mother, you never came near me, you were never affectionate and forgiving like other children, you were cold to me, and you still hate me now and you wish me dead, dead and gone, like all those things you said didn't exist any more. All right, I'll soon be dead and you can

forget me and bury me and tidy me away for ever. You can't take the trouble even now to try to see what I'm really like. You just think that I'm dying and I smell of death and I've lost my mind and I'm just a heap of stinking rotting flesh that you can't bring yourself to touch, but I've still got enough spirit left to curse you—'

'Father, please—'

'Get out, get out, get out!' Bruno's quivering hand fumbled with a glass of water which stood on the bedside table. He made as if to hurl it, but he had not the force to lift the glass and the water spilled darkly down the side of the counterpane and the glass crashed into pieces on the floor. *'A ah – Danby! Danby!'*

Miles backed away, stumbled through the door, blundered across the dark landing and began to run down the stairs. At the bottom he cannoned into Danby. For a moment Danby seized hold of his wrist. 'You've upset him, damn you! I told you not to!'

Miles wrenched himself away, and as he got out of the front door he could hear the voice above him screaming now. 'And you shan't have the stamps! You shan't have the stamps!' He began to run away down the street in the rain. He ought never to have gone. It was like a doom, it was more terrible than he could have imagined. He was back in that awful world of stupidity and violence and muddle. He was utterly utterly defiled.

В данном примере показана сцена встречи Майлза со своим больным умирающим отцом Бруно, с которым он не виделся много лет после их ссоры. Бруно ищет примирения с сыном и даже подумывает оставить ему свою ценную коллекцию марок. Майлз также хочет наладить отношения с отцом, он писал отцу письма, оставшиеся без ответа. Однако тяжелый характер Бруно и его претензии к сыну приводят к еще большему конфликту между ними. Последний параграф данного отрывка демонстрирует читателю мотив предопределенности происходящего: *It was like a doom, it was more terrible than he could have imagined. He was back in that awful world of stupidity and violence and muddle.* ('Это было как рок, это было еще более ужасно, чем он мог себе представить. Он опять вернулся в тот ужасный мир глупости, жестокости и путаницы'). В первом предложении мотив судьбы эксплицитно подчеркивается употреблением существительного *doom* 'рок/судьба'. Принимая во внимание более широкий контекст романа, второе предложение можно интерпретировать двояко. С одной стороны, это реакция Майлза на сложившуюся ситуацию, с другой – столкновение с чуждым внешним миром, которое часто было болезненным для Майлза и от которого он уходил, погружившись в собственную поэзию.

Danby's relationship with Gwen had seemed to him, even at the time, something that was not quite himself, but more like a visitation from outside. He had perfectly understood Miles's looks of incomprehension and amazement. Such a conjunction was so improbable. Gwen was not his type and he was not hers. Gwen had had a kind of authority over him which seemed more an attribute of her sheer alienness than the result of any rational effect of persuasion. Perhaps it had simply been the authority of a terrifying degree of love. And in retrospect Danby saw his marriage as a pure celebration of the god of love, something almost arbitrary and yet entirely necessary, invented and conducted at the whim of that deity without the help of any mundane basis in nature. Of course Danby, though he had never opened a textbook of psychology in his life, knew that the working of nature is very often hidden and that what had so powerfully brought him and Gwen together could well be, after all, something natural, but he did not want to know. He preferred to believe in the action of the god in his life, an action which he took to be entirely sui generis and unique.

В данном отрывке автор описывает взаимоотношения сестры Майлза Гвен и ее мужа Дэнби Одеяла. Гвен в тексте романа присутствует в воспоминаниях Дэнби и других персонажей, она погибает, спасая жизнь тонущего ребенка. Гвен была удивительной – доброй, талантливой, возвышенной, и Дэнби не может забыть ее. В данном случае интересными представляются следующие фразы: *like a visitation from outside* ('как испытание, посланное свыше'); *invented and conducted at the whim of that deity without the help of any mundane basis in nature* ('некто созданное по причудливому желанию божества без помощи земной основы'); *He preferred to believe in the action of the god in his life* ('он предпочитал верить в божественное вмешательство в свою жизнь'). Эти фразы создают атмосферу неземного божественного соединения судеб Гвен и Дэнби как неповторимого союза, по мнению последнего.

My dear Lisa,

I am sorry to have behaved so badly in Brompton Cemetery and perhaps startled you. I am not much good at writing letters but I must write this one. I want you to know it's serious. Not that I have any hope anyway, why should I have? But it's not a light thing. You may find this incomprehensible. I've only seen you a few times. But oh God Lisa, please believe it's serious, it's terrible. I do love you and I do want to see you and get to know you and I ask you please to consider this as a serious possibility. I will behave very well and do anything you want. Don't just blankly say there's no point. How do you know there's no point until you try? I know I'm nothing compared with you. but I love you terribly and one is not mistaken about something like this. I have only loved like this once before. It is quite different from ordinary trifling

affections and just wanting to get into bed with people. I feel a sense of destiny here. You must listen to me, Lisa. That you may think badly of me (for instance because of what you saw that first time) and think I am a frivolous person somehow doesn't matter. I am a frivolous person, but not about you, and if you attended to me at all you might be able to forgive me and you have already changed me. Don't regard all this as drunken babbling or something. It is the heart speaking and one knows when that is happening. Please recognize and I dare to say respect the fact that I love you, and see me again, Lisa. You have got to. There is no way round this. I will write again and suggest a meeting. Please think of me seriously. I love you, Lisa, and everything else is utterly blotted out.

Your slave Danby

Письмо Дэнби, написанное сестре Дианы Лизе, содержит уже приводившееся в первом примере словосочетание *a sense of destiny* в предложении *I feel a sense of destiny here* ('Здесь я ощущаю перст судьбы'). Дэнби влюбился в Лизу, так как она во многих отношениях напоминала ему Гвен. Следует отметить, что в данном отрывке используются также эмфатические конструкции с глаголом *do* – *I do love you and I do want to see you* ('Я очень люблю Вас и очень хочу Вас видеть') – для усиления эффекта признания Дэнби.

Also in some vague yet evident way Lisa did need looking after. Diana used to generalize about her sister. 'She has somehow missed the bus of life.' 'She is like someone who breaks his bones if he falls over.' 'She has lost the instinct for happiness.' 'She is a bird with a broken wing.' Lisa was graver, gaunter, darker than Diana and was usually taken to be the elder sister.

Her appalled and frightened imagination could not now inhabit the alternative. Once the dreadful fear of Miles's flight had become less it began to seem to her a far worse and a far more difficult thing to accept their sacrifice. It would have been better to be their victim. That at least would have justified and made endurable the extreme jealousy and resentment which she could not stop feeling, and which she fell undiminished and intensified as she now saw Miles frantic-eyed at Kemp's ford Gardens, pacing and shuddering inside the walls of the house like a creature in a cage. For her too the house, the garden, had become utterly changed, a prison, a desolation. He could not expect her to be grateful, even though he had in a sense behaved impeccably. That impeccable behaviour tormented her almost more than anything. The situation somehow demanded her gratitude in a way which humiliated her utterly. How had they spoken of her? She had tried not to watch them. They could have spent the days together outside the house while she, at home, sat waiting for their judgment upon her — 'You can't leave poor Diana.' 'Poor Diana would break her heart.' 'After all, she is your wife, Miles. She has nothing but you.' 'She is not strong, Lisa, and independent as you are.' How

strangely she and Lisa had now changed places. Now it was Diana who was the bird with the broken wing who would ever after be trailing her feathers in the dust.

В первом контексте описывается отношение Дианы к ее сестре Лизе как к человеку одинокому, несчастному, не приспособленному к жизни. Особый интерес для нашего анализа представляет фраза *She is a bird with a broken wing* ('Она птица со сломанным крылом'). Этот образ, как известно, используется для характеристики сломленного человека.

Во втором отрывке автор описывает состояние Дианы после того, как она узнала, что Майлз полюбил Лизу. Ее собственный дом становится для нее похожим на тюрьму, а безупречное поведение мужа, который остался с ней, мучает и унижает ее. Диана и Лиза теперь поменялись местами: *How strangely she and Lisa had now changed places*. Как мы видим, заключает данный отрывок та же фраза, что и в предыдущем контексте – *the bird with the broken wing*. Но теперь она встречается в усилительной конструкции *Now it was Diana who was the bird with the broken wing* ('Теперь именно Диана стала птицей со сломанным крылом'). Кроме того, оживляется номинативное значение слова *bird*, что подчеркивается употреблением таких тематически связанных с ним слов, как *to trail* ('тащить, волочить'), *feathers* ('перья'), *the dust* ('пыль') для характеристики ранимой женщины, которая и в будущем не сможет оправиться от потрясения.

Miles started writing poetry. He wrote easily. Huge chunks, great complicated pieces, arrived complete. Images fluttered about him, practically blinding him with their multiplicity. There is a grace of certainty about being in love. There is a grace of certainty in art, but it is very rare. Miles felt it now as he heard in poetry for the first time his own voice speaking and not that of another. And he knew that the moment had come at last when he could with humility call himself a poet. He had waited long enough and he had tried to wait faithfully. Yet it seemed to him now that he had simply not known how to wait, and that his attempts to prepare himself for the great service into which he was now entered had all been mistaken ones. He had strained and pulled and scratched fretfully at the surfaces of life, while the great other watched and smiled. What had availed him now, what had bundled him through the barrier into the real world, this Miles knew too, but now that his life's work had begun he averted his gaze. And more deeply and calmly he knew that when the frenzy left him—for it could not last for ever—he would be left with all the tools of his trade.

В данном примере речь идет о любимом занятии Майлза, о смысле его жизни – написании стихов. Из предыдущего контекста романа читатель узнает, что Майлзу не всегда удавалось поэтически отобразить то, к чему он стремился и что он страдал от этого. В приведенном выше

отрывке мотив судьбы присутствует имплицитно, показывая, что когда Майлз остался с Дианой, ему была дана свыше возможность стать настоящим поэтом и в этом его истинное предназначение: *He wrote easily* ('Он писал с легкостью'), *he heard in poetry for the first time his own voice speaking* ('впервые он слышал в поэзии свой собственный голос'), *the moment had come at last when he could with humility call himself a poet* ('наконец пришел момент, когда он скромно мог называть себя поэтом').

She tried to think about herself but there seemed to be nothing there. Things can't matter very much, she thought, because one isn't anything. Yet one loves people, this matters. Perhaps this great pain was just her profitless love for Bruno. One isn't anything, and yet one loves people. How could that be? Her resentment against Miles, against Lisa, against Danby had utterly gone away. They will flourish and you will watch them kindly as if you were watching children. Who had said that to her? Perhaps no one had said it except some spirit in her own thoughts. Relax. Let them walk on you. Love them. Let love like a huge vault open out overhead. The helplessness of human stuff in the grip of death was something which Diana felt now in her own body. She lived the reality of death and felt herself made nothing by it and denied of desire. Yet love still existed and it was the only thing that existed.

Заключает роман отрывок, в котором описываются чувства и мысли Дианы по отношению к близким людям перед лицом смерти другого человека – умирающего Бруно, к которому она часто приходила и к которому сильно привязалась. Судьба послала Диане серьезное испытание, и она выдержала его, простив всех окружавших, полюбив их как детей и тем самым очистив свою душу: *Yet love still existed and it was the only thing that existed* ('Существовала только любовь, и только она была реальностью').

Данные примеры во многом отражают философские воззрения автора, ее понимание судьбы как высшей силы, влияющей на жизненный путь, взгляды и поступки ее героев.

ЛИНГВОДИДАКТИКА

Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: Программа курса для слушателей Факультета повышения квалификации

© доктор филологических наук В. В. Красных, 2007

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Курс «Этнопсихолингвистика и лингвокультурология» адресован слушателям Факультета повышения квалификации, имеющим базовое филологическое образование.

Актуальность и своевременность данного курса обусловлены требованиями времени: современным состоянием гуманитарной науки, в частности – изменением научной парадигмы и кристаллизацией новой парадигмы исследований, и объективными условиями изменившегося мира в целом. Все это неотвратимо требует нового осмысления проблем, как уже давно известных, так и актуальных для нового времени.

Данный курс призван сформировать базовые представления о том, что является универсальным и культурно-специфическим в коммуникации, дать тот инструментарий, который поможет анализировать речевое и коммуникативное поведение участников общения, показать возможные зоны коммуникативных неудач. Курс может оказаться полезным для тех, кто планирует заниматься собственно научной деятельностью, исследовать национальные ментально-лингвальные комплексы и курсы как таковые и в сопоставлении, а также для тех, кто читает курсы и ведет занятия для будущих специалистов в сферах, связанных с межкультурным общением, рекламой, связями с общественностью (PR) и т. д.

Данный курс оснащен учебными материалами. Основное пособие: *Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. Лекционный курс.* М.: Гнозис, 2002.

После каждой темы указан список литературы, рекомендуемой для прочтения в связи с обсуждаемыми проблемами.

Курс рассчитан в среднем на 60 часов.

Тема 1. Этнопсихолингвистика (ЭПЛ) и лингвокультурология (ЛК). Объект и предмет ЭПЛ и ЛК. Актуальные проблемы ЭПЛ и ЛК. Место ЭПЛ и ЛК в ряду других наук. Лингво-когнитивный подход к коммуникации.

1. История и современный контекст ЭПЛ. Объект, предмет, цели ЭПЛ. Основные постулаты ЭПЛ.
2. История и современный контекст ЛК. Объект, предмет, цели ЛК. Основные постулаты ЛК.
3. Актуальные проблемы ЭПЛ и ЛК. Место ЭПЛ и ЛК в ряду других наук.
4. Лингво-когнитивный подход к коммуникации: основные понятия и теоретические положения, принципы, возможности. Природа коммуникации. Основной субъект коммуникации. Структура знаний и представлений человека говорящего. Когнитивные структуры. Структура коммуникативного акта. Дискурс. Типы пресуппозиции. Факторы, влияющие на коммуникацию. Условия адекватной коммуникации. Типы коммуникации в свете лингво-когнитивного подхода.

С п и с о к л и т е р а т у р ы

1. *Залевская А.А.* Введение в психолингвистику. М., 1999.
2. *Зимняя И.А.* Способ формирования и формулирования мысли как реальность языкового сознания // *Язык и сознание: парадоксальная рациональность.* М., 1993. С. 51-58.
3. *Коул М.* Культурно-историческая психология. Наука будущего. М., 1997.
4. *Красных В.В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003.
5. *Красных В.В.* Этнопсихолингвистика и лингвокультурология как конститuentы новой научной парадигмы // *Сфера языка и прагматика речевого общения.* Международ. сб. науч. трудов. К 65-летию фак-та РГФ Кубанского гос. университета. Книга 1. Краснодар, 2002. С. 204-14.
6. *Леонтьев А.А.* Основы психолингвистики. М., 1999.
7. *Маслова В.А.* Введение в лингвокультурологию. М., 1997.
8. *Московичи С.* Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М., 1998.
9. *Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.
10. *Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология. М., 2000.
11. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.
12. *Уорф Б.* Отношение норм мышления к языку // *Новое в лингвистике.* Вып. 1. М., 1960.
13. *Уфимцева Н.В.* Русские: опыт еще одного самопознания // *Этнокультурная специфика языкового сознания.* М., 1996. С. 139-162.
14. *Фразеология в контексте культуры.* М., 1999.
15. *Этнопсихолингвистические аспекты преподавания иностранных языков.* М., 1996.
16. *Язык и сознание: парадоксальная рациональность.* М., 1993. С. 16-21.
17. *D'Andrade R.* Cultural Sharing and Diversity // *The Content of Culture: Constants and Variants: Essays in Honor of John M. Roberts.* / R. Bolton (Ed.). New Haven, 1989.

18. *Schwartz T.* The Size and Shape of Culture // Scale and Social Organization. / F. Barth (Ed.) Oslo: Universitetsforlaget, 1978.
19. *Schwartz T.* The Structure of National Cultures // Understanding the USA. / P. Funke (Ed.). Tübingen, 1990.
20. *Wundt W.* Elements of Folk Psychology. London: Allen and Unwin, 1921.

Тема 2. Ментефакты: определение понятия, представление единиц, система.

1. Соотношение сознания и действительности. Ментально-лингвальный комплекс. Сознание – мышление – интеллект. Языковое сознание (А.А. Леонтьев, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, И.А. Зимняя, А.М. Шахнарович, и др.). Картина мира vs. языковая картина мира (М. Хайдеггер, Т.В. Цивьян, В.Г. Колшанский, В.И. Постовалова, А.А. Леонтьев, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева и др.).

2. Ментефакты как элементы содержания сознания.

3. Система ментефактов. Знания – концепты – представления. Система представлений: прецедентные феномены (ПФ), стереотипы, артефакты (вторичной реальности), духи (персонажи низшей мифологии – в терминологии фольклористов). Система ПФ: прецедентная ситуация (ПС), прецедентный текст (ПТ), прецедентное имя (ПИ), прецедентное высказывание (ПВ). Система стереотипов: стереотипы поведения и стереотипы-представления (стереотипная ситуация и стереотипный образ).

С п и с о к л и т е р а т у р ы

1. *Красных В. В.* Точки над *i* или многоточие?.. (к вопросу о новой научной парадигме) // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 16. М., 2001. С. 3-12.
2. *Красных В. В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003.
3. *Коул М.* Культурно-историческая психология. Наука будущего. М., 1997.
4. *Прохоров Ю.Е.* Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М., 1996.
5. *Тарасов Е.Ф.* Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996. С. 7-22.
6. *Хухуни Г.Т.* Художественный текст как объект межкультурной и межъязыковой адаптации // Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996. С. 206-214.

Тема 3. Прецедентные феномены (ПФ).

1. Определение понятия. ПФ как единицы дискурса. Типы ПФ.

2. Социумно-, национально- и универсально-прецедентные феномены. Универсально-прецедентные феномены. Соотношение социумно- и национально-прецедентных феноменов.

3. Прецедентная ситуация (ПС): определение, условия обретения статуса ПФ, функции. Инвариант восприятия (ИВПС). Актуализация ПС в дискурсе.

4. Прецедентный текст (ПТ): определение, условия обретения статуса ПФ, функции. Инвариант восприятия (ИВПТ). Актуализация ПТ в дискурсе.

5. Прецедентное имя (ПИ): определение, условия обретения статуса ПФ, структура, функции. Инвариант восприятия (ИВПИ). Функционирование ПИ.

6. Прецедентное высказывание (ПВ): определение, условия обретения статуса ПФ, структура, функции. Инвариант восприятия (ИВПВ) как система значений-смыслов. Функционирование ПВ.

7. Канон и эталон как культурная функция ПФ.

8. Соотношение прецедентных феноменов, когнитивных структур и когнитивной базы.

9. Система прецедентных феноменов: центр, периферия и зоны перехода Система прецедентных феноменов в контексте современных исследований.

С п и с о к л и т е р а т у р ы

1. *Гудков Д.Б.* Алгоритм восприятия текста и межкультурная коммуникация // *Язык, сознание, коммуникация*. Вып. 1. М., 1997. С. 114-127.
2. *Гудков Д.Б.* Структура и функционирование двусторонних имен (к вопросу о взаимодействии языка и культуры) // *Вестник МГУ. Серия 9. Филология*. 1994, № 6. С. 14-21.
3. *Гудков Д. Б., Красных В.В., Багаева Д.В., Захаренко И.В.* Прецедентные тексты и проблема восприятия русского текста в иноязычной аудитории // *Актуальные проблемы языкознания: Сб. работ молодых ученых филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова*. М., 1998. Вып. 2.
4. *Гудков Д.Б., Красных В.В., Захаренко И.В., Багаева Д.В.* Прецедентные тексты и проблема межнационального общения // *Этническое и языковое самосознание. Материалы конференции*. (Москва, 13-15 декабря 1995.) М., 1995.
5. *Данилова Е.В.* Психолингвистический анализ восприятия художественного текста в разных культурах // *XII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации*. Москва, 2-4 июня 1997 г. М., 1997. С. 52-53.
6. *Захаренко И.В.* К вопросу о каноне и эталоне в сфере прецедентных феноменов // *Язык, сознание, коммуникация*. Вып. 1. М., 1997. С. 104-113.
7. *Захаренко И.В.* Некоторые особенности фольклорных прецедентных высказываний // *Функциональные исследования*. Сб. статей по лингвистике. М., 1997. С. 57-66.
8. *Захаренко И.В.* Прецедентные высказывания и их функционирование в тексте // *Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации*. М., 1997. С. 92-99.
9. *Захаренко И.В., Красных В.В.* Лингво-когнитивные аспекты функционирования прецедентных высказываний // *Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации*. М., 1997. С. 100-115.
10. *Захаренко И.В., Красных В.В., Гудков Д.Б., Багаева Д.В.* Прецедентное высказывание и прецедентное имя как символы прецедентных феноменов // *Язык, сознание, коммуникация*. Вып. 1. М., 1997. С. 82-103.
11. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М., 1987.

12. *Конурбаев М.Э., Менджерцкая Е.О.* Функция воздействия в художественной литературе и публицистике // *Язык, сознание, коммуникация*. Вып. 4. М., 1998. С. 103-109.
13. *Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д.* Как тексты становятся прецедентными // *Русский язык за рубежом*. 1994, № 1.
14. *Красных В.В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003.
15. *Красных В.В., Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Багаева Д.В.* Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // *Вестник МГУ. Серия 9. Филология*. 1997, № 3. С. 62-75.
16. *Прохоров Ю.Е.* Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М., 1996.
17. *Ревзина О.Г.* Системно-функциональный подход в лингвистической поэтике и проблемы описания поэтического идиолекта. Дисс. ... в форме научного доклада ... докт. филол. наук. М., 1998.
18. *Сорокин Ю.А.* Что такое прецедентный текст? // *Семантика целого текста*. М., 1987. С. 144-145.
19. *Сорокин Ю.А., Михалева И.М.* Прецедентный текст как способ фиксации языкового сознания // *Язык и сознание: парадоксальная рациональность*. М., 1993. С. 98-117.
20. *Супрун А.Е.* Текстовые реминисценции как языковое явление // *Вопросы языкознания*. 1995, № 6. С. 17-29.
21. *Феномен прецедентности и прецедентные феномены* (Запись научной дискуссии, в которой принимали участие Сорокин Ю.А., Гудков Д.Б., Красных В.В., Вольская Н.П.) // *Язык, сознание, коммуникация*. Вып. 4. М., 1998. С. 5-33.
22. *Яценко И.И.* Психологический тезаурус рассказа А.П. Чехова «Дама с собачкой» (к вопросу о национально-этнических стереотипах восприятия) // *Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации*. М., 1997. С. 66-74.

Тема 4. Клише и штампы сознания. Типы ассоциаций.

1. Термины и понятия «клише» и «штамп» в научной литературе. Клише и штамп как лингвистический и психологический феномены (Т.М. Дридзе, Ю.А. Сорокин, Ю.Е. Прохоров).
2. Лингвистические и психологические клише и штампы: языковое клише и речевой штамп, клише сознания и штамп сознания.
3. Типы ассоциаций: семантико-когнитивная ассоциация vs. фонетико-звуковая (зрительно-звуковая, звуко-буквенная). Ассоциация-штамп.
4. Соотношение таких феноменов, как клише, штамп сознания и тип ассоциации, клише, штамп сознания и тип ПФ.

Список литературы

1. *Гудков Д.Б., Красных В.В., Захаренко И.В., Багаева Д.В.* Некоторые особенности функционирования прецедентных высказываний // *Вестник МГУ. Серия 9. Филология*. 1997, №4. С.106-118.
2. *Дридзе Т. М.* Язык информации и язык реципиента как факторы информированности // *Речевое воздействие*. М., 1972. С. 34-80.
3. *Красных В.В., Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Багаева Д.В.* Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // *Вестник МГУ. Серия 9. Филология*. 1997, № 3. С. 62-75.
4. *Красных В.В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003.

5. Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М., 1996.
6. Сорокин Ю.А. Стереотип, штамп, клише: к проблеме определения понятий // Общение: теоретические и прагматические проблемы. М., 1978. С. 133-138.

Тема 5. Фрейм-структуры сознания: определение понятия. Предсказуемые vs. свободные ассоциации.

1. Предсказуемая ассоциация: определение понятия. Предсказуемая vs. свободная ассоциативная связь. Соотношение таких феноменов, как прецедентные феномены, клише и штампы сознания, канон и эталон, типы ассоциаций (семантико-когнитивная и фонетико-звуковая), предсказуемые и непредсказуемые ассоциативные связи.

2. Термины и понятия «фрейм», «схема», «схема», «скрипт», «сценарий», «план», «когнитивная модель», «модель ситуации» и под. в современной научной литературе. Концепция Т. ван Дейка. Теория фреймов М. Минского.

3. Фрейм-структура: природа, содержание, структура. Фрейм-структуры и ментефакты.

4. Ассоциативное поле: ассоциаты, типы ассоциаций, фрейм-структуры (на материале АТРЯ-РАС).

Список литературы

1. Ассоциативный тезаурус русского языка. Русский ассоциативный словарь. (Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.В., Черкасова Г. А.) М., 1994, 1996, 1998. Книги 1-6.
2. Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.
3. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996.
4. Горохова С.И. Фрейм-подход к описанию процесса порождения речи // Речевое общение: цели, мотивы, средства. М., 1985. С. 89-102.
5. Залевская А.А. Проблематика признака как основания для взаимопонимания и для расхождений при этнических контактах // Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996. С. 163-175.
6. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003.
7. Кулаков Ф.М. Приложение к русскому изданию // Минский М. Фреймы для представления знаний. М., 1979. С. 122-144.
8. Макаров М.Л. Интерпретативный анализ дискурса в малой группе. Тверь, 1998.
9. Минский М. Фреймы для представления знаний. М., 1979.

Тема 6. Понятие стереотипа. Понятие стереотипа в контексте современных исследований. Функционирование стереотипов.

1. Термин и понятие «стереотип» в научной литературе.

2. Стереотип поведения (прескриптивная функция) vs. стереотип-представление (предиктивная функция). Соотношение данных видов стереотипов и клише и штампов сознания. Культурные функции указанных стереотипов (канон vs. эталон).

3. Стереотип-представление: природа и содержание. Стереотип-образ и стереотип-ситуация.
4. Стереотипы vs. прецедентные феномены: сходства, различия, зоны пересечения.
5. Понятие «концепт» в современных исследованиях. Национальный концепт. Концепт культуры: природа, содержание, функции. Стереотипы vs. концепты.
6. Функционирование стереотипов: национально-культурная специфика.

Список литературы

1. *Залевская А.А.* Информационный тезаурус человека как база речемыслительной деятельности // Исследование речевого мышления в психолингвистике. М., 1985. С. 150-171.
2. *Красных В.В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003.
3. *Красных В.В.* Концепт «Я» в свете лингвокультурологии // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 23. М., 2003. С. 4-14.
4. *Красных В.В.* Русское культурное пространство: концепт «сторона» // Русское слово в мировой культуре. Мат-лы X Конгресса МАПРЯЛ. Санкт-Петербург, 30 июня – 5 июля 2003 г. Пленарные заседания: сборник докладов. В 2-х тт. Т. 1. СПб., 2003. С. 256-264.
5. *Логический анализ языка.* Культурные концепты. М., 1991.
6. *Прохоров Ю.Е.* Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М., 1996.
7. *Рыжков В.А.* Регулятивная функция стереотипов // Знаковые проблемы письменной коммуникации. Межвуз. сб. науч. трудов. Куйбышев, 1985. С. 15-21.
8. *Рыжков В.А.* Особенности стереотипизации, необходимо сопровождающей социализацию индивида в рамках определенной национально-культурной общности // Языковое сознание: стереотипы и творчество. М., 1988. С. 4-16.
9. *Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997.
10. *Стернин И.А.* Коммуникативное поведение в структуре национальной культуры // Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996. С. 97-112.
11. *Стернин И.А.* Национальная специфика коммуникативного поведения // XII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Москва, 2-4 июня 1997 г. М., 1997. С. 147-148.
12. *Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии.* Тезисы конференции. М., 1995.
13. *Чернейко Л.О., Долинский В.А.* Имя СУДЬБА как объект концептуального и ассоциативного анализа // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 1996, № 6. С. 20-41.
14. *Чернейко Л.О.* Лингво-философский анализ абстрактного имени. М., 1997.
15. *Lippmann W.* Public Opinion. NY: Harcourt, Brace, 1922.
16. *Watson O.M.* Proxemic Behavior. A Cross-Cultural Study. The Hague-Paris, 1970.

Тема 7. Национальное культурное пространство.

1. Национальное культурное пространство: природа, содержание (составляющие), структура.

2. Соотношение национального культурного пространства и когнитивной базы, национального культурного пространства и когнитивных пространств. Внешний и внутренний масштаб национального культурного пространства.

Список литературы

1. *Гудков Д.Б., Красных В.В.* Русское культурное пространство и межкультурная коммуникация (Доклад на Ломоносовских чтениях, филологический факультет МГУ, 1996 г.) // Научные доклады филологического факультета МГУ. М., 1998. Вып. 2. С. 124-133.
2. *Красных В.В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003.
3. *Красных В.В.* Концепт «Я» в свете лингвокультурологии // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 23. М., 2003. С. 4-14.
4. *Красных В.В.* Русское культурное пространство: концепт «Я» // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста. Мат-лы Международного симпозиума, Волгоград, 22-24 мая 2003. Волгоград, 2003. С.196-201.
5. *Красных В.В.* Русское культурное пространство: концепт «сторона» // Русское слово в мировой культуре. Мат-лы X Конгресса МАПРЯЛ. Санкт-Петербург, 30 июня – 5 июля 2003 г. Пленарные заседания: сборник докладов. В 2-х тт. Т. 1. СПб., 2003. С. 256-264.

Тема 8. Национально-культурная специфика построения дискурса.

1. Различные стратегии порождения высказывания, обусловленные особенностями языка. Соотношение языковой структуры и ее конкретной реализации в контексте и ситуации. Различная степень дифференцированности пространственной локализации предметов, действий и отношений.

2. Различные стратегии построения текста и дискурса.
3. Просодические особенности национального дискурса.
4. Разный характер и мера связанности речевого действия с неречевым.
5. Проксемика и кинесика в свете национально-культурной специфики коммуникации.
6. Специфика экспрессивного поведения в различных ситуациях.
7. Высококонтекстные и низкоконтекстные (в терминах этнопсихологии) культуры.

Список литературы

1. *Леонтьев А.А.* Основы психолингвистики. М., 1999.
2. *Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология. М., 2000.
3. *Capell A.* A Survey of Guinea Languages. Sydney, 1969.
4. *Malinowski B.* The Problem of Meaning in Primitive Languages // C. K. Ogden & I. A. Richards. The Meaning of Meaning. London, 1960.
5. *Triandis H. C.* Culture and Social Behavior. NY, 1994.

Тема 9. Коды культуры. Метрически-эталонная сфера. Эталоны культуры.

1. Понятие «код культуры». Существующие коды культуры. Зоны перехода и пересечения.
2. Архетипические оппозиции. Базовая оппозиция «свой – чужой».
3. Структурация мира, моделирование мира-хаоса. Представления о «Я» человека, об окультуренном человеком пространстве, временном континууме и т. д.
4. Метрически-эталонная сфера. Эталоны культуры.
5. Культурная коннотация. Культурно-языковая компетенция.

С п и с о к л и т е р а т у р ы

1. *Иванов Вяч.Вс.* Взаимоотношение динамического исследования эволюции языка, текста и культуры (К постановке проблемы) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. Т. 41. 1982, № 5. С. 406-419.
2. *Иванов Вяч.Вс.* Чет и нечет. Асимметрия мозга и знаковых систем. М., 1978.
3. *Колесов В.В.* Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. СПб., 2000.
4. *Колесов В.В.* Древняя Русь: наследие в слове. Добро и зло. СПб., 2001.
5. *Красных В.В.* Концепт «Я» в свете лингвокультурологии // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 23. М., 2003. С. 4-14.
6. *Красных В.В.* Русское культурное пространство: концепт «сторона» // Русское слово в мировой культуре. Мат-лы X Конгресса МАПРЯЛ. Санкт-Петербург, 30 июня – 5 июля 2003 г. Пленарные заседания: сборник докладов. В 2-х тт. Т. 1. СПб., 2003. С. 256-264.
7. *Красных В.В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003.
8. *Левкиевская Е.* Мифы русского народа. М., 2000.
9. *Панченко А.М.* О русской истории и культуре. СПб., 2000.
10. *Пропи В.Я.* Морфология сказки. М., 1969.
11. *Славянские древности.* Этнолингвистический словарь. / Под. ред. Н. И. Толстого. В 5-ти тт. Т. 1, 2. М., 1995, 1999.
12. *Телия В.Н.* Роль образных средств языка в культурно-национальной окраске миропонимания // Этнопсихолингвистические аспекты преподавания иностранных языков. М., 1996. С. 82-89.
13. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.
14. *Телия В.Н.* Архетипические представления как источник метафорических процессов, лежащих в основе образа мира // XII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Москва, 2-4 июня 1997 г. М., 1997. С. 150-151.
15. *Толково-культурологический словарь фразеологизмов современного русского языка.* Значение. Употребление. Культурологический комментарий. / Отв. ред. В.Н. Телия. (В печати.)
16. *Топоров В.Н.* Предистория литературы у славян. Опыт реконструкции. М., 1998.

Тема 10. Культурный шок.

1. Культурный шок: определение понятия.

2. Условия, причины, симптомы и последствия культурного шока. Условия и способы его смягчения и преодоления.
3. Динамика культурного шока (адаптация и реадaptация).
4. Адаптация, аккультурация, инкультурация.

С п и с о к л и т е р а т у р ы

1. *Красных В.В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003.
2. *Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология. М., 2000.
3. *Berry J.W., Poortinga Y.H., Segall M., Dasen P.R.* Cross-cultural Psychology: Research and Applications. NY: Cambr. Univ. Press, 1992.
4. *Triandis H.C.* Culture and Social Behavior. NY, 1994.

**Язык и культура:
Программа курса для специальности
«Теория и практика перевода»**

© доктор филологических наук Ю. В. Красных, 2007

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Курс «Язык и культура» предназначен для студентов V курса, получающих специальность «Теория и практика перевода».

Актуальность и своевременность данного курса обусловлены требованиями времени: современным состоянием гуманитарной науки, в частности – изменением научной парадигмы и кристаллизацией новой парадигмы исследований, а также объективными условиями изменившегося мира в целом. Все это неотвратимо требует нового осмысления проблем, как уже давно известных, так и актуальных для нового времени. Таким образом, данный курс продолжает традиции отечественных и зарубежных исследователей – представителей различных научных дисциплин, и вместе с тем знакомит с новыми подходами и теориями, со взглядами современных ученых, представляющих авангард современной научной мысли.

Данный курс призван, во-первых, сформировать базовые представления о понятийно-терминологическом аппарате современных интеграционных исследований, объектом изучения которых является «синтез-оппозиция» «язык – культура» (в первую очередь – лингвокультурологии и этнопсихолингвистики); во-вторых, дать тот инструментарий, который поможет анализировать и интерпретировать речевое и – шире – коммуникативное поведение участников общения (с учетом требований интерпретативного перевода); в-третьих, показать возможные зоны коммуникативных неудач, что поможет в дальнейшем прогнозировать и по возможности избегать их.

Предметом данного курса является национально-культурная специфика языкового сознания, речевой деятельности и коммуникации, предопределяющая специфику национально-культурной составляющей дискурса.

После каждой темы указан список литературы, рекомендуемой для прочтения в связи с обсуждаемыми проблемами.

Курс рассчитан на один семестр и может быть представлен в двух вариантах (в зависимости от подробности изложения материала): со-

крашенная версия – 12-16 часов и расширенная версия – от 36 до 60 часов. В конце курса студенты сдают зачет.

Тема 1.

История вопроса. Теории и труды представителей лингвистики, фольклористики, этнолингвистики, антропологии, культурантропологии, культурологии, культурно-исторической психологии, этнопсихологии (А.А. Потебня, В.Я. Пропп, Н.И. Толстой, С.М. Толстая, А.В. Гура, А. Вежбицкая, Б. Барминский, Ф. Боас, Э. Сепир, Б. Уорф, Л. Леви-Брюль, К. Леви-Стросс, М. Мид, М. Элиаде, Б. Малиновский, В. Вундт, С. Скрибнер, М. Коул, Т.Г. Стефаненко и др.).

Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология как составляющие современной научной парадигмы. Этнопсихоллингвистика: история и современный контекст. Объект, предмет, цели и основные постулаты этнопсихоллингвистики. Лингвистика и культурология vs. лингвокультурология. Лингвокультурология: история и современный контекст. Объект, предмет, цели и основные постулаты лингвокультурологии. Изоморфизм языка и культуры как методологическая основа лингвокультурологии.

Список литературы

- Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М., 1996: Концептуальные основы психологии культуры.
- Коул М.* Культурно-историческая психология. Наука будущего. М., 1997: Глава 1. Неразрешимые вопросы и споры; Глава 4. От кросс-культурной психологии ко «второй» психологии.
- Красных В.В.* Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология как конститuentы новой научной парадигмы // Сфера языка и прагматика речевого общения. Международный сб. науч. трудов. К 65-летию фак-та РГФ Кубанского гос. университета. Книга 1. Краснодар, 2002. С. 204-14.
- Потебня А.А.* Мысль и язык // Слово и миф. М., 1989.
- Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993: Язык. Введение в изучение речи; X. Язык, раса и культура; Антропология и социология.
- Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология. М., 2000: Часть первая, Глава II. Этнопсихология как междисциплинарная область знаний; Часть вторая. История возникновения и становления этнопсихологии (Главы I-IV).
- Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996: Часть III. Культурно-национальная специфика единиц фразеологического состава языка.

Тема 2.

Ментально-лингвальный комплекс. Языковое сознание (А.А. Леонтьев, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, А.М. Шахнарович, И.А. Зимняя и др.). Картина мира vs языковая картина мира (М. Хайдеггер, Т.В. Ци-

вян, В.Г. Колшанский, В.И. Постовалова, А.А. Леонтьев, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева и др.). Сознание – мышление – интеллект vs. культура.

Соотношение языка и культуры. Теория (гипотеза) лингвистической относительности Сепира – Уорфа.

С п и с о к л и т е р а т у р ы

- Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М., 1996: Семантические универсалии и «примитивное мышление».
- Колшанский Г.В.* Объективная картина мира в познании и языке. М., 1990.
- Красных В.В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003: Глава 1. Языковое сознание (общие положения).
- Морковкин В.В., Морковкина А.В.* Язык, мышление и сознание et vice versa // Русский язык за рубежом. 1994, № 1.
- Постовалова В.И.* Существует ли языковая картина мира? // Язык как коммуникативная деятельность человека. Сб. науч. трудов МПНИИЯ. Вып. 284. М., 1987. С. 65-72.
- Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993. Язык. Введение в изучение речи. X. Язык, раса и культура, с. 185-194. * XI. Язык и литература, с. 195-203. Язык и среда, с. 270-284. Культура подлинная и мнимая, с. 465-493.
- Уорф Б.* Отношение норм мышления к языку // Новое в лингвистике. Вып. 1. М., 1960.
- Хайдеггер М.* Время картины мира // Новая технократическая волна на западе. М., 1986.
- Язык и сознание: парадоксальная рациональность.* М., 1993.

Тема 3.

Язык как средство трансляции культуры. Трансляция культуры как содержание процесса социализации.

Основной субъект коммуникации – человек говорящий как совокупность личностей: языковой, речевой и коммуникативной. Человек говорящий как субъект языка и субъект культуры.

Структура знаний и представлений человека говорящего. Индивидуальное когнитивное пространство (ИКП). Коллективное когнитивное пространство (ККП). Когнитивная база (КБ). Содержание; сходства и различия.

Национальное культурное пространство: природа, содержание (составляющие), структура.

С п и с о к л и т е р а т у р ы

- Караулов Ю.Н.* Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность. М., 1989. С. 3-8.
- Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М., 1987.
- Красных В.В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003: Глава 2. Человек говорящий.
- Тарасов Е.Ф.* Язык как средство трансляции культуры // Фразеология в контексте культуры. М., 1999. С. 34-37.
- Язык и сознание: парадоксальная рациональность.* М., 1993.

Тема 4.

Национально-культурная специфика дискурса. Этнопсихолингвистическая детерминированность сознания, речевой деятельности, коммуникации. Высококонтекстные и низкоконтекстные (в терминах этнопсихологии) культуры. Различные стратегии порождения высказывания, построения текста и дискурса. Соотношение языковой структуры и ее конкретной реализации в контексте и ситуации. Различная степень дифференцированности пространственной локализации предметов, действий и отношений. Просодические особенности национального дискурса. Разный характер и мера связанности речевого действия с неречевым. Проксемика и кинесика в свете национально-культурной специфики коммуникации.

Список литературы

- Красных В.В.* Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. Лекционный курс. М., 2002: Лекция 12. Национально-культурная специфика построения дискурса.
Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М., 1999.
Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М., 2000: Глава III. Универсальные и культурно-специфические аспекты общения.
Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996.

Тема 5.

Национальная составляющая дискурса. Ментефакты как элементы содержания сознания. Система ментефактов. Знания – концепты – представления. Система представлений: прецедентные феномены (ПФ), стереотипы, артефакты (вторичной реальности), духи (персонажи низшей мифологии – в терминологии фольклористики).

Система ПФ: прецедентная ситуация (ПС), прецедентный текст (ПТ), прецедентное имя (ПИ), прецедентное высказывание (ПВ). Система стереотипов: стереотипы поведения и стереотипы-представления (стереотипная ситуация и стереотипный образ).

Стереотип поведения (прескриптивная функция) vs. стереотип-представление (предиктивная функция). Соотношение данных видов стереотипов и клише и штампов сознания. Культурные функции указанных стереотипов (канон vs. эталон). Стереотипы vs. прецедентные феномены: сходства, различия, зоны пересечения. Функционирование стереотипов: национально-культурная специфика.

Понятие «концепт» в современных исследованиях. Национальный концепт. Концепт культуры: природа, содержание, функции. Стереотипы vs. концепты.

Список литературы

- Воркачев С.Г.* Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа. Краснодар, 2002. Глава 1. Концепт как лингвокультурологическая категория.
- Красных В.В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003: Глава 6. Ментефакты культурного пространства (определение понятия, система, бытование); Глава 7. Прецедентные феномены; Глава 8. Стереотипы (определение понятия, классификация, функционирование); Глава 9. Концепты (как ментефакты культурного пространства).
- Чернейко Л.О.* Лингво-философский анализ абстрактного имени. М., 1997. Часть I. Феноменология абстрактного имени.

Тема 6.

Термины и понятия «клише» и «штамп» в научной литературе. Клише и штамп как лингвистический и психологический феномены (Т.М. Дридзе, Ю.А. Сорокин, Ю.Е. Прохоров). Лингвистические и психологические клише и штампы: языковое клише и речевой штамп, клише сознания и штамп сознания. Типы ассоциаций: семантико-когнитивная ассоциация vs. фонетико-звуковая (зрительно-звуковая, звуко-буквенная). Ассоциация-штамп. Соотношение таких феноменов, как клише, штамп сознания и тип ассоциации, клише, штамп сознания и тип ПФ.

Предсказуемая ассоциация: определение понятия. Предсказуемая vs. свободная ассоциативная связь. Соотношение таких феноменов, как прецедентные феномены, клише и штампы сознания, канон и эталон, типы ассоциаций (семантико-когнитивная и фонетико-звуковая), предсказуемые и непредсказуемые ассоциативные связи. Термины и понятия «фрейм», «схемата», «схема», «скрипт», «сценарий», «план», «когнитивная модель», «модель ситуации» и под. в современной научной литературе. Концепция Т. ван Дейка. Теория фреймов М. Минского. Фрейм-структура: природа, содержание, структура. Фрейм-структуры и ментефакты. Ассоциативное поле: ассоциаты, типы ассоциаций, фрейм-структуры (на материале АТРЯ-РАС).

Список литературы

- Ассоциативный тезаурус русского языка.* Русский ассоциативный словарь. (Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А.) М., 1994, 1996, 1998. Книги 1-6.
- Ван Дейк Т.А.* Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.
- Дридзе Т.М.* Язык информации и язык реципиента как факторы информированности // Речевое воздействие. М., 1972. С. 34-80.
- Красных В.В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003: Глава 10. Фрейм-структуры сознания.
- Минский М.* Фреймы для представления знаний. М., 1979.

Сорокин Ю.А. Стереотип, штамп, клише: к проблеме определения понятий // Общение: теоретические и прагматические проблемы. М., 1978. С. 133-138.

Тема 7.

Коды культуры: определение понятия. Существующие коды культуры. Зоны перехода и пересечения. Архетипические оппозиции. Базовая оппозиция «свой – чужой». Структурация мира, моделирование мира-хаоса. Зафиксированные в языке и отраженные в дискурсе представления о «Я» человека, об окультуренном человеке пространстве, временном континууме и т. д. (на материале русского языка). Метрически-эталонная сфера. Эталоны культуры. Образная мотивация и образная составляющая метафоры. Культурная коннотация. Культурно-языковая компетенция. Культуральный горизонт и ментальная стилистика.

С п и с о к л и т е р а т у р ы

- Красных В.В.* Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. Лекционный курс. М., 2003: Лекция 13. Коды культуры и метрически-эталонная сфера.
Телия В.Н. Роль образных средств языка в культурно-национальной окраске миропонимания // Этнопсихоллингвистические аспекты преподавания иностранных языков. М., 1996. С. 82-89.
Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996. Часть III. Культурно-национальная специфика единиц фразеологического состава языка.

СПИСОК ДОПОЛНИТЕЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ТЕМАМ

Тема 1.

- Залевская А.А.* Введение в психоллингвистику. М., 1999.
Коул М., Скрибнер С. Культура и мышление. Психологический очерк. М., 1977.
Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. Лекционный курс. М., 2002.
Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1994.
Леви-Строс К. Первобытное мышление. М., 1994.
Леви-Строс К. Структурная антропология. М., 1985.
Леонтьев А.А. Языковое сознание и образ мира // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М., 1993. С. 16-21.
Леонтьев А.А. Основы психоллингвистики. М., 1999.
Маслова В.А. Введение в лингвокультурологию. М., 1997.
Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М., 1998.
Рождественский Ю.В. Введение в культуроведение. М., 1996.
Сорокин Ю.А. Этническая конфликтология. Самара, 1994.
Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М., 1985.
Тарасов Е.Ф. Введение // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М., 1993. С. 6-15.

- Телия В.Н.* Роль образных средств языка в культурно-национальной окраске миропонимания // Этнопсихолингвистические аспекты преподавания иностранных языков. М., 1996. С. 82-89.
- Уорф Б.* Отношение норм мышления к языку // Новое в лингвистике. Вып. 1. М., 1960.
- Уфимцева Н.В.* Русские: опыт еще одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996. С. 139-162.
- Этнопсихолингвистика.* М., 1988.
- Язык. Культура. Этнос.* М., 1994.
- Berry J.W., Poortinga Y.H., Segall M., Dasen P.R.* Cross-cultural Psychology: Research and Applications. NY: Cambr. Univ. Press, 1992.
- Bonvillain N.* Language, Culture and Communication: The Meaning of Messages. Englewood Cliffs, 1993.
- D'Andrade R.* Cultural Sharing and Diversity // The Content of Culture: Constants and Variants: Essays in Honor of John M. Roberts. / R. Bolton (Ed.). New Haven, 1989.
- Hirsh E.D. (Jr.)* The Theory Behind the Dictionary of Cultural Literacy // The Dictionary of Cultural Literacy. Boston, 1988.
- Schwartz T.* The Size and Shape of Culture // Scale and Social Organization. / F. Barth (Ed.) Oslo: Universitetsforlaget, 1978.
- Schwartz T.* The Structure of National Cultures // Understanding the USA. / P. Funke (Ed.). Tübingen, 1990.
- Shweder R. A.* Cultural Psychology: What is it? // Cultural Psychology: Essays on Comparative Human Development. / J. W. Stigler, R. A. Shweder and G. Herdt (Eds.). NY: Cambr. Univ. Press, 1990.
- Triandis H.C.* Culture and Social Behavior. NY, 1994.
- Wierzbicka A.* Cross-Cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction. Berlin, NY, 1991.
- Wundt W.* Elements of Folk Psychology. London: Allen and Unwin, 1921.

Тема 2.

- Брудный А.А.* Семантика языка и психология человека (о соотношении языка, сознания и действительности). Фрунзе, 1972.
- Коул М.* Культурно-историческая психология. Наука будущего. М., 1997.
- Красных В.В.* Основы психолингвистики и теории коммуникации. Лекционный курс. М., 2001.
- Леонтьев А.А.* Язык, речь, речевая деятельность. М., 1969.
- Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики. Изд. 3-е. М., 1972.
- Леонтьев А.Н.* Философия психологии. М., 1994.
- Потебня А.А.* Мысль и язык // Слово и миф. М., 1989.
- Рикер П.* Конфликт интерпретаций (Очерки о герменевтике). М., 1995.
- Розенцток-Хюсси О.* Речь и действительность. М., 1994.
- Цивьян Т.В.* Лингвистические основы балканской модели мира. М., 1990.
- Цивьян Т.В.* Модель мира и ее лингвистические основы. М., 2005.
- Чернейко Л.О.* Лингво-философский анализ абстрактного имени. М., 1997.
- Шахнарович А.М., Юрьева Н.М.* Психолингвистический анализ семантики и грамматики. М., 1990.
- Этнокультурная специфика языкового сознания.* М., 1996.
- Яковлева Е.С.* Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М., 1994.

Тема 3.

- Гудков Д.Б., Красных В.В.* Русское культурное пространство и межкультурная коммуникация (Доклад на Ломоносовских чтениях, филологический факультет МГУ,

- 1996 г.) // Научные доклады филологического факультета МГУ. М., 1998. Вып. 2. С. 124-133.
- Красных В.В.* Основы психолингвистики и теории коммуникации. Лекционный курс. М., 2001.
- Красных В.В.* Русское культурное пространство: концепт «сторона» // Русское слово в мировой культуре. Мат-лы X Конгресса МАПРЯЛ. Санкт-Петербург, 30 июня – 5 июля 2003 г. Пленарные заседания: сборник докладов. В 2-х тт. Т. 1. СПб., 2003. С. 256-264.
- Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.
- Леонтьев А.Н.* Человек и культура. М., 1961.
- Леонтьев А.Н.* Философия психологии. М., 1994.
- Сорокин Ю.А.* Переводоведение: статус переводчика и психогерменевтические процедуры. М., 2003.
- Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.В.* Язык, сознание, культура // Методы и организация обучения иностранному языку в языковом вузе. Сб. науч. трудов. Вып. 370. М., 1991. С. 20-29.

Тема 4.

- Красных В.В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003.
- Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика. М., 2002: Жесты в разных культурах. С. 131-151.
- Capell A.* A Survey of Guinea Languages. Sydney, 1969.
- Malinowski B.* The Problem of Meaning in Primitive Languages // С. К. Ogden & I. A. Richards. The Meaning of Meaning. London, 1960.
- Triandis H.C.* Culture and Social Behavior. NY, 1994.
- Wierzbicka A.* Cross-Cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction. Berlin, NY, 1991.
- Wierzbicka A.* Semantics, Culture, and Cognition: Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations. NY, 1992.

Тема 5.

- Арутюнова Н.Д.* Введение // Логический анализ языка. Ментальные действия. М., 1993, с. 3-7.
- Арутюнова Н.Д.* От редактора // Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке. М., 1995, с. 3-6.
- Арутюнова Н.Д.* Истина и этика // Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке. М., 1995, с. 7-23.
- Гудков Д.Б.* Алгоритм восприятия текста и межкультурная коммуникация // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 1. М., 1997. С. 114-127.
- Гудков Д.Б.* Структура и функционирование двусторонних имен (к вопросу о взаимодействии языка и культуры) // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 1994, № 6. С. 14-21.
- Гудков Д.Б., Красных В.В., Багаева Д.В., Захаренко И.В.* Прецедентные тексты и проблема восприятия русского текста в иноязычной аудитории // Актуальные проблемы языкознания. Сб. работ молодых ученых филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 1998. Вып. 2.
- Данилова Е.В.* Психолингвистический анализ восприятия художественного текста в разных культурах // XII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Москва, 2-4 июня 1997 г. М., 1997. С. 52-53.
- Залевская А.А.* Информационный тезаурус человека как база речемыслительной деятельности // Исследование речевого мышления в психолингвистике. М., 1985. С. 150-171.

- Захаренко И.В.* К вопросу о каноне и эталоне в сфере прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 1. М., 1997. С. 104-113.
- Захаренко И.В.* Прецедентные высказывания и их функционирование в тексте // Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации. М., 1997. С. 92-99.
- Захаренко И.В., Красных В.В.* Лингво-когнитивные аспекты функционирования прецедентных высказываний // Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации. М., 1997. С. 100-115.
- Захаренко И.В., Красных В.В., Гудков Д.Б., Багаева Д.В.* Прецедентное высказывание и прецедентное имя как символы прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 1. М., 1997. С. 82-103.
- Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М., 1987.
- Коңурбаев М.Э., Менджеричкая Е.О.* Функция воздействия в художественной литературе и публицистике // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 4. М., 1998. С. 103-109.
- Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д.* Как тексты становятся прецедентными // Русский язык за рубежом. 1994, № 1.
- Коул М.* Культурно-историческая психология. Наука будущего. М., 1997.
- Красных В.В.* Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. Лекционный курс. М., 2002.
- Красных В.В., Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Багаева Д.В.* Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 1997, № 3. С. 62-75.
- Логический анализ языка.* Культурные концепты. М., 1991.
- Прохоров Ю.Е.* Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М., 1996.
- Резвина О.Г.* Системно-функциональный подход в лингвистической поэтике и проблемы описания поэтического идиолекта. Дисс. ... в форме научного доклада ... докт. филол. наук. М., 1998.
- Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии.* Тезисы конференции. М., 1995.
- Ружицкий И.В.* О понимании // Интерпретация художественного текста в иноязычной аудитории. Тверь, 1996.
- Рыжков В.А.* Регулятивная функция стереотипов // Знаковые проблемы письменной коммуникации. Межвуз. сб. науч. трудов. Куйбышев, 1985. С. 15-21.
- Сорокин Ю.А.* Что такое прецедентный текст? // Семантика целого текста. М., 1987. С. 144-145.
- Сорокин Ю.А., Михалева И.М.* Прецедентный текст как способ фиксации языкового сознания // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М., 1993. С. 98-117.
- Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997.
- Стернин И.А.* Коммуникативное поведение в структуре национальной культуры // Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996. С. 97-112.
- Супрун А.Е.* Текстовые реминисценции как языковое явление // Вопросы языкознания. 1995, № 6. С. 17-29.
- Тарасов Е.Ф.* Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996. С. 7-22.
- Хухуни Г.Т.* Художественный текст как объект межкультурной и межязыковой адаптации // Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996. С. 206-214.
- Чернейко Л.О.* Лингво-философский анализ абстрактного имени. М., 1997. Часть II. Абстрактное имя в системе языка.
- Чернейко Л.О., Долинский В.А.* Имя СУДЬБА как объект концептуального и ассоциативного анализа // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 1996, № 6. С. 20-41.
- Яценко И.И.* Психологический тезаурус рассказа А. П. Чехова «Дама с собачкой» (к вопросу о национально-этнических стереотипах восприятия) // Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации. М., 1997. С. 66-74.

Lippmann W. Public Opinion. NY: Harcourt, Brace, 1922.
Watson O.M. Proxemic Behavior. A Cross-Cultural Study. The Hague-Paris, 1970.

Тема 6.

- Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М., 1996.
Горохова С.И. Фрейм-подход к описанию процесса порождения речи // Речевое общение: цели, мотивы, средства. М., 1985. С. 89-102.
Гудков Д.Б., Красных В.В., Захаренко И.В., Багаева Д.В. Некоторые особенности функционирования прецедентных высказываний // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 1997, №4. С.106-118.
Залевская А.А. Проблематика признака как основания для взаимопонимания и для расхождений при этнических контактах // Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996. С. 163-175.
Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. Лекционный курс. М., 2002.
Красных В.В., Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Багаева Д.В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 1997, № 3. С. 62-75.
Кулаков Ф.М. Приложение к русскому изданию // Минский М. Фреймы для представления знаний. М., 1979. С. 122-144.
Макаров М.Л. Интерпретативный анализ дискурса в малой группе. Тверь, 1998.
Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М., 1996.

Тема 7.

- Апресян Ю. Д.* Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995, № 1. С. 37-67.
Иванов Вяч.Вс. Взаимоотношение динамического исследования эволюции языка, текста и культуры (К постановке проблемы) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. Т. 41. 1982, № 5. С. 406-419.
Красных В.В. Концепт «Я» в свете лингвокультурологии // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 23. М., 2003. С. 4-14.
Красных В.В. Русское культурное пространство: концепт «сторона» // Русское слово в мировой культуре. Мат-лы X Конгресса МАПРЯЛ. Санкт-Петербург, 30 июня – 5 июля 2003 г. Пленарные заседания: сборник докладов. В 2-х тт. Т. 1. СПб., 2003. С. 256-264.
Культурные слои во фразеологизмах и их дискурсивных практиках. / Под ред. В.Н. Телия. М., 2003.
Панченко А.М. О русской истории и культуре. СПб., 2000.
Пропи В.Я. Морфология сказки. М., 1969.
Славянские древности. Этнолингвистический словарь. / Под. ред. Н.И. Толстого. В 5-ти тт. Т. 1, 2. М., 1995, 1999.
Сорокин Ю.А. Переводоведение: статус переводчика и психогерменевтические процедуры. М., 2003.
Телия В.Н. Архетипические представления как источник метафорических процессов, лежащих в основе образа мира // XII Международный симпозиум по психоллингвистике и теории коммуникации. Москва, 2-4 июня 1997 г. М., 1997. С. 150-151.
Толково-культурологический словарь фразеологизмов современного русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий. / Отв. ред. В.Н. Телия. (В печати.)
Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. М., 1995.
Топоров В.Н. Предистория литературы у славян. Опыт реконструкции. М., 1998.
Фразеология в контексте культуры. / Под ред. В.Н. Телия. М., 1999.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Фундаментальное исследование чешского императива¹

© доктор филологических наук В. Ф. Васильева, 2007

Осенью 2005 года издательство Л. Марека в г. Брно (Чешская республика) выпустило в свет монографию доцента кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ А. И. Изотова «Функционально-семантическая категория императивности в современном чешском языке в сопоставлении с русским» (274 с). Уже сам факт публикации исследования российского ученого зарубежным издательством свидетельствует об интересе иностранных коллег к труду А. И. Изотова. И это имеет свое обоснование. Дело в том, что категория императивности является одной из составляющих многоаспектного спектра модальности и тем самым не может не привлекать к себе внимания специалистов, занимающихся изучением широкого круга проблем речевой деятельности. Интерес, проявленный к работе А. И. Изотова в Чехии, вызван и тем немаловажным фактом, что она является фактически первым многоаспектным, если не сказать энциклопедическим исследованием чешского императива как в структурном, так и в функционально-семантическом ракурсе. Несомненную значимость имеет сопоставительный чешско-русский аспект исследования категории императивности. Нельзя не сказать о том, что именно в труде А. И. Изотова этот аспект представлен во всей своей широте и полноте.

По справедливому замечанию автора рецензируемой монографии, проблемы императива и императивности в последние годы постоянно находятся в центре внимания исследователей, о чем свидетельствуют многочисленные публикации прежде всего российских ученых. Однако в богемистике, в отличие от русистики, на сегодняшний день практически отсутствуют фундаментальные исследования по проблемам императивности, так что монография А. И. Изотова восполняет существующий пробел. В этом несомненная значимость и актуальность рецензируемой работы. Кроме того, несмотря на наличие целого ряда крупных работ, посвященных русскому императиву, некоторые теоретические вопросы по-прежнему остаются нерешенными. К их числу, по мнению автора, относится тот факт, что предлагаемая отечественными исследователями

¹ *Изотов А. И.* Функционально-семантическая категория императивности в современном чешском языке в сопоставлении с русским. – Брно: L. Marek, 2005. – 274 с.

смысловая структура побудительного высказывания «не описывает некоторых социально значимых подтипов побуждения (например, *разрешения, предложения, приглашения*)», (с. 11). Недостаточно охарактеризован, как полагает А. И. Изотов, и «лингвистический механизм транспозиции наклонений на уровне функционально-семантических категорий», (с. 11). Далеко не безупречны и предлагаемые на сегодня классификации побудительных интерпретаций. Уже само наличие их множества свидетельствует, по справедливому утверждению автора рецензируемой монографии, о необходимости дальнейшей разработки проблематики. Несомненным достоинством монографического исследования А. И. Изотова является обращение к доселе нерешенным и дискуссионным вопросам императивности. Автор критически анализирует существующие семантические классификации видов побуждения и вполне аргументированно предлагает свой подход к сопоставительному анализу императивности в чешско-русском плане. Исследование базируется на «принципиальной соотносительности основных социально значимых семантических интерпретаций побудительных высказываний в современных чешском и русском языках», (с. 33). Избранный подход позволил автору дать исчерпывающее представление о структуре функционально-семантической категории императивности в современном чешском языке в сопоставлении с русским. Её описанию посвящена первая глава монографии, (с. 14-89).

Несомненный интерес представляет выявление функционально-семантических сходств и различий как базовых, так и периферийных подкатегорий императивности в сопоставительном плане.

Основным средством выражения побуждения в обоих языках являются конструкции с формами синтетического императива 2 лица ед. и мн. числа. Генетическое родство этих конструкций сохраняет свою функционально-семантическую конвергентность и на современном этапе развития чешского и русского языков. Периферийные конструкции функционально-семантической категории императивности, в отличие от ядерных, характеризуются проявлением структурной асимметрии. Ее анализ в различных типах побуждения является одной из центральных проблем исследования, нашедшей отражение в двух последующих главах (с. 90-224).

Исчерпывающим представляется проведенное А. И. Изотовым исследование семантического потенциала категории императивности. С присущей автору скрупулезностью, строгим отношением к языковому материалу в работе выявляется вся гамма иерархических отношений между говорящим и адресатом, дается детальное описание коммуникативных ситуаций, обуславливающих реализацию того или иного значения императивности. Надежность выводов исследования опирается на

всеохватывающий материал, представленный различными жанрами, широкой стилистической палитрой. Количественный анализ текстов дал возможность выявить семантические доминанты чешского и русского императива и подтвердить существующее мнение о том, что инвариантное значение императива в русском и чешском языках не перекрываются.

Всё вышесказанное позволяет заключить, что монографическое исследование российского ученого, нашедшего признание за рубежом, найдет интерес и у широкого круга отечественных читателей.

Письма Ольги Лазаревны Фишман (к истории ориентального переводоведения)

© доктор филологических наук Ю. А. Сорокин, 2007

Их немного – четыре небольших письма.

Написал первым я по адресу, полученному, кажется, от Бориса Борисовича Вахтина.

Взглянув на эти письма, удивился: до сих пор помню, где жила Ольга Лазаревна – 192014 Ленинград, Д-14, Басков 26, кв. 33.

Написал ей, сомневаясь в ответе: хотя и китаист, но из Москвы, да еще из-под крыла Л.Д. Позднеевой, которая не очень-то жаловала ленинградских синологов (как, впрочем, и они ее). Если бы к этому времени я не закончил Институт восточных языков – небольшое и незаметное лобное место мне было бы уготовано.

Почему написал? Искал единомышленников и союзников вне московского круга переводчиков, а в нем главной фигурой был Л.З. Эйдлин (и в этом он не сомневался), считавший, что лишь ему под силу перевести старокитайскую поэзию. На попытки других, например, И. Голубева, он морщился и злился, а если и снисходил – то к лицам из своего подбострастного окружения. О моем отношении к нему он знал: и вовремя прикусывать язык я не умел, и шептуны всегда находились у Л.З.Э. под боком. Да и трудно было удержаться, видя явное отсутствие креативно-поэтических способностей и утомляющее монотонное косноязычие. Короче говоря, я искал других переводчиков – умеющих разъяснять и объясняться, нетерпимых к себе, но терпимых к другим и старающихся избегать споров за первое место.

Вот они – эти письма.

Ю. А. Сорокин.

Уважаемый Юрий Александрович,
пишу сейчас всего несколько слов просто для того, чтобы подтвердить получение Вашей статьи и поблагодарить Вас за доверие.

Мне нужно некоторое время для более детального изучения Вашей статьи, а главное для обдумывания вопроса о том, где ее можно опубликовать (что не просто, т. к. в Л-де нет журналов типа «Иностранной литературы», кот. сочетают «приятное с полезным»).

31.8.75 г.

Искренне Ваша
О. Фишман

Дорогой Юрий Александрович,
простите за то, что так долго не отвечала по существу Вашего письма (надеюсь, что Вы получили мое первое коротенькое письмо): пыталась выяснить возможность публикации Вашей статьи.

Сначала – о самой статье. Она сделана на прекрасном уровне, аргументация безупречна и научно корректна.

Замечания сводятся к следующему:

Может быть, дать более общее название (что-нибудь вроде): «По поводу перевода» или «О переводе китайской классической поэзии», или «К проблеме перевода китайской лирики» с обязательным добавлением – в скобках: (На материале одного из «19 древних стихотв.», или «На материале стихотв. Мэй Шэна...»).

На стр. 7/8 – может быть, стоит говорить не об усредненном китайском комментарии, а о традиционных китайских интерпретациях (или толкованиях): это, пожалуй, ближе к тому, что они собой представляют на самом деле, т. е. отличает комментарий, как таковой, от широкого толкования смысла.

Посмотрите еще раз самую последнюю фразу, в которой Вы «съезжаете» с удачно выбранного Вами «академического» тона. И одно замечание по существу: китайская женщина в поэзии (да, видимо, и вообще в кит. литературе) мечтала не о крепкой семье (она, выйдя замуж, входила в крепкую патриархальную семью), а о том, чтобы муж был настоящим возлюбленным, о том, чтобы находился с ней (вспомните многочисленные ламентации кит. жен у Ли Бо и др., мужа которых оставляют их надолго не потому, что «шляются по другими бабам», а уезжают на торговой джонке и т. п.), чтобы у них был сын. Постарайтесь переформулировать это место в статье, чтобы «не подставляться». Теперь насчет возможности публикации: с этим дело плохо! Ленингр. худож. журналы не возьмут, это им абсолютно не по профилю. «Вопросы литературы», думаю, тоже, не только по проблематике, но у Л.З.Э. есть там «свои люди».

«Народы Азии и Африки», думаю, не возьмут и скорее из-за Эзры Паунда, чем из-за Эйдлина (но, м.б., Вл. Ив. Семанов может прощупать почву у Брагинского?).

Самое подходящее место – это периодически выходящий в Москве сборник «Мастерство перевода», там надо иметь дело с ответств. секретарем Вл. Россельсом. Я наводила о нем справки, но мне не удалось выяснить, в каких отношениях он с Л.З.Э. Если в хороших, то статья будет зарублена «на корню». Кроме того, там есть редколлегия (Л. Озеров, М. Лорие, Левик и др., ориентация которых мне неизвестна). Можете Вы узнать «психологическую атмосферу» в этой Редколлегии? Если да, пробуйте. Но осторожно, продуманно.

И, наконец, последняя возможность, если в нижеследующем контексте ее можно назвать «возможностью». Вы, конечно, знаете о наших 2^х-годовых конференциях по теоретическим проблемам изучения литературы Дальнего Востока. Даже когда я была председателем Оргкомитета III–V конференций, в состав оргкомитета от ИВ АН, кроме Эйдлина, входил кто-нибудь из его Сектора (для связи с Дрейером), и таким образом содержание тезисов конференции было им известно до появления сб. тезисов в печатном виде. Последнюю конференцию (лето 1974 г.) возглавлял Эйдлин, и я не знаю, что будет с VII конференцией (1976 г.). Пишу Вам об этом, полностью полагаясь на то, что, кроме В.И. Семанова, никто не будет в это посвящен. В любом случае для публикации статьи в сборнике статей конференции Вам придется выступить с докладом на конференции (т. е. дать заявку на доклад, когда станет ясно, кому ее дадут), дать тезисы (можно очень короткие) (или только название), а потом – после конференции, если доклад примут, – статью. При этом гарантии, что она пойдет, нет. У меня уже были случаи, когда статьи сборника конфер., редактором которого я была, подвергались большой правке.

Такова истинная картина. А мне очень хочется, чтобы статья вышла, но вводить Вас в заблуждение по поводу всей ситуации я не могу.

Еще раз спасибо за статью и доверие.

10 / IX – 75.

Всего самого хорошего
Ваша О. Фишман

Дорогой Юрий Александрович,

Спасибо за присланные образцы переводов из «Мин'цев». Мне это тем более интересно, что (как, видимо, подавляющее большинство китайцев) я почти совсем не знаю поэзию этого времени.

В целом мне эти переводы нравятся: маконизм, передача структуры и формальных особенностей подлинника, построения стихотворения (Лю Юй, Сунь И-юань, Ван Тин-сян, Сян Чжэ). Эзра Паунд превосходно переведен, и доставил мне просто радость!

Иногда меня смущают «непривычные» образы: напр., «Лихорадливые» (Лу До) (Сян Чжо – «Страдальная» река, почему – «мелочи разлуки»? (во 2^м стих Сян Чжо).

В четв. Лу До «Впережку слушаем дождь» – к чему относится первое слово: предполагает ли оно еще какие-то звуки (шум ветра), или группу людей, сидящих впережку?

Если бы Вы смогли прислать мне несколько переводов из Ван Вэя, «дружно» отвергнутых сектором Л.З., я могла бы более компетентно судить о них чем о мин'цах.

Еще я вспомнила, что, кроме, «Мастерства перевода», есть «Тетради переводчика», их выпускала кафедра перевода 1го МГИИЯ (Метростроевская ул. д. 38). Это я – о Вашей статье.

Я почувствовала себя очень неловко, прочтя Вашу фразу о том, что Вас никогда не приглашали на конференции по теоретич. проблемам изучения литера-р Дальн. Востока. Но, будучи председателем Оргкомитета III–IV конфер., я посылала приглашения (вернее уведомления) членам Оргкомитета (из ИВ АН, ИДВ, ИМЛИ, ИВЯ при МГУ), а они уже оповещали своих и драли с них тезисы докладов.

В этой связи у меня и возник вопрос: Кто Вы? Этот вопрос звучит смешно, но мне Вы интересны своей эрудицией, бесспорными способностями, любовью к кит. поэзии, прямотой. А я совсем не представляю себе Вас. По первому письму я решила, что Вам 25–30 или больше. Где Вы работаете и что окончили?

Извините за эти «анкетные вопросы», но мне легче будет переписываться с Вами, имея о Вас правильное представление, а не «реконструируя» Вас по письмам.

Что касается моего «Юань Мэя», объявленного в плане выпуска на 4 кв. 1976 г., то, если мне удастся закупить нужное мне колич-во экземпляров, («Цзи Юня» мне не хватило), пришлю.

Всего самого доброго
Ваша О. Фишман

18 / IX – 75 г.

Милый Юрий Александрович,
спасибо за письмо, за книжку (с которой поздравляю Вас) и – главное – за то, что Вам захотелось подарить ее мне.

Письмо Ваше грустное, но я все понимаю, т. к. Борис Борисович был мне самым близким другом и мне без него очень трудно.

Будем держаться.

Всего самого доброго.
Ваша О. Фишман.

22 / III – 82